

Глава 3. Чужаки в эмигрантских рассказах¹

Едва ли найдется человеческое сообщество, в котором отсутствовало бы деление на *своих* и *чужих*. Очерчивая границы, составляя когнитивные, этические и эстетические карты своего существования, общество непременно порождает людей, которые нарушают стройность системы. Эти нарушения ощущаются как угроза упорядоченному и понятному миру, а значит, вносят беспокойство и тревогу (Бауман 1997: 46). В основе деления на *своих* и *чужих* может быть раса или этничность, религия, социальное положение, политические взгляды или другие категории. Проблемы *чужака* издавна изучаются философами, социологами и этнологами в контексте процесса самоопределения, сопоставления *я* с различными *другими*. С одной стороны, человеку свойственно тянуться к знакомому и понятному, отвергая неизвестное (см. например, Рацель 1995; Риггинс 1997); с другой стороны, далекое и неизведанное влечет новизной и экзотикой.

В лексиконе израильтян за членами разноликой волны эмигрантов из бывшего СССР прочно утвердился этноним *русим*, русские². «Русскость» волны 90-х стала определяющим признаком не только в восприятии израильтян, но, как отмечает социолог Киммерлинг, и в глазах самих иммигрантов, создавших свое собственное «общество в обществе»³. Возникновение русского «острова» усилило центробежные тенденции в развитии общественной жизни страны и способствует развитию «культурного плюрализма» государства Израиль (Киммерлинг 2001: 137). Само понятие «культура», при этом имеется в виду русская культура, стало ключевым понятием идентификации эмигрантов из СССР в Израиле. По мнению Хабибулина и Скворцова, культура играет важнейшую роль в процессах этнической самоидентификации: человек относит себя к той национальности, в культуре которой он сформировался и носителем которой он является (Хабибулин и Скворцов 1993: 70). Это утверждение безусловно, но при этом нельзя забывать и того,

что этническое самосознание может усиливаться как протест против дискриминации, как своеобразный инстинкт самосохранения. Для того, чтобы выжить, мигрантам приходится опираться на членов своей группы, а значит, мобилизовать и то общее, что будет способствовать групповой солидарности. В условиях социалистической экономики, запрета религии, иврита и разрушения традиционного образа жизни таким общим оказывались, в основном, осколки воспоминаний о еврейском прошлом и объединяющие проблемы настоящего. В условиях иммиграции объединяющим началом оказались язык и культура покинутой страны.

Широкое употребление этнонима русские – не исключение в израильском дискурсе. В еврейском секторе, состоящем из иммигрантов и их потомков, выходцев из 120 стран (Бенски 1992–1993), соотечественников принято называть американцами, румынами, марокканцами, аргентинцами или эфиопами в зависимости от страны исхода (Гительман 1991: 38). Деление это далеко не нейтрально: каждой группе отведено определенное место на общественной лестнице и за каждой из них закрепился обобщенный образ, поддерживаемый и обогащаемый городским фольклором, а нередко и СМИ. Социологи Смуха и Краус указывают на то, что неравенство этнических групп в Израиле в значительной степени проявляется в демографии, экономической жизни, а также в достижении социального статуса. По мнению этих исследователей, свидетельством того, что этническое неравенство упрочилось как явление общественной жизни Израиля, можно считать его воспроизведение во втором поколении (Смуха и Краус 1985: 171). Этот вывод сделан на основе изучения еврейского сектора израильского общества, в то время как анализ социальной стратификации, проведенный Аль-Хаджем, включает и арабский сектор. Нельзя не согласиться с Аль-Хаджем, который убежден в этническом и национальном характере неравенства. Бинарность социальной системы проявляется на двух уровнях: в делении общества на евреев и неевреев; еврейская же часть населения подразделяется на вы-

ходцев из Европы и Америки (в основном это евреи-ашкеназы) и выходцев из Азии и Африки (в большинстве – сефарды). В этой стратификации евреи ашкеназийского происхождения занимают верхнюю ступеньку, арабы нижнюю, а сефарды располагаются посередине (Аль-Хадж 1998: 212). Дополнительным фактором, определяющим престиж группы, является длительность ее пребывания в Израиле. Одним из основополагающих принципов идеологии молодого государства было освобождение от прошлого, связанного с диаспорой, а значит, и освобождение от обычаев и привычек, выработанных в стране исхода. Взяв установку на отказ от традиционного образа жизни еврейской диаспоры, Израиль стремился «переплавить» изгнанников в котле, создающем единую нацию (Бен-Рафаэль 1982: 14). Этим объясняется и символическое значение образа коренного израильтянина, неиспорченного жизнью в изгнании и любовно называемого *саброй* (кактусом), колючим снаружи, но мягким и нежным внутри.

Статус выходцев из бывшего СССР неоднозначен. Подобно евреям из Эфиопии, они как новоприбывшие оказались внизу общественной лестницы; вместе с тем волна 1990-х отличается большой социальной мобильностью и успешно конкурирует с другими группами за то, чтобы занять прочное место в среднем классе (см. Бертомьер 2003; Киммерлинг 2001: 137–149). В Израиле долго ожидали исхода советских евреев и надеялись таким образом надежнее обеспечить еврейское большинство в противостоянии арабскому меньшинству. Однако, большое количество неевреев по Галахе среди новоприбывших, а также их стойкое сопротивление ассимиляции превратило мечту в иллюзию⁴. Разочарование вызвал и демографический состав группы: значительное количество пожилых, инвалидов и неполных семей было воспринято как дополнительное бремя для налогоплательщиков и вызвало неудовольствие обывателей (см. Кац 2000; Ременник 1999; Хабиб и др. 1998). Двойственное отношение к эмигрантам из бывшего СССР подтверждает часто повторяемую сентенцию: израильтя-

не любят иммиграцию, но не любят иммигрантов. Израильские социологи и антропологи едины в объяснении этого явления:

- оно коренится в страхе перед чужаками и механизмах защиты, вырабатываемых членами принимающего общества;
- давно сформировавшийся в обществе консенсус относительно кардинального значения иммиграции для выживания государства Израиль для многих является не более чем декларацией, так как лишь немногие готовы пожертвовать своим личным благополучием (Лэшем 1998: 324).

Конкурентная борьба за ресурсы представляется угрозой группе «своих» и вызывает предрассудки и отрицательное отношение к группе «чужих» (Бизман и Йинон 2001; Люин-Эпштейн и др. 1997). Особенно явно враждебность и предрассудки проявляются у людей с низким материальным достатком, у молодежи (в возрасте до 30), у людей с неполным средним образованием, а также у израильтян афро-азиатского происхождения, в особенности, у второго поколения иммигрантов (Илатов и Шамай 1998: 284; Лэшем 1998: 323; Резник и др. 2001: 436–437; Солодкина 1996: 47–48). Солодкина связывает распространенность отрицательных мифов, интерес к плохой аттестации эмигрантов из бывшего СССР, отсутствие общественного отпора тенденциозным публикациям с тем, что переселенческий этап в истории Израиля подходит к концу. Подобное явление наблюдалось в свое время в США, Австралии и Канаде, где уроженцы страны начинали выступать за ограничение иммиграции (Солодкина 1996: 94).

Массовая волна эмиграции из бывшего СССР вызвала тревогу и у израильских арабов, которые так же, как и евреи-сефарды, опасались ухудшения своего экономического положения и предполагали, что прибытие советских евреев увеличит вероятность трансфера (Аль-Хадж 1998: 214, 219).

Шуваль и Лэшем указывают на сходство в отношении принимающего общества к «возвращающейся диаспоре» в Израиле и Германии. В обеих странах государство официально поддерживает репатриантов, предоставляя им гражданство и равные права. Более того, репатрианты получают финансовую поддержку и разрешение на работу; для них организованы бесплатные языковые курсы, а также курсы профессиональной переподготовки. И, тем не менее, и в Израиле, и в Германии можно найти много подтверждений тому, что общество воспринимает репатриантов как чужаков (Шуваль и Лэшем 1998: 12–15).

Образ чужака в фольклоре и литературе

При анализе образа чужака в эмигрантских рассказах представляется необходимым сделать краткий экскурс в некоторые особенности этого образа в славянском фольклоре и русской литературе, так как именно на них, как было показано во 2-й главе, и воспитаны наши информанты. Мифологические системы, воспринятые до эмиграции, мобилизуются как средство интерпретации израильской реальности в терминах знакомых символов и позволяют преодолевать экзистенциальные страх и тревогу. Фольклористы и социологи отмечают, что в современном дискурсе традиционная культура актуализируется в периоды дестабилизации социально-культурного контекста, влияющей на повседневную жизнь (Баузингер 1987: 21–31; Богданов 2001: 22; Дубин 2001: 149). Несомненно, такую нестабильность особенно остро ощущают мигранты в любом обществе, а в рамках непрекращающегося политического конфликта она является постоянной составляющей и в жизни израильского общества в целом.

Изучая образы чужака в разных культурах, фольклористы обнаружили в них много общего. Неотъемлемой составляющей этого образа является дегуманизация, проявляющаяся в представлении

другого в образе разных животных и птиц (Белова 1996: 112, 114, 115; 1999: 90). Важно отметить, что в славянском фольклоре евреи и мусульмане чаще всего связываются со свиньей (см. Белова 1997: 26; Гёрог-Каради 1992: 122–123). Такое сопоставление особенно унизительно, так как и в иудаизме, и в исламе это животное считается «нечистым». Современная культура унаследовала из фольклора изображение чужака-недруга как хищника или животного, вызывающего брезгливость. Стайтс обращает внимание на то, что ненависть к нацистам во время Великой Отечественной войны в карикатурах Кукрыниксов воплощалась в изображении их в виде животных и мифологических чудовищ. Причем из животного мира выбирались гиены, шакалы, пресмыкающиеся и грызуны как наиболее отталкивающие (Стайтс 1992: 111). А в качестве примера использования образа мифологических чудовищ в пропагандистских целях можно привести фразы «гидра контрреволюции» и «гидра империализма», сошедшие со страниц газет и вошедшие в обиходный язык для обозначения любых враждебных сил и явлений (см. Грушко и Медведев 2000: 99; Мокиенко-Никитина 1998: 117). Об использовании в постсоветском политическом дискурсе противопоставления – Россия как человек, а другие страны как гады и чудовища – пишет Гусейнов. Он приводит примеры из российской национал-патриотической прессы, а также указывает на то, что и демократическая публицистика 1990-х не чуралась анималистских метафор (Гусейнов 2000: 86–87).

И в литературе, и в повседневном дискурсе *другого* часто связывают с насекомыми. Английский литературовед Холлингсвэрт показал, что колонии насекомых, олицетворяющие чужаков, были одной из главных метафор европейской литературы девятнадцатого века (Холлингсвэрт 2001: 152–186). В то время, как в западноевропейской литературе улей и муравейник олицетворяют крайнюю степень дегуманизированного сообщества, в славянской традиции и муравьи, и пчелы символизируют трудолюбие и добродетель, что отражается в многочисленных паремиях. В этиологиче-

ских легендах пчела воспринимается как чистая «божья тварь», которая по некоторым поверьям, жалит только грешников. В славянской культуре воплощением зла часто выступает таракан⁵. Прозвища этого насекомого связаны с другими этносами, например, прусак в русском языке и *прус, шваб, швед, жидочок, москаль* в украинском (Гура 1997: 434, 448–449). В русской городской традиции к таракану относятся презрительно и брезгливо; он присутствует на страницах произведений М. Булгакова (1989), А. Ремизова (1978), А.Н. Толстого (1963), К. Чуковского (1990) и т.д. Примечательно, что связанный с образом таракана отрицательный символизм сходен с символизмом улея и муравейника, описанных Холлингсвёртом.

Дегуманизация *другого* проявляется и в его связях с нечистой силой. Согласно христианскому преданию, у Иисуса было два непримиримых врага: дьявол и евреи, а представление о союзе между ними постепенно проникло в христианскую мораль (Трахтенберг 1998: 22–23).

Например, в польском фольклоре дьявол появляется наряженным то, как немец, то, как еврей, француз, литовец или эфиоп (Белова 1999а: 416; Гольдберг-Мулькевич 1970: 154). Широко распространена в польском фольклоре вера в то, что еврей, немец и дьявол – дети одной матери (Цала 1995: 176). Подтверждением демонизма в натуре людей, исповедующих другую религию, в славянском фольклоре выступает их чернота (Белова 1999: 86).

Связь отношения к представителям другого этноса и оценочными компонентами цветовых кодов изучалась психологами. Так, Альпорт отмечает, что при описании физиономических дефектов самым мощным выступает символизм цвета (Альпорт 1979:182). Вильямс обращает внимание на то, что названия цветов, таких как белый и черный, часто используются в различных контекстах как общекультурные символы и передают коннотации в категориях «хороший–плохой» (Вильямс 1966: 531). В русском, также как и в других языках (например, в английском, немецком и французском),

есть большое количество фразеологизмов и идиоматических оборотов, в которых «черный» имеет коннотации «мрачный», «злой», «грязный» и т.д. Напомним читателю и о символизме черного цвета в русской и советской литературе: метафора смерти у Н. Некрасова (Черный день! Как нищий просит хлеба... 1979: 332), А. Чехова (Черный монах, 1986), метафора зла у Есенина (Черный человек 1972: 209–214), метафора страха и отчаяния у А. Ахматовой (Реквием, 1987) и др.

Еще одна важная особенность образа чужака в русской культуре – его бездушие и бездуховность. Антрополог Бойм указывает на то, что в мире Достоевского немцы, евреи и поляки лишены души, и именно эта особенность делает их враждебными чужаками (Бойм 1994: 85). О противоборстве души и советской системы, души и прозападного образа жизни говорили и информанты американских антропологов Песмен и Голубофф, проводивших в 90-е годы полевую работу в Омске (Песмен 2000: 8, 206–207) и в московской хоральной синагоге (Голубофф 2003: 110–11). Бинарное противопоставление душевный–бездушный широко используется в русском языке как оценочная категория при описании людей, их поведения и поступков. Несмотря на многочисленные перемены, произошедшие в XX веке в российском обществе, и несомненный рост прагматизма, наблюдающийся в последние десятилетия, *душа* остается одним из ключевых понятий русской культуры (см. Вежбицка 1992: 31–36; Песмен 2000: 6–18)⁶.

Рассуждая о представителях других групп, иммигранты часто опираются на народные поверья и воспроизводят их отрицательные стереотипы. Частотность таких случаев во многом зависит от типа коммуникации. Наши информанты не забывали о том, что беседа с ними записывается на пленку и старались быть сдержанными в оценках. У некоторых самооценка отключалась сразу же по окончании интервью, и они делились с нами своим истинным мнением, «не для печати», об окружающих их *других* и *чуждых*. Богатый материал, подтверждающий широкое использование опи-

санных выше фольклорных образов и фразеологии в неформальном общении, содержат наши этнографические записи, и в еще большей степени эта тенденция выражена в общении на интернет-форумах.

Электронная коммуникация, часто называемая «вторичным устным общением», позволяет участникам вести квази-беседы (Фиалкова и Еленевская 2001: 75–79). Оставаясь анонимными, интернет-пользователи не стесняются высказывать экстремистские взгляды в духе фольклорных стереотипов. В рассуждениях о взаимоотношениях ашкеназов и сефардов, арабов и евреев часто встречаются анималистские метафоры и противопоставление «белых» «черным». Печально знакомые российскому читателю «черножопые» и «чурки» переключались в дискурс русскоязычных израильтян для обозначения восточного *другого*. Оценочные коннотации этих жаргонных слов остались прежними. Примечательно, что в группу «черных» часто включаются и ультра-ортодоксальные, в том числе европейские евреи, не пользующиеся особой симпатией нерелигиозных в своем большинстве иммигрантов. При этом мотивацией метафорического переноса являются черные шюттки и шляпы мужчин-ортодоксов.

Чужие среди своих

Как уже отмечалось, несмотря на то, что с начала «*большой алии*» прошло уже более 15 лет, эмигрантов из бывшего СССР все еще воспринимают как *других*. Однако, если внимательно приглядеться, перед нами окажутся самые разнообразные *другие*. Применительно к приехавшим из Украины, Узбекистана, Латвии или Молдовы этноним «русские» еще менее уместен, чем, когда речь идет о евреях, живших до эмиграции в России. Как справедливо отмечает Кенигштейн, выходцы из бывшего СССР, как правило, не были объединены какими бы то ни было общинными интересами в

странах исхода, и в эмиграции процесс их социальной, экономической и культурной дифференциации продолжается (Кенигштейн 2000: 14). Гительман отмечает, что чувства советских людей, их отношение к национальной политике Советского государства, а также восприятие представителей различных этничностей описаны недостаточно (Гительман 1991: 28–29). Нам представляется, что именно личные рассказы позволяют заполнить эту лауну, так как тексты этого жанра никогда не бывают этически нейтральными (Рикёр 1992: 115).

Сами эмигранты из бывшего СССР воспринимают себя как раздробленную группу, причем одним из критериев, связывающих их, является место проживания до эмиграции. Кроме деления на евреев и неевреев, европейцев и выходцев из азиатских республик, явственно прослеживается деление на центральные и периферийные районы бывшего СССР. В сознании советских людей на периферии оказались целые народы, в особенности те, которые в сталинскую эпоху обвинялись в антисоветских настроениях и поэтому депортировались. Как указывает Алиева, источником постсоветских межэтнических отношений и конфликтов явилась десятилетиями проводимая политика поддержания национального неравенства, когда одни народы, наделенные административно-политическими правами, были реально поставлены выше народов, которые «...либо узаконенно «подчинены» им, либо вообще приравнены к бомжам» (Алиева 1993: 17). О пагубном влиянии централизации на межэтнические отношения в СССР много написано и в России, и за рубежом (см., например, Брасс 2001: 311–319; Карклинс 1986; Тишков 2001: 20–24). Известно, что республики, за исключением прибалтийских, воспринимались как периферия. Даже национальное большинство испытывало противостояние власти российского центра и национальных окраин (Суни 2001: 245). Изучая межэтнические предпочтения в бывшем СССР, Хагендоорн и его исследовательская группа указывают на то, что в результате возникла этническая гомогенизация республик, а под идеологиче-

ским знаменем «советизации общества» скрывалась его фактическая русификация, еще более усиливавшая иерархическую структуру межэтнических отношений (Хагендоорн и др. 1998: 486–487). К подобным выводам приходят также Карклинс (1986: 208) и Хабибулин и Скворцов (1993: 66–68). Примером покровительственного, а подчас и презрительного отношения к народам, проживающим в советских республиках, стало укоренившееся в устной речи использование уничижительных жаргонных слов «чучмек», «чурка» и разговорного пренебрежительного «нацмен». Лингвисты Мокиенко и Никитина справедливо отмечают, что русские, вопреки значению термина «нацмен», применяют его к кавказцам, местным жителям Средней Азии и другим неславянам не только там, где они являются национальным меньшинством, но даже и у них на родине (Мокиенко и Никитина 1998: 361).

Советские стереотипы престижности центра и непрестижности периферии сохраняются в сознании мигрантов. Эти стереотипы проявляются в том, как структурированы неформальные связи иммигрантов и даже в формулировках брачных объявлений в русскоязычных газетах: бывшие москвичи, ленинградцы и жители столиц стран Балтии до сих пор рассматриваются как наиболее престижные кандидаты (Еленевская 2001).

Дихотомия *свои* и *чужие* – субъективные конструкты, и разница между ними часто мифологизирована. Как указывает Ю. Степанов, «...эта сфера, «Свои» – «Чужие», как раз такая, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании» (Степанов 2001: 127). Значение такого разделения соотечественников на группы растет у эмигрантов под воздействием новых условий жизни. Прежние привязанности пересматриваются под влиянием новой идеологии.

Эльвира Д., 34

У меня вот в *ульпане* (иврит, здесь и далее «курсы иврита для иммигрантов») был случай. Когда я ходила в *ульпан*. (...) Мы ходили с мужем сначала в этот *ульпан*. Потом он

через два месяца устроился на работу и перевелся на вечернее отделение. А-а мы, а я осталась в этой группе. И сначала учительница почему-то думала, что еврейка я, а не мой муж. Но потом мы, значит, разговорились. Очень хорошая учительница у нас была, Рути. Очень милая, очень такая приятная женщина. И как-то на перемене, ну, когда вот узнали, кто откуда, кто какой нации... Я никогда не скрывала, кто я. Никогда! И вдруг мне такая же *олимпка* (русифицированный иврит: «новая репатриантка»), как и я, мне говорит, что я глупая женщина, что я должна была сделать себе еврейство. Сделать еще там, чтобы мои дети были евреями. Я была в шоке. Я пришла домой в истерике и сказала, что я уезжаю назад. Я бежала оттуда потому, что там никакой жизни не было для моих детей, никакого будущего. Я приехала сюда и вдруг мне вот это. И вот если то же самое будет здесь, я этого, ну, я не вынесу просто. Э-э, ну потом муж стал меня утешать: «Что ты, не слушай их». Э-э, ну, в общем, я (*пауза*), я даже несколько дней не ходила в этот *ульпан*, потому что мне было вообще неприятно быть с этими людьми, которые мне вот это всё говорили. Потом я пошла. Я как-то вздумала пойти и пошла. Я закончила *ульпан*. Я стала работать. И никто, никогда, НИКОГДА мне не говорил: «Ты не еврейка!» Или чтоб моим детям э-э, что-то вот э-э, отделяли их чем-то, или вот... никогда! Я просто сделала для себя вывод, что местный человек, местный израильтянин, никогда, нет. Может быть, он про себя где-то что-то отметит, но вот так, чтобы сказать – нет, никогда. Я, например, никогда с этим не сталкивалась. А вот наши соотечественники, э-э, оттуда приезжие, они очень часто э-э, за это переживают, что вот особенно мамы, когда неевреи, вот чтобы никаких вот с их детьми, как они.

Прагматическое отношение к этничности, ставшее у советских евреев защитным механизмом против дискриминации, не исчезло и в эмиграции. Рассказ Эльвиры Д. созвучен нарративу Эллы О, приведенному во второй главе. Совершенно очевидно, что доброхотка, соученица Эльвиры, имела в виду не переход в иудаизм, а

подделку свидетельства о рождении. В отличие от Эллы, Эльвира была оскорблена тем, что ей предлагают отказаться от своих корней. Решение оставить свой дом и расстаться с родителями и близкими далось ей нелегко, и оправдание своему решению она видела в стремлении спасти детей от тягот жизни в воюющем государстве. Заявление о том, что ее происхождение может стать помехой в жизни детей, явилось для нее ударом. Причем особенно обидным ей показалось, что укор был брошен членом ее собственной группы. Ожидания Эльвиры – пример того, как, помещая себя и другого в рамки одной категории, мы огрубляем действительность и представляем себя и другого как двойников, у которых полностью совпадают когнитивные и эмоциональные реакции (Хогг и Абрамс 1988: 107). Эльвира убеждена, что её реакция на слова соученицы не была бы столь бурной, если бы они исходили от аутсайдера, человека с другим опытом, а значит, по мнению информантки, и с другим мировоззрением. Подобная история прозвучала и в интервью с Асланянами. Приятельница-еврейка, приехавшая незадолго до них в Израиль вместе с мужем-армянином, уговаривала подыскать сыну еврейскую невесту, так как «евреи признают только чистых евреев». Совет проигнорировали, но, как и у Эльвиры, этот инцидент оставил горький осадок в душе.

Поведение старых друзей и знакомых в предэмиграционный и послеэмиграционный периоды – частая тема в интервью. Эмиграция не ослабила, а усилила значение, которое советские люди придавали дружбе в противостоянии индивида и государства (см. по этому поводу Шлапентох 1989: 170–171; Смит 1976: 108–110; Вежбицка 1997: 55–84). Эмигранты перенесли нелюбовь и недоверие к официальным учреждениям и официальным отношениям и продолжают опираться на дружеские связи и в период становления в новой стране (Ременник 1998: 256). Как и прежде, больше всего ценится надежность и готовность придти на помощь в трудную минуту. Помимо этого, особое значение приобретает общность культурных кодов, умение понимать друг друга с полуслова

и опираться на те же аллюзии в интерпретации незнакомой действительности. Обживание нового пространства непосредственно связывается с завязыванием новых знакомств и дружбы. Особенно отчетливо это ощущается в интервью с молодыми информантами.

Расул О., 24

Расул: Когда я приехал в Израиль, я это, уже сегодня эту историю рассказываю своим друзьям, и я, сама она мне тоже слышится абсурдной, но тогда она была именно такая. Я зашел в школу (...) в класс для одаренных детей, на иврите называется «*китат мехунаним*», и там была половина русских. Как только я зашел, я был только три-четыре месяца в стране, мне было тринадцать лет, я был на два года младше всех, кто там учился. Всем было по пятнадцать–шестнадцать, десятый класс, *юд* класс. Ко мне подошел парень и спросил меня: «Ты с Кавказа?» А он был тоже похож на нас, смугленький, с носом, значит. Он был с Баку. Витя – мой друг, один из близких моих друзей сегодня. Он спросил у меня: «Ты с Кавказа?» Когда я на него посмотрел, первое, что мне взбрело в голову, это был тот четкий стереотип, как я всегда себе представлял: дербентский умный, интеллигентный, скромный парень.

Интервьюер: То есть, еврей?

Расул: Да, вот именно – горский еврей, как я вот это тот стереотип, который отложился у меня в памяти: умный, скромный, аккуратный, благородный, то есть именно высокого уровня человек, высокого духовного и любого другого, (неразборчиво) и это первая моя ассоциация. Спустя много-много лет я узнал от него по секрету, что, если бы не я... во-первых, я узнал, что он – ашкеназ. Я был немножко в шоке. Ну, мне это не придало никакого значения – он был с Кавказа (неразборчиво). Через несколько лет дружбы с ним я узнал, что, оказывается, он не горский еврей, а я был для него как исключение. Он даже не знал, что есть такие, как я, среди горских евреев. И многое время был в шоке, то есть тоже от меня. Он вспоминает, как он жил в Баку возле Кубинки,

Кубинка – это такой район в Баку, где жили все наши. Значит, называется весь наш «свет» в кавычках – горских евреев, именно все те стереотипы, за которые нас не любят.

Анатолий П., 26

Анатолий: Единственный мой, действительно друг, из школы из моей, это был Миша. А он был из Донецка. Вот (...) И мы чего-то с ним как-то познакомились, а у него акцент такой украинский (ударение на «а») и чего-то такое, и я ему говорю: «Аквариум», а он говорит: «Что это за дерьмо такое?» Вот. И в какой-то момент мы стали очень близкими друзьями, потому что он, оказывается, ему тринадцать лет было, да, ему исполниться должно было четырнадцать через месяц. А мне должно было исполниться семнадцать. (...) Э-э и мы с ним вдруг в какой-то момент стали людьми, которые вдруг поняли, что мы о музыке можем говорить. Слушать музыку вместе. А он оказался, его папа оказался контрабасист. В конечном счете, один из лучших в Израиле. Вот. И они поселились тут, ниже, в пятьдесят восьмом доме. Первый год они прожили здесь, потом уехали. Вот. И мы с ним здесь подружились за этот год. Вот. Даже стали что-то играть вместе. Вот. А (пауза) на следующий год, по-моему, у нас была (неразборчиво) такая, армейская, для школьников, армейская какая-то поездка на два или три дня. Причём с учениками из школы ВИЦО (школа искусств в Хайфе), то есть русские *олим хадашим* (иврит, «новые репатрианты») из ВИЦО и *олим хадашим* из нашей школы, вместе их объединили и послали, значит, там, значит, на три дня в какой-то, по Галилю (Галилея – район на севере Израиля). С ночёвкой там. Вот. И там, значит, я знакомлюсь с Майком другим. То есть это Мишка был, а это был Майк, Майкл он был. Вот, а он американец. И он из школы ВИЦО. Тоже *оле хадаш*. Вот. Но он, типа, родился в Израиле, а потом в четыре года его увезли, в общем, он здесь опять. Такой странный парень, такой здоровый, рыжий такой, как... весь и-и... в общем. Но с ним вдруг заговорили на одном языке. Ну, по-английски, правда. Но вдруг я понял, что, вот, наконец-то,

теперь я смогу с человеком общаться как бы мало того, что на одном языке, так он, как бы еще на английском говорит о том, о чём я хочу говорить, и по-русски стал бы говорить с кем-то. То есть абсолютно. (...) А он уже в свою очередь американец и как бы положения другого, другого уровня, т. е. он для, для израильтян – белый человек.

Интервьюер: А мы?

Анатолий: Если мы как бы второй сорт тогда были, это сейчас они потихоньку врубаются, что мы не второй сорт, а тогда американцы это было, ну, ведь здесь же все на американцев раскрыв рот смотрят, и смотрели всегда.

Обратим внимание на сходные черты этих отрывков. Начнем с контекста встречи: оба подростка познакомились с будущими друзьями в школе вскоре после приезда в Израиль. Оба искали знакомств с такими же новоприбывшими, как они сами, а не с коренными израильтянами. И, наконец, несмотря на юный возраст, оба прекрасно ориентировались в социальной стратификации межэтнических отношений, как в советском, так и в израильском обществе. В обоих отрывках цвет кожи выступает как оценочная категория. Для Расула смуглость – это индикатор, позволяющий включить одноклассника в свою группу и обладающий положительными оценочными коннотациями. По тому же критерию, Виктор помещает Расула в группу *других*. Более того, распознав в Расуле горского еврея, он наделяет его отрицательными качествами, руководствуясь стереотипами, выработанными в бакинской жизни. Так как впоследствии эти стереотипы по отношению лично к нему разрушились, Расул вспоминает о данном эпизоде как о забавном недоразумении. Более того, он не пытается развенчать отрицательный стереотип своей группы как ложный, а признает его «обоснованность»⁷.

Анатолий использует метафорический компонент значения «белый», маркирующий социальное превосходство его друга-иммигранта из США. С нескрываемым удовольствием говорит Анатолий о том, как постепенно меняется отношение израильтян к

выходцам из бывшего СССР, но, тем не менее, не ожидает, что престиж его группы в глазах израильтян может сравняться с престижем выходцев из США.

Анатолию приходится расстаться со стереотипом ущербности тех, кто говорит по-русски с украинским акцентом (подробнее см. Фиалкова 2005; Шмелева, Шмелев 2002: 61–62). Российскому читателю хорошо известны шутки, высмеивающие украинский и южнороссийский говор. Примечательно, что обращают на это внимание и западные исследователи, проводившие полевую работу в России. Так, Райс заметила, что москвичи высмеивали южнорусский, «провинциальный» акцент М.С. Горбачева (Райс 1997: 40). Нарративы, показывающие символическую роль языков и различных акцентов, будут подробно рассмотрены в главе 7, а пока обратим внимание читателя на антитезу центр–периферия в рассказе Анатолия. Крупный промышленный город, Донецк, для ленинградца Анатолия не более чем провинция⁸, а его уроженец автоматически попадает в категорию отсталых уже потому, что не ориентируется в названиях рок-групп. То, что знакомство с рок-группами выбрано в качестве критерия оценки личности, не случайно. В период, когда распространение произведений западной культуры не поощрялось, интерес к ним был для советской молодежи знаком прозападной ориентации и вызовом официальной советской идеологии и культуре (см. об этом Шлапентох 1989: 142). Как следует из интервью, Анатолий очень тяжело переживал решение семьи об эмиграции, прежде всего из-за того, что не хотел расставаться с друзьями. Он с трудом привыкал к новой школе и новым людям. Ни в школе, ни в армии, ни в последующие годы учебы и работы Анатолий так и не сдружился с коренными израильтянами. Немаловажную роль в выборе круга общения играет для него язык. С Майком он стал говорить по-английски, а не на иврите, хотя известно, что владение вторым языком часто ослабевает в период интенсивных занятий третьим. Выбор английского для Анатолия – дань престижу Америки, который так раздражает его в коренных израильтянах.

Следующий отрывок демонстрирует покровительственное, а нередко и презрительное отношение выходцев из крупных городов России к уроженцам Кавказа и Средней Азии.

Александр 3., 27 (ИАФР 21751)

Мы приехали в абсолютно пустую квартиру. И надо было где-то доставать мебель. Нам дали какой-то адрес по поводу, что ль, не знаю, ну кто-то там умер и не оставил наследников, я не знаю. Была на другом конце Гиватайма квартира, наполненная всякой мебелью, старой. Мы сначала её стали таскать через весь Гиватайм с Толей на спинах. Гиватайм – не то, чтобы очень большой город, но какой-то перепадистый. Перепадистый, да. И благополучный. Нам стало очень тяжело, и нам какая-то наша знакомая, которая оказалась страшно опытным человеком и всячески это демонстрировала, какая она тут опытная в Израиле, сказала: «Вот наймите моего знакомого узбека! У того узбека есть машина, и он вам задешево поможет». Мы с этого узбека пытались, конечно, дознаться, сколько это будет стоить. Он, как человек восточный, говорил: «Сколько не жалко, столько дадите – свои люди». Мы не были свои люди, нам было жалко. Мы спросили эту знакомую, страховую агентшу, которая его посоветовала. Русские, они ведь такие, любят показать, как они задешево все умеют. Она сказала: «Десять шекелей ему хватит». Этот узбек, он где-то час-полтора возился, паковал нашу мебель, потом он её долго по этому Гиватайму... нет, в два захода, по-моему, он её возил. За один раз она у него не уместилась. Где-то часа два ушло на эту операцию по перевозке. В общем, в итоге, после этого Толя ему 10 шекелей дает. Он посмотрел. Он был потрясен в лучших чувствах. Он, видимо, понял, что здесь не Узбекистан, в первый раз, и люди какие-то странные натуры, не широкие. Он сказал, что так – нет! Толя ему дал еще 10, и спросил: «Хватит?» Он сказал: «Нет». В 30 он обошелся, но ушел, глубоко оскорбленный.

Несмотря на то, что все участники этого рассказа – выходцы из одной страны и говорят на одном языке, Александр не рассматривает их как членов своей группы. «Какая-то наша знакомая» принадлежит к нелюбимым иммигрантами 90-х *ватикам*, т.е. старожилам. Как уже говорилось, длительность пребывания в Израиле – статусная категория. А водитель машины, подрядившийся перевезти мебель, – чужак из-за своего восточного происхождения. Неизвестно был ли водитель узбеком, бухарским или горским евреем. Скорее, подействовал принцип обобщения, по которому группа *других* стереотипно представляется как гомогенная и, таким образом, приводит к деперсонализации индивида. Как отмечают Хогг и Абрамс, такая гомогенизация может различаться по жесткости и степени экстремизма и, в большинстве случаев, связана с отрицательной оценкой другого (Хогг и Абрамс 1988: 65). Обратим внимание на то, что *другие* в рассказе Александра остаются анонимными, в то время как член своей группы называется по имени.

Неуважение к членам другой группы проявляется и на языковом уровне. Вместо нейтрального «агент» Александр использует имеющее пренебрежительный оттенок «агентша» (ср. профессорша, генеральша). Чрезмерное употребление указательных местоимений свидетельствует не только о бедности языка говорящего, но и о нарушении речевого этикета и сродни указыванию пальцем. Характеризуя свою знакомую как «ужасно опытную», Александр иронизирует и подвергает сомнению не только ценность ее опыта, но и право поучать новоприбывших. Передавая слова «узбека», Александр коверкает произношение, пытаясь имитировать акцент говорящего. Насмешка проявляется и в выборе слов для описания эмоций обманутого водителя, не ожидавшего подвоха от тех, кого он считал членами своей группы.

Ранее мы привели примеры того, как подводят иммигрантов стереотипы при попытке отнести новых знакомых к той или иной этнической группе. Но, если в рассказе Расула проверку личным опытом не выдержали стереотипы, сформированные еще в СССР,

то в следующем отрывке ошибка в идентификации основана на стереотипе, сложившемся уже в Израиле.

Тамара Д., 11 (ИАФР 21739)

Это было, когда мне и моей подружке Юле, это о ней будет история, нам было тогда лет шесть, около семи, там где-то так. И мы пошли в парк возле нашего дома. Погуляли, никого не трогали, сидели на качелях, смеялись, сидим – веселимся. Напротив сидит какая-то толстая женщина, пристает, ну, такая, со всеми ссорится. У неё внучка в парке была лет... годика два было, три. Она, значит, смотрит на Юлю, и говорит мне:

– Чего ты с этой марокканкой дружишь?!

– Юлька опешила и на чистом русском языке у нее спрашивает:

– Извините, что вы от меня хотите?

– Девочка! Ты не марокканка?!

– Нет, я приехала из Ленинграда.

– Врешь! Не может быть такие... такая темная.

Всё (пауза). Ну, мы поднялись и ушли.

Многие выходцы из бывшего СССР убеждены во враждебном отношении к себе иммигрантов из Марокко⁹. Нередко эти настроения подогреваются и русскоязычной прессой. Как и в рассказе Расула, критерием деления на своих и чужих становится цвет кожи. В рассказе Тамары место чужака остается незаполненным, но, тем не менее, оно маркировано. Незнакомка зорко следила за тем, чтобы рассортировать окружающих на своих и чужих по стереотипным признакам и сделать свою группу непроницаемой для чужаков. Убежденность в превосходстве своей группы часто служит компенсацией низкой самооценки, вызванной падением социального статуса и конфликтом между официально заявленными ценностями и отношением к ним окружающих. Нельзя не согласиться с Муром, утверждающим, что «принадлежность к группе помогает личности справиться с чувством тревоги, возникающим вместе с

необходимостью добиваться значимого места в обществе, в особенности, когда шансы на это невелики» (Мур 1978: 488).

Израильский социолог Солодкина пишет о том, что столкновения выходцев из СССР с эфиопскими евреями породили в Израиле миф «об алии белых расистов» (Солодкина 1996: 95). К сожалению, собранный нами материал дает этому много примеров. Впрочем, как и обычно, в случае межэтнической нетерпимости, качества, присущие отдельным людям, обобщаются и переносятся на всю группу. Как отмечает социолог Таджфель, «...стереотипы становятся *социальными* (выделено нами) только тогда, когда они становятся «общими» для большого количества людей, членов определенных социальных групп или объединений. Сам факт этой общности свидетельствует о том, что стереотип успешно распространяется» (Таджфель 1981: 145).

Израильтяне: «евреи разных национальностей»

Так же, как израильтяне-старожилы, выходцы из бывшего СССР продолжают проводить границу между *нами* и *ими*, при этом иногда члены принимающего общества выступают как единая группа, объединенная ивритом, а иногда как различные этнические группы. Таджфель отмечает, что до тех пор, пока индивиды осознают свою принадлежность к какой-либо группе и считают эту общность важной для себя, выбор критериев деления на своих и чужаков определяется культурной традицией, групповыми интересами, социальным расслоением и памятью о социальных потрясениях, воспринимаемых членами группы как общие для всех (Таджфель 1981:158).

В большинстве записанных нами бесед главными критериями такого деления были фенотип, поведение, уровень образования и взгляды на воспитание детей. Подавляющее большинство наших информантов – люди светские, поэтому они редко говорили о различиях в религиозных традициях. Не сравнивали они и такие эле-

менты быта, как устройство дома и его украшение, а также национальную кухню. Мы никогда не задавали вопросов о стиле одежды, но именно эта тема часто звучала в интервью, причем рассматривалась она в контексте разных моделей поведения. Наши информанты с неодобрением говорили о небрежности и неряшливости в одежде «местных» и видели в этом еще одно подтверждение «низкого культурного уровня израильтян».

Александр А., 43 и Виктория А., 43

(О первых впечатлениях об Израиле)

Александр: Весёлая, весёлая была страна. Нет, первое мое впечатление было, что здесь все в трусах ходят. Я тоже пошел и купил себе трусы за 11 шекелей. Они были тем удобны, что в них можно было приехать к морю и в этих же трусах искупаться, потом высушить, сесть в автобус и поехать обратно в город. Потом в Технион (Израильский Институт Технологии) я в этих же трусах ходил там. На интервью ходил (собеседования при устройстве на работу). В трусах.

Виктория: И точно также продолжалось до тех пор, пока он не поехал в Тель-Авив. На интервью. И вот в этих же трусах. Когда он вернулся, говорит: «Вот я там вышел, – говорит, – с *таханы мерказит* (русифицированный иврит, «центральная автобусная станция») в трусах и почувствовал, что все-таки в Тель-Авиве, вот не так. Как-то не так я себя чувствую в этих трусах, как раньше. Все-таки в Тель-Авиве, там уже как-то народ не в трусах ходил. Вот это был...

Александр: Вот по поводу трусов было удивление.

Интервьюер: Да?

Александр: Да, вот трусы я помню до сих пор. Остального ничего не было.

Интервьюер: А первое впечатление у тебя тоже?

Александр: Трусы.

Виктория: Нет, нет, первое, мы когда вышли уже в город, уже в Хайфу, уже пошли по Адару (район Хайфы), по

Герцелю (улица в этом районе). Нас, что нас страшно поразило, это вот эта разноцветная толпа. Потому что все-таки мы жили всю жизнь в Москве, и все-таки вот эта вот гомогенная, национальный вот этот состав. А тут мы приехали: и черные, и желтые, и коричневые, и белые. И в таких одеждах, и в национальных, и в дружеских, и в каких-то цветастых. И, так сказать, идет...

Александр: В трусах.

Интервью с Викторией и Александром проходило спустя три года после того, как они повторно эмигрировали, на этот раз в США. Бывшие москвичи, привыкшие делить одежду на официальную и неофициальную, поселившись в Сан-Франциско, они с удовольствием вернулись к «цивильности» в манере одеваться. Александр ироничен и часто придает беседе на серьезные темы шуточный тон. В то время как многие наши рассказчики становились агрессивными, рассуждая о различиях между *нами* и *ими*, Александр смеется и над израильянами, и над собой. Неоднократное вмешательство Виктории в его рассказ показывает, что он стал частью семейного репертуара. Как и в уже проанализированных отрывках, здесь четко прослеживается противопоставление центра и периферии. На сей раз, роль провинции отведена Хайфе¹⁰. Пресловутые трусы в рассказе Александра, конечно же, были шортами, но он упорно называет их трусами, чтобы подчеркнуть неуместность этого вида одежды, ассоциирующегося у северян с курортной пляжной жизнью, в официальной обстановке. Трусы становятся лейтмотивом нарратива и символизируют разрушение привычного для информантов разграничения частной и общественной жизни¹¹. С иронией отзываются о нарушении канонов в выборе одежды не только наши информанты, но и журналисты:

Где в Израиле вы видели благородное собрание, на которое все мужчины до одного пришли в костюмах и при галстуках? Нигде? А вот мне повезло. И было это на приеме у

посла Евросоюза в Израиле Джанкарло Шевалара. (Мартынова 2004: 3.)

Обратим внимание на то, что этот абзац является вступлением к статье. Он напечатан жирным шрифтом и более крупно, чем остальной текст, а значит, редакция рассчитывала именно этим привлечь внимание читателя. Естественно, разговоры об одежде чаще возникали в женских интервью, и везде высказывалось одно и то же отношение, подытоженное Анастасией Л., 50: «Это страна *шлеперов* и для *шлеперов* (идиш: «неряха, разгильдяй»).

В анализируемом отрывке возникает тема этнического многообразия Израиля. Интересно, что Виктория вспоминает Москву как преимущественно русский город, что контрастирует с частыми селованиями москвичей на засилие в городе лиц «кавказской национальности». Привычная толпа, в которой были люди знакомых этнических групп и редко попадались прохожие в традиционной национальной одежде, ретроспективно представляется информантке гомогенной, а в описании непривычных типажей израильской толпы опять определяющим компонентом является цвет кожи. Виктория и Александр воспринимают этническую мозаику как любопытную деталь, добавляющую элемент экзотики к их первым впечатлениям. Тема этнического многообразия евреев часто всплывала в интервью, когда наши информанты пытались ответить на вопрос о том, кто такие евреи (см. глава 2) и когда описывались представления об Израиле до эмиграции и в первые месяцы после приезда в Израиль.

Евгений Л., 66 (ИАФР 22138)

(представления об Израиле и израильтянах до эмиграции)

Евгений: Очень классное. Оно (представление) формировалось с точки, как бы исходя из двух источников. Одна точка, система отсчета – это неприятие многого того, что было там. И-и по, как бы по диагонали, э-э все, что было

здесь, было хорошо априорно. Во-вторых, нужно сказать, что работа *Сохнута* (здесь «Еврейское Агентство» – государственное учреждение, ведающее вопросами репатриации евреев диаспоры) в то время была, с точки зрения интересов *Сохнута*, построена идеально. По крайней мере, на моем уровне они достигли того, чего хотели достичь. Я видел эти счастливые улыбающиеся лица на плакатах, и я видел картины, разграфленные вдоль и поперек, в каждой клеточке был своего цвета человек, и все вместе они составляли Израиль, улыбающийся, гостеприимный, дружный и т.д. и т.д. И это было так заманчиво, так непередаваемо и романтично в то же самое время, и так идеалистично, что это не могло не привлекать. Я это говорю на полном серьезе. Кроме того, я видел масса каких-то картин, видеокассет с видами Израиля, и для меня, как для художника, это было особенно притягательно, поскольку я подумал: «вот, я буду стоять в этом Старом городе (Иерусалиме), как я буду писать, как это здорово». Ну, потом выяснилось, что это просто опасно в этом стоять, за спиной неизвестно, кто там находится. Ну, я уж не говорю о нынешнем времени, но тогда все это было ОЧЕНЬ притягательно. Ну, а самое притягательное было то, что м-м я не знаю, это была работа *Сохнута* или наша психология вот эта. Израиль представлялся мне, как нечто совершенно дружелюбное в своем составе, структуре. Я никогда не забуду там, первые учебники для начинающих изучать иврит, и там написано, там *Пути: ани ми Марокко* (иврит: «Пути: Я из Марокко»), а там какое-то другое имя называлось: *ани ми Царфат* (иврит: «Я из Франции»), и все, вроде бы, сидели в одном классе. И как бы целовались друг с другом. Это было какое-то проявление повального единодушия. И это очень для меня было притягательно. И мне казалось, что очень, как классно быть своим среди своих.

Интервьюер: Женя, а если вернуться к той картинке, где все вместе из Марокко, из Румынии, из России, такое идиллическое представление, которое сложилось под влиянием действий *Сохнута*, как оно выдержало проверку временем?

Евгений: Оно не выдержало. Оно не выдержало. Хочу сказать, к чести Израиля, может быть, это просто следствие не только Израиля, но какой-то относительной цивилизованности сообщества, э-э все эти разрозненные этнические группы каким-то образом существуют. Не дерутся, ну, может быть, нет водки, так и не дерутся, а может быть, по другим причинам. Все-таки на улицах крайне редко, ну, практически можно сказать, не бывает. Все как-то живут в своей среде. И хотя внутренне, я думаю, чувствую напряжение. Думаю, что по отношению к нам есть неприязнь. Так же, как по отношению к ним есть неприязнь с нашей стороны, но это не выливается в, на бытовом уровне в реальной жизни, практически ни в чем. Оно выливается в формулировках, которую мы слышим в средствах массовой информации и радио, и телевидения. В основном, из уст политиков и журналистов.

Евгений – один из немногих наших информантов, получивших представление об этническом составе израильского общества еще до эмиграции. Так как основной причиной отъезда для него явился рост национализма в Украине, он с радостью воспринял создан

ный израильской пропагандой идеализированный образ живущих в любви и согласии «братских» групп еврейского народа, образ, оказавшийся утопией (о мезинформации, т. е. полуправде, как методе пропаганды Сохнута см. Рубинчик 2002: 209–211). В отличие от многих других информантов, Евгений не категоричен в суждениях и часто вставляет слова и фразы, снижающие категоричность высказываемых им мнений: «может быть, я думаю, практически, вроде бы». Евгений прав, межэтническая неприязнь, недоверие к вновь прибывшим подогреваются СМИ, причем как на иврите, так и на русском языках. И те, и другие под разными предлогами анализируют причины возникновения ярлыков, навешанных на волну 1990-х: колбасная алия, спидоносцы, алкоголики, проститутки, ма-

фиози, нахлебники и даже большевики – вот далеко не полный перечень характеристик, клеймящих волну 90-х. Это явление даже обсуждалось на заседании кнессета по алие и абсорбции, где, в частности, был представлен отчет о частотности появления русскоязычных израильтян в передачах двух популярных телеканалов. За 19 недель наблюдения из 3000 образов в новостных роликах было всего 60 «русских» (включая повторы). Причем, подавляющее большинство являли собой образы преступников, депутатов кнессета и пар, которые не могут заключить брак в Израиле из-за галахических проблем. Зато изобилуют русскими образами, стереотипизирующими иммигрантов, сатирические и юмористические передачи («Вести» 18.03.2004: 11; Коган 2004). О том, что стереотипы усвоены не только обывателями, но и политиками, от решений которых во многом зависит судьба иммигрантов, свидетельствуют шумные политические скандалы, периодически выливающиеся на страницы прессы. Один из них разыгрался в связи с высказываниями Оры Намир, которая в середине 1990-х, в бытность министром труда и соцобеспечения, заявила об обилии среди репатриантов стариков, больных, проституток и мафиози. Еще один скандал произошел в канун 2004 г. в связи с попытками председателя парламентской комиссии по алие и абсорбции

Колетт Авиталь установить проверку потенциальных репатриантов на пристрастие к алкоголю потенциальных репатриантов на пристрастие к алкоголю и наркотикам. Эта инициатива вызвала немедленный протест русскоязычных депутатов, а газета «Новости недели» окрестила такие попытки «селекцией на «чистых» и «не-чистых», а их инициаторов – «мичуринцами от сионизма» (Мирский 2004: 5). Неудивительно, что подобные инциденты лишь подливают масло, но не в «плавильный котел», а в костер взаимной враждебности.

Анатолий М., 33

(О причинах эмиграции)

Ну, я хотел, потому что я считал, что это вообще земля обетованная. Это надо, каждый еврей должен здесь, как говорится, умереть. (...) Я, когда приехал, у меня началась страшная депрессия. В общем, ужас. Страшнейшая такая, что я думал, я вообще хотел отсюда уехать.

Интервьюер: То есть Вам в Симферополе жилось лучше?

Анатолий: Да нет, конечно, намного хуже, чем здесь. Но дело в том, что дело-то не в еде, не в питье.

Интервьюер: Квартира у Вас очень славная.

Анатолий: Дело в душе. Если с первых... Понимаете, вот с самого начала я ... Когда только спустился с парохода, я такую отчужденность почувствовал. Вы знаете, меня страна сразу, такое ощущение, что как будто стала отталкивать от себя.

Интервьюер: Вас плохо приняли?

Анатолий: Нет, нет. Меня приняли хорошо. Но, так, знаете, что-то духовно, я думаю, что не то ожидал, чего хотел. С самых первых шагов я почувствовал, что очутился не там, куда я стремился вообще.

Интервьюер: Объясните мне, в чем отличие того Израиля, который вы увидели, от того, который Вы себе вообразили? Вы можете это как-то сформулировать?

Анатолий: Ну, это может быть иллюзия. Я думал, знаете, сказочная страна такая. Думал все люди – братья, то есть все должны жить в мире. Но получается, что наоборот совсем.

И Расул, и Евгений, и Анатолий испытали разочарование, когда разрушился миф о «братстве», якобы ожидавшем репатриантов в Израиле. Миф о дружбе и братстве народов СССР старательно поддерживался советской идеологией. Хотя в последние десятилетия он наталкивался на скепсис, миф этот прочно вошел в дискурс и отражен в метафорах семейных отношений. Манипулировать этим мифом удавалось благодаря тому, что речь шла не о братстве правительств или лидеров, а о братстве народов – ключевом, хотя и одном из самых расплывчатых терминов в словаре идеологов (Тиллет 1969: 8). Мифологема братства применима к разнообразным ситуациям и поддается переносу в другое общество с сохранением семантического поля этого понятия. Оно включает такие компоненты, как родственный по духу, основанный на единении, общности целей и принципов (см. Мокиенко и Никитина 1998: 63–65). Депрессивное состояние – частое явление среди мигрантов разных возрастов. В случае с Анатолием, по-видимому, оно было вызвано конфликтом ожидания мифологизированной земли обетованной и детскими сказочными образами (подробно об этом в главе 4) с одной стороны, и незнакомой, не очень уютной реальности – с другой. Этот конфликт проявляется и в том, что Анатолий одновременно почувствовал и заботу израильтян, и отторжение от них. Сказку, о которой мечтал Анатолий, населяли такие же, как и он сам, белые люди. Он открыто признает, что плохо относится к восточным евреям и к выходцам из Эфиопии, с которыми никогда не общался.

Анатолий: Я считаю, что бог создал человека белым, и он должен быть белым. Поэтому...

Интервьюер: А их (чернокожих) кто создал?

Анатолий: Ну, всевышний их создал. По образу и подобию своему. Там не написано, что Адам был черным. Или, там, Ева была черная. Нет. Он... первые люди – они были белыми. И, значит, евреи – они белые. А это... я считаю, что это все Филькина грамота.

Анатолия не смущает противоречие между ожиданием идеализированной сказки и расистским неприятием людей с другим цветом кожи. Надо отметить, что столь явно выраженный экстремизм встречается нечасто. Большинство наших информантов испытывали чувство неловкости и пытались найти объяснения своим этническим предрассудкам. Как отмечает Адорно, существует конфликт между требованием общества проявлять терпимость и отрицательным отношением конкретной личности к представителям другой группы. Этот конфликт выражается формулой: «Не следовало так говорить, но...». И хотя создается видимость сугубо личной позиции, человек с предрассудками всегда находит мощную поддержку в общественных настроениях. И, тем не менее, высказываясь в духе нетерпимости, люди искренне утверждают, что говорят и действуют как независимые личности, которым и дела нет до того, что думают другие (Адорно 1950: 627–628). Рассматривая варианты приведенной здесь формулы на примере европейского дискурса последних десятилетий, Ван Дейк добавляет, что нетерпимость по отношению к группам *других* является формой самоутверждения (Ван Дейк 1989: 127).

Инна Х., 52

Инна: Вот как я не люблю: все бабы такие, все мужики такие, так я в принципе даже и, говоря, повторяю, что израильтяне... Я допускаю, что они разные. Я теперь тоже начинаю уже, к сожалению, воображать, что есть эти марокканцы, вот эфиопы – просто потому что мы жили в их окружении. Нюшка их боялась СМЕРТЕЛЬНО.

Интервьюер: Боялась?

Инна: Они кидались камнями, они могли подбежать ко мне, малыши совершенно, эфиопские и говорить: «сука-

блядь, сука-блядь», потому что они эти слова выучили со стороны, притом понимаете?

Интервьюер: Это в Шдероте?

Инна: Да. От взрослых – никогда ничего. Вот на уровне детей. Ну, моей семнадцатилетней племяннице... обходили с другой стороны, потому что ее эти ребятишки доставали, мелкие. Но поскольку они учились в школах же вот здесь, я смотрю, у них в классе есть эфиопы. Там хорошая девочка, а там она их, Нюшка, начала ненавидеть люто-страшно. Боялась и ненавидела, потому что они, вот, как черные тараканы, и просто терроризировали. И поэтому и, и как-то вот дом, в котором мы снимали, он был окружен. Потом, когда мы переехали в другую квартиру, практически мы их не видели, вот нужно было обогнуть несколько домов. И ну что, вот я поняла: есть марокканцы, есть эфиопы, есть где-то вот те самые ашкеназийцы, которые... они где-то есть в другом месте, не там.

Интервьюер: Где вы?

Инна: Где нас нет, да.

Сравнение чернокожих детей с тараканами еще раз подтверждает живучесть фольклорных моделей в представлениях о чужаке. Приведенный отрывок, в котором евреи из Эфиопии представлены как враждебная сила – единственный в нашем корпусе. Инна подчеркивает, что баталии разворачивались только между детьми. В других рассказах ивритоговорящие дети распространяют свои хулиганские выходки и на взрослых иммигрантов. Так, Ирина И., 25 с возмущением рассказывала о том, как сквернословили религиозные дети, оскорбляя её и её маленького сына на детской площадке. Хотя она была убеждена, что дети щеголяли русскими ругательствами, чтобы унижить их, она не была уверена в том, что дети понимали смысл сказанного. Возможно, она права: на одной из улиц Хайфы на мусорных баках появились граффити на иврите – «сука-блат». Семилетняя дочь Анастасии Ф. однажды вернулась из школы, весело напевая: «сука-блэк». На вопрос, что она имеет

в виду, девочка ответила: «Все так говорят». По-видимому, ребенок, начавший изучать английский, заменил непонятный компонент «блядь» на понятный «блэк», тем более, что знаком был и первый компонент – ивритское *сука* (ударение на втором слоге), в переводе на русский «шалаш».

Роль чужака особенно мучительна для детей. Бывают случаи молчаливого протеста, когда ребенок отказывается ходить в школу, не объясняя родителям причин, бывают драки «улица на улицу», но есть в нашем материале и пример творческого, неординарного подхода к конфликту со сверстниками.

Дана Л., 23

А смешное, вспомнила смешную историю. У нас израильтяне обратились к одному мальчику русскому, чтобы он их научил ругательным словам. А он взял и научил их таким словам как «красивая» там, «нежная», «умная». И они были уверены, что это ругательства. Они ходили, подходили и говорили: «Ты – красивая, ты – умная» с таким... Они думали, что они обзываются. Это было очень смешно. Это где-то неделю продолжалось, пока они поняли, что их жестоко надули. Вот. Ну, они ругательства быстро выучили. У них не было с этим проблем.

В целом, как уже отмечалось, отношение эмигрантов из бывшего СССР к выходцам из Эфиопии менее враждебно, чем к марокканским евреям. Возможное объяснение этому состоит в том, что евреи из Эфиопии считаются социально слабой группой, ни по статусу, ни по социальной мобильности не способной конкурировать с советскими евреями. Наши информанты упоминали их, лишь когда речь заходила о неожиданном открытии, что евреи бывают с разным цветом кожи.

Григорий Г., 30

Григорий: Что рассказать? Про черных?

Интервьюер: Да.

Григорий: Я, когда столкнулся впервые с эфиопцами...

Интервьюер: А когда это было и как?

Григорий: Вот в Левенштейн, когда был. Персонал, там был парень *коах эзер* (иврит: «вспомогательный персонал»), эфиопец, Натан его звали. Так я ему сказал, что я, когда услышал, что есть черные евреи, я очень удивился. Потому что я не знал. Так он мне ответил: «Вот-вот, я, когда узнал, что есть белые евреи, я тоже очень удивился».

Оба собеседника имели четкие, хотя и противоречащие друг другу, представления о том, как должны выглядеть евреи. Как и для других информантов, черный еврей для Григория – забавный оксюморон. Смешным кажется ему даже еврейское имя санитара. Рассказ структурирован как анекдот, в котором последняя строчка выступает кульминационным пунктом. Презрительное отношение к эфиопским евреям проявляется лишь в этнониме «эфиопец». Суффикс «ец» нейтрален, когда употреблен правильно (например, в словах «австриец, голландец»), но он становится маркированным и уничижительным в новообразованиях «евреец», «грузинец», «арабец», неоднократно встречающихся в интервью, на интернет-форумах и в частных беседах. Уничижительные новообразования этнонимов широко встречаются в эмигрантской речи, особенно, в номинации восточных этносов: марокосы, по аналогии с жаргонным «америкосы», (см. Мокиенко и Никитина 2000), палесы (палестинцы), арабье, арабесы и т.д.

О друзьях-товарищах

Продолжим тему дружбы в эмиграции, затронутую в предыдущем разделе.

Дана Л., 23

Интервьюер: А среди ваших знакомых больше э-э ивритоязычных или русскоязычных?

Дана: Э-э близких друзей – только русскоязычные. Действительных близких друзей, подруг, знакомых у меня масса всяких. У меня нет никаких проблем в общении с израильтянами. Я чувствую как-то их, то есть я могу с ними общаться на равных, т.е., я могу с ним... «Вот, где ты был в армии?» Это очень, э-э (пауза) уже какая-то общность. И то, что я здесь была с седьмого по двенадцатый класс, здесь закончила школу.

Интервьюер: Подростковый возраст.

Дана: Да. Я обросла здесь связями, то есть, я работала на заправочной станции. Случайно, в том же самом Нешере, в котором я училась в школе, и ко мне приезжали заправиться мои бывшие учителя, и мои соседи, и мои бывшие армейские друзья, то есть, я обнаружила, работая там, что я э-э... вот Израиль маленькая страна, и я... масса у меня знакомств. У меня бывает часто это вот, это чисто израильская черта, что где-то с кем-то здороваешься и спрашиваешь: «Где я тебя видела?» А, ну, где-то там вместе там были. «А, да! Вместе!» То есть, я обросла уже связями, но (пауза) у меня нет близких друзей среди израильтян. Этого нет.

Дана много говорит в интервью о своих первоначальных попытках сблизиться со сверстниками-израильтянами и во всем походить на них. Как видим, эти попытки не привели к длительной дружбе, встречи с ними спорадичны, а отношения поверхностны. Обратим внимание на то, где формируются дружеские связи израильтян: в школе и в армии. Армейская дружба считается очень важной и часто сохраняется на всю жизнь и у мужчин, и у женщин. Еще одна интересная деталь: Дана подчеркивает, что она ощущает себя с израильтянами «на равных». И в прессе, и в исследованиях психологов приводятся примеры того, что подростки испытывают сложности в общении со своими раскованными сверстниками, привыкшими свободно выражать свои желания и настаивать

на своих правах, что приводит и к дракам, и к школо-фобии (см., Слоним-Нево и др., 1999; Тартаковский и Мирская, 2001).

Роза Ч., 27

Роза: У меня нет друзей-израильтян. Но это не связано с тем, что я, как бы, хочу общаться с русскими, просто (*пауза*) я с ними не сталкиваюсь. Если бы я столкнулась и у меня, действительно, завязались бы интересные отношения, у меня нет никаких проблем. Со мной училась девочка. Она из Бразилии, и мы как-то нашли общий язык, общий еврейский язык, потому что другого у нас не было. Вот на протяжении трех лет мы общались на иврите. Это было как бы с точки зрения развития иврита неплохо для нас обеих. И (*пауза*), хотя ментальность немного отличается, но ее ментальность ближе к нашей, российской нежели...

Интервьюер: Как вы ментальность определяете?

Роза: Ну, я не знаю. Отношение к жизни, наверное. Какое-то воспитание, то есть (*пауза*). Вы знаете, мы, наверное, сошлись с ней в такой женской точке – это одежда. Я обратила на нее внимание на первом курсе. Я подумала, что эта девочка, она сидела одна, я думала: «Она, наверное, не израильтянка. И она не арабка, потому что она светленькая». Абсолютно светленькая такая, потому что арабы, особенно арабы-христиане... они одеваются... Вот на них посмотришь, как будто сошел с обложки какого-то модного журнала. Вот. Я на нее посмотрела: думаю, наверное, нет. Она стала говорить с каким-то акцентом, я не могу понять, какой.

Интервьюер: Не с русским?

Роза: Не с русским, но и не с арабским, и не с английским. Думаю, что это за зверь такой неизвестной породы, и с чем его едят? Потом мы с ней разговорились, и оказалось, что она из Бразилии. Бабушка у нее из Белоруссии, читала лекции по музыке в Москве где-то, в 90-х годах (Роза явно ошиблась в датах). Свободно говорит по-русски.

Интервьюер: А она русского не знает?

Роза: Она русского не знает, нет. Мы все время смеялись: «Тебе за 3 года общения...» Она всё время с нами сидела, там было несколько человек, русских. «Вообще – позор! Ты должна уже свободно говорить на русском языке».

Теперь, вот, опять, наверное, о стереотипах. У нас был предмет по педагогике, ну, довольно-таки скучный, как вся филологическая наука. И преподаватель говорил: *Ани мздабер беседер? Ани мздабер беседер?* (Иврит: «Я понятно говорю? Я понятно говорю?»). Причем, это было (пауза), мое мнение субъективно (пауза), он хотел нас немножко унижить. Там были еще аспекты некоторые. И (пауза) *Атэм алия мируссия* (Вы ведь репатрианты из России). И показывает на нас всех, и на эту девочку из Бразилии тоже. В общем, на нее все время (пауза). Мы говорили:

– Мы тебя компрометируем, из-за нас ты, как бы, вот, страдаешь.

– *Тов, атэм алия мируссия* (Ну, вы ведь репатрианты из России).

И потом это пошло на другие курсы. Она все время с нами сидит, вот она страдала.

Интервьюер: Мне недавно рассказали о том, что дети из марокканской еврейской семьи, которые в доме говорят на французском языке, в школе стали говорить между собой по-французски, и над ними стали издеваться, что они говорят по-русски.

Роза: У нее была подобная ситуация. Она с мужем стояли в банке. Оба – блондины. Они стояли в банке и разговаривали на португальском. (...) Они стоят, разговаривают между собой. Вдруг поворачивается какая-то бабушка, божий одуванчик, и говорит: «*Мияд тафсику ледабер русит! Ма зэ, зэ – буша! Им атэм ло тафсику ледабер русит, атэм леолам ло тыду ледабер иврит!*» (А ну-ка немедленно перестаньте говорить по-русски! Что это такое? Это же позор! Если не перестанете говорить по-русски, ни за что не научитесь говорить на иврите!).

И она начала возмущаться, что это такая *хуцпа* (наглость) вообще говорить по-русски в общественном месте. Жуткое дело. Говорит:

– Я, может быть, рада прекратить говорить по-русски, но не могу – я его не знаю! (*смеется*)

Эта говорит:

– Роза, ты представляешь, это же так не интеллигентно! Мы с мужем... Пускай я не понимаю, там, по-французски, но я – говорит, – *лефахот* (по крайней мере), могу *лезахот* (различить)! Что же такое русский и что такое французский, даже, если ничего не понимаю! Это же, – говорит, – КОШ-МАР! Это – *хосер тарбут!* (бескультурие).

В отличие от Даны, имеющей обширный круг знакомств, Роза считает, что ей негде встретить сверстников-израильтян. Заявление странное, если учесть, что к моменту проведения интервью Роза уже четыре года отучилась в израильском университете и некоторое время проработала в детском учреждении с коллегами-израильтянами. В часовом интервью Роза предстает как уравновешенный человек, не страдающий предрассудками. Рассказывая об окружающих её людях, она почти всегда маркирует их принадлежность к той или иной этнической группе, при этом не проявляя ни враждебности, ни чувства превосходства по отношению к другим. Социальные психологи, исследовавшие стереотипы, отмечают, что в условиях сложного и многообразного социального окружения людям свойственно создавать упрощенные схемы, построенные на выделении когнитивных категорий. Если выделение социальных категорий не сопровождается присвоением каждой из них оценочного компонента, не происходит и формирования отрицательных стереотипов (Хогг и Абрамс 1988: 66–78; Таджфель 1981: 150–154).

Роза делит израильское общество не на евреев и арабов, а на израильтян и арабов, тем самым игнорируя израильское гражданство последних. Русскоязычные выделяются при этом в отдельную

категорию и не попадают в группу израильтян. Не принадлежит к группе израильтян и Розина подруга из Бразилии. Такое деление на категории сходно с тем, что мы наблюдали в рассказе Анатолия П., который относил своего друга Майка к американцам, а не израильтянам, хотя тот и родился в Израиле (см. предыдущий раздел). Для описания подруги из Бразилии Роза использует такие категории, как типовой портрет: светленькая – значит, не арабка; одета элегантно – значит, не израильтянка; акцент в иврите – значит, иммигрантка. Особое удовольствие доставляет Розе то, что бабушка её соученицы родом, как и она сама, из Белоруссии.

Из рассказа явствует, что студенты в университетских аудиториях объединяются по принципу принадлежности к одной этнической группе. Такое деление подтверждается нарративами других информантов-студентов, а также соответствует нашим более чем десятилетним наблюдениям в аудиториях различных высших учебных заведений Израиля. Шутливые замечания Розы о том, что дружба с «русскими» компрометирует иммигрантку из Бразилии, косвенно свидетельствует о неравенстве статуса этнических групп.

Сцена в банке также типична. Любой непонятный язык воспринимается израильским обывателем как русский. В то время как никому не приходит в голову укорять англоязычных израильтян за приверженность родному языку, многие выходцы из бывшего СССР жалуются на то, что их упрекают в нежелании говорить друг с другом на иврите (см. главу 7). В процитированном отрывке женщина, пытавшаяся устыдить иммигрантов за пользование родным языком, невольно, сама того не желая, способствовала усилению солидарности между ними и закреплению мысленного противопоставления *мы* – приезжие и *они* – израильтяне-старожилы. Как и Анатолий П., Роза использует метафору «найти общий язык» и противопоставляет прямое и переносное значение этой фразы. Привязанность к родному языку не мешает Розе интенсивно смешивать коды: она обильно пересыпает русскую речь ивритскими словами,

привычно прибавляя к ним русские суффиксы и окончания (о переключении и смешении языковых кодов см. Найдич 2000).

Кроме иллюзорного отсутствия ситуаций, которые могли бы способствовать дружбе с ивритоязычными сверстниками, Роза указывает на разницу в ментальности, отделяющую её от них. Это излюбленная тема мигрантов, широко представленная в нашем материале.

Инна Ф., 26

Интервьюер: Инна, среди Ваших знакомых есть и русские, и израильтяне. Вы как-то определяете разницу между нами и сходство между нами и израильтянами?

Инна: Да, я, конечно, считаю, что разница есть очень большая. Вот именно в каком-то принципиальном аспекте. Вот я со своими друзьями, скажем так, *едидим*. Это нельзя сказать, что это близкие друзья, это приятели, да, именно, у меня, например, я с ними очень себя чувствую и удобно, и комфортно, и приятно, но есть темы, на которые я с ними даже не разговариваю, потому что мне не то, что неинтересно знать их мнение, просто я уверена заранее, что оно будет не тем...

Интервьюер: На какие темы?

Инна: Ну, скажем, на какие-то более философские, какие-то темы. Например, о смысле жизни я с израильтянами не буду разговаривать. Потому что... у нас много других тем для общения. А это вот как-то, я не знаю... Может быть, я боюсь, что я не знаю, что я не смогу себя правильно выразить, высказать, то, что я хочу. Не знаю. Никогда не приходило в голову на какие-то глобальные, философские вопросы получать от них ответы. А так, вот именно в бытовом плане, и просто так поговорить, это вот удовольствие всегда.

Ева Ф., 40

Интервьюер: А вот как ты объясняешь себе, почему вот такой широкий круг (общения) и все-таки, вот близкие друзья оказались из...

Ева: А потому что все равно, да, мы там прожили 30, а здесь 10, то и (пауза) все равно мы вспоминаем: а вот ты видела, а вот ты это помнишь, а вот... Пришли, когда первый раз я пришла к этому Толе, Валериному приятелю, я говорю: «Ой, у меня дома в том же порядке пластинки стояли: Розенбаум, «Машина времени», э-э... два диска КСП, Одоевский» (...) Понимаешь, эта общая база, на которой мы росли, это общность воспоминаний независимо от того, что э, Валера рос в Одессе, а я в какой-то момент два года прожила в Ленинграде, а они вообще с Донбасса эти ребята. Это все равно, вот общность: вот те же книжки на полках, вот те же пластинки (неразборчиво), которые он привез, а я оставила там. Э-э, те же воспоминания о тех же спектаклях, те же воспоминания о комсомольских делах независимо, в каком месте эти слеты комсомольские проходили в Советском Союзе: в Алма-Ате, то есть, одинаковость тех воспоминаний. (...) Почему вот у меня есть общение: круг знакомых и круг друзей. Друзьями я, если вы хотите словарное определение друга, называю человека, которому не надо досказывать старый анекдот (смеется) или договаривать фразы. (...) именно другом я воспринимаю человека, который э-э мне намекнул, я его поняла и-и, что-о я ему намекнула, он тоже понял. Это даже идет разговор не о взаимовыручке. Я э-э, выручаю, помогаю и э-э, обращаюсь за помощью к людям, которых я не включаю в круг своих друзей.

Многие лингвисты, изучающие русскую языковую картину мира, указывают на важную роль понятий друг и дружба (см. Вежицкая 1997: 55–84; 1999: 340–375; Шмелев 2002: 435–442). Проведя сравнительный анализ этих категорий в разных языках, Вежицкая приходит к выводу, что в русском языке они богаче, чем в западноевропейских и в других славянских языках. *Друзья* – это важная социальная категория; на них можно положиться в трудную мину-

ту, и они важны для душевного общения. Шмелев указывает на то, что в группе лексики, касающейся взаимоотношений между людьми, как нигде велика роль индивидуальных представлений разных носителей языка, причем расхождения могут быть достаточно велики (Шмелев 2002: 436). В нашем материале индивидуализированный взгляд на дружбу все-таки концентрируется вокруг тех же базовых компонентов, на которые указывает Вежбицка. Как дополнительный компонент выступает общее прошлое и общий культурный фон: книги, фильмы, популярная музыка и фольклор.

Ни Инна, ни Ева не готовы включить израильтян-старожилов в разряд друзей, так как для этого требуется полное взаимопонимание. Инна делит темы для общения на те, что подходят для друзей и для знакомых. С легкой иронией она выделяет философствования о смысле жизни как тему недоступную израильтянам. В словах Евы вновь проявляется значение анекдота как самого популярного в современной русской культуре жанра городского фольклора. Как будет показано в главе 6, привычка использовать строчки из анекдотов в качестве знаков типических ситуаций – характерная особенность речи иммигрантов.

Наши информанты разных возрастов рассказывали о попытках подружиться с израильтянами-старожилами на первых порах жизни в новой стране. Многие вспоминают с теплотой и благодарностью о помощи, оказанной представителями добровольческих организаций, соседями и даже случайными знакомыми в поисках работы, изучении иврита и заполнении многочисленных бланков на непонятном языке. Но почти каждый, рассказывающий такие истории, приводит их как исключение из правила, подчеркивая, что настоящая дружба возможна только внутри иммигрантской группы. Действительно, в начале массовой иммиграции девяностых израильтяне, подогреваемые СМИ, восприняли массовый приезд советских евреев как большую победу сионизма и с готовностью откликались на призывы помочь новичкам. Но энтузиазм этот был непродолжительным. Скоро стало ясно, что новоприбывшие не

готовы к ассимиляции, да к тому же становятся серьезными конкурентами на рынке труда. Изменился тон газетных выступлений, все чаще стали слышаться голоса, подвергающие сомнению сионистский характер данной волны и готовность мигрантов вести образ жизни, соответствующий еврейской традиции. Сказалось это и на личных отношениях старожилов и вновь прибывших:

Евгений Л., 66

Евгений: Ну, мы приехали в феврале 90-го года, отношение к *алие* было превосходным. Все, все хором хотели помочь, кто, чем мог: посудой там, выключателями, языком, лекарствами, праздниками и т.д., и т.д., и все это было очень приятно. И очень грело. Но нужно сказать. Что ситуация изменилась радикальным образом очень быстро, в течение, наверное, трех четвертей года, если не полугода. И как реакция на массовый приезд людей из России, но это феномен, который требует специального исследования, почему, что и как. Но факт заключается в том, что у меня сохранилось ощущение, того, как мы собира... как мы разговаривали в перерывах между уроками в *ульпане* и мы были очень огорчены, очень разочарованы отношением к нам. Не в целом, а на таком, вот, на бытовом уровне, что ощущение какое-то такое, что нас хотели кто-то что-то обмануть, кто-то что-то чем-то наколоть, что-то не принять и т.д. Но хочу сказать, что сохранились же еще в памяти и отдельные примеры того, что были противоположного характера люди. И которые, которые... мы очень ценим. (...)

Интервьюер: Ты говоришь, что ты хотел слиться с израильским обществом. Как ты видишь ситуацию на сегодняшний день?

Евгений: Мне кажется, что в моем поколении это невозможно; думаю, что и в поколении моих детей это невозможно. Возможно, это будет поколение внуков. И я думаю, что в этом нет, не то, что злого умысла и никакого объективно руководимого кем-то, чем-то и какими-то обстоятельствами, причинами. Я думаю, что это следствие очень простых, в

сущности, процессов. И я размышлял над этим. И предполагаю, что объяснить это относительно просто можно следующим образом. Когда мы приехали, я повторяю, мы нашли среди израильтян очень, очень много доброжелателей, желающих помочь и вошедших в нашу жизнь в той или другой степени людей; вошедших, но по мере того, как мы, как проходило время, люди возвращались к старым привязанностям. Это люди нашего возраста. Так как у нас не завелись новые друзья, так и у них не завелись. У них сохранились друзья старые: по учебе, по армии, по работе, и они, как и мы, вернулись к ним.

Наличие или отсутствие друзей из других этнических групп рассматривается в литературе по иммиграции как важный критерий этнического сближения или разобщенности. Социолог Това Бенски утверждает, что этот фактор более показателен, нежели наличие смешанных браков, так как дружеские отношения чаще всего многочисленны, разнообразны и охватывают разные сферы жизни, в то время как брачный партнер оказывается у многих единственным на всю жизнь (Бенски 1992–1993: 2). Как показывают эксперименты, проведенные психологами в разных странах, личная дружба с членами другой этнической группы ослабляет предвзятое отношение ко всей группе в целом. Подобное явление наблюдается даже в тех случаях, когда дружба связывает не самого испытуемого, а кого-либо из его окружения (Смит 1999: 192–193).

Как мы уже говорили, верной дорогой к сердцу иммигранта из бывшего СССР является помощь, оказанная в трудную минуту, а лучшей похвалой израильтянину-старожилу слова: «Он совсем такой же, как мы».

Симона К., 23

Симона: У меня есть очень хороший товарищ, местный, та-та тайманец, что-то там с Тайманом.

Интервьюер: Йеменец?

Симона: Из Таймана, йеменец.

Интервьюер: Йеменец.

Симона: Йеменец, да? Йеменец с румынцем живет, он общается исключительно с русскими. Он решил, что русские, это вот (*смеется*). Не знаю, почему так, он говорит по-русски, по-русски прекрасно, почти как я, по крайней мере, сленг он знает великолепно весь.

Интервьюер: Выучил он здесь?

Симона: Выучил он здесь, исключительно из общения. Я сама лично ему писала алфавит. И он читает по-русски тоже. Э-э... слушает он музыку, буквально, Макаревича, Розенбаума, все наше, русское. Ну, и вместе с этим, естественно, тоже какие-то там ивритские, не знаю. И он из-за общения с нами, ему стало интересно, откуда мы все, и он поехал на Украину, жил там три с половиной месяца с какими-то друзьями отсюда. В Западной Украине он жил, в Закарпатье, в горах.

Интервьюер: В каких городах?

Симона: Я не знаю. Судя по тому, что он рассказывал, то это все были села. То есть он мне рассказывал, что вот воду, лицо помыть, это знаете, вот, такая штучка, вода течет, нажимается, это было...

Интервьюер: Колонка.

Симона: Колонка, вот такая. Я не знаю...

Интервьюер: Да, да, это колонка, колонка, колонка...

Симона: Я не знаю даже, как это называется, и воду туда сначала надо залить из ведра, а потом уже на себя.

Интервьюер: А, это умывальник.

Симона: Умывальничек.

Интервьюер: Рукомойничек.

Симона: Рукомойничек.

Интервьюер: Знаю-знаю, деревенский рукомойник, знаю.

Симона: Внизу такая вот. Пальчик такой, его нажимаешь, и вода течет.

Интервьюер: Знаю, знаю.

Симона: Он говорит, что было просто великолепно, студеная вода, э... он там нашел какое-то, он рассказывал, ев-

рейское кладбище, где-то в горах. Он говорит: «Я над каждым прочитал *кадиш*, потому что не знаю, сколько веков они не слышали *кадиш*» (иврит: «поминальная молитва»). И он мне сказал такую вещь: «Зачем вы сюда едете? Вы посмотрите, что у вас есть, зачем вы сюда едете? Я», – говорит, – «я посмотрел, я решил, я понял, что вот это место, я нигде себя не чувствовал так. Ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Африке, ни в Южной Америке, нигде, даже в Израиле. Я», – говорит, – «я обожаю Акко (город на севере Израиля), я обожаю Акко, на море, там, в Акко, самый красивый закат», говорит, «я так искренне считаю, но там я», говорит, «я чувствовал себя уютнее всего на свете. Я не знаю почему, – люди, дух, природа – не знаю. Скорее всего, просто дух и люди». И такое я слышала уже не в первый раз и, в общем-то, горжусь этим, если честно (*смеется*).

Рассказывая о своем сверстнике, выходеце из Йемена, Симона определяет его как «хорошего товарища». Как справедливо отмечает Вежбицка, на шкале дружеских отношений это слово оказывается близким к «приятелю», и может быть сильнее или слабее его, таким образом, оказываясь промежуточным между «другом» и «знакомым» (Вежбицка 1997: 58). Нам неизвестно, насколько тесным было знакомство молодых людей. В процитированном рассказе симпатия Симоны определяется интересом и восхищением, которое проявил «йеменец» по отношению к ее родине. На протяжении 90-минутного интервью Симона не раз возвращалась к теме гордости за «своих», пересказывая хвalebные отзывы об СССР разных людей, встреченных ею в Израиле (подробнее о воспоминаниях о Советском Союзе см. Еленевская, Фиалкова 2004б). Как показывают исследования социальных психологов, проведенные в западноевропейских странах, чувство патриотизма, поддерживаемое восхищением своей группой, связано с предвзятым отношением к другим группам (Смит 1999: 189). Интервью с Симоной демонстрирует справедливость этого вывода. Еще со школьных лет она воинственно настроена против дружбы своих сверстников,

русскоязычных израильтян, с евреями-старожилами и тем более с арабами. Повзрослев, Симона осталась верна своим экстремистским отношениям к «местным», хотя и стала понимать социальную уязвимость своей позиции. Она иронизирует: «Мы сохраняем чистоту расы, (смеется), буквально...» Такой экстремизм и полное отвержение евреев, принадлежащих к другим этническим группам, почти не встречаются в нашем материале и в материале других исследователей (см., например, Низник 2003). Гораздо чаще иммигранты придерживаются позиции, подтверждающей справедливость наблюдений Адорно: «хорошие» члены чужой группы – это те, кого информанты знают лично, а «плохими» оказываются те, с кем их разделяет социальная дистанция. Таким образом, значимой оказывается степень ассимилированности членов другой группы (Адорно 1950: 623).

Возникновение русской молодежной субкультуры, отрицающей все израильское и открыто демонстрирующей превосходство своей группы, особенно отчетливо проявляется в интернет-форумах. Такие настроения среди иммигрантской молодежи не могут не беспокоить израильское общество и часто обсуждаются в ивритских СМИ. Так, статья журналиста Шор о русскоязычной молодежи красноречиво озаглавлена: «Закрытый клуб» (Шор 2002). Встречаются публикации на эту тему и в русскоязычной прессе, где ирония и мягкая критика часто замешаны на гордости за успехи своей группы, которая не только привела к «расцвету хозяйственной жизни и жизни духа», но и «засеяла своими семенами центральные улицы больших городов, где взошли бодрые, морозоустойчивые, с шапками в руках алкоголики...» (Солганик 2000: 17). Год спустя эта же журналистка продолжила тему:

«За прошедшее время мы внедрились в страну окончательным, еще более махровым образом; мы слили свои многочисленные языки с местным наречием, повенчали волжское оканье с повседневным ивритом, объединили гортанный язык евреев с журчанием малоросской речи, – страна же смиренно сдалась, и, приняв наши правила, снабдила

русскими титрами и голосами телевизионное, кинематографическое, театральное действие. Информационную программу «Мабат» (Взгляд) ведет вместо Хаима Явина женское лицо с отчетливым среднерусским акцентом. Даже молочно-творожная «Тнува» обращается к нам привычным голосом Макаревича, понимая, что иначе нельзя, иначе никак не сбыть творожные изделия с домиком» (Солганик 2001: 38)¹².

Возвращаясь к отрывку из интервью с Симоной, отметим, что критерием готовности израильтян сблизиться с иммигрантами она считает желание выучить русский язык. Восхищение русским языком и культурой не мешают Симоне чувствовать себя еврейкой. Она с негодованием относится к любому проявлению антисемитизма (см. глава 2) и радуется тому, что ее товарищ прочитал поминальную молитву на могилах евреев, похороненных на далеком украинском кладбище.

Несмотря на декларируемую любовь к русскому языку, Симона часто затрудняется в подборе слов, использует ивритизмы и делает ошибки в окончаниях. Так, она не может вспомнить название страны «Йемен». Получив подсказку от интервьюера, она пытается образовать этноним от существительного «Румыния» по аналогии с только что услышанным: йеменец – румынец. С большим трудом она подбирает и слова забытого деревенского быта, а, после подсказки использует их с уменьшительными суффиксами, явно получая удовольствие от связанных с этими словами воспоминаний детства.

Как уже указывалось ранее, группа, к которой с особой недоброжелательностью относятся многие мигранты, – это ортодоксальные евреи. Сказывается и полученное воспитание в духе воинствующего атеизма, и привычка проявлять нетерпимость к мировоззрению другого. Но в еще большей степени это показатель недовольства государственной политикой субсидирования нужд религиозной общины, а также освобождением ультрарелигиозных от службы в армии.

Моисей В., 70 (ИАФР 21741)

Моисей: Нас они считают почему-то... Ну не все, есть, конечно, я не могу сказать, что все... Но в большинстве своем, особенно вот эти ортодоксы... они нас считают... вообще даже за людей не считают. Русские! Приехали из свинячей страны, ходят в свинячие магазины, как они говорят. Вот недавно Элла ходила в этот русский магазин. Шел один. Вдруг он ей говорит:

– Зачем Вы, Вы же еврейка, зачем Вы ходите в этот магазин.

Она говорит:

– Я же Вам не говорю, зачем Вы ходите в синагогу?

Вот. Он говорит:

– Я хожу туда молиться.

Она говорит:

– А я хожу покупать продукты. Вот и все.

Она говорит:

– Если Вам это не нравится, чем я могу вам помочь? Ничем.

Она говорит:

– Мне тоже многое не нравится. Мне, например, не нравится, что Вы не работаете. Не нравится, что ваши дети не служат в армии. Мне не нравится, что вы ничего не делаете, что Вы сидите на нашей шее. Ну, короче, она его там...

Интервьюер: А он?

Моисей: Вот. А он уже ничего не мог ответить. Он говорит:

– Мы молимся.

Она:

– Почему мой сын должен в армию идти, голову свою класть под пули, а твой сидит здесь?

– А он, – говорит, – молится за это.

Она говорит:

– Ха-ха, лучше бы и мой тогда тут молился бы, сидел, не воевал бы. Раз они не воюют, то есть не служат в армии, не работают,

кто будет производить в стране какие-то, это, продукты производства? Кто будет защищать страну, если все будут вот так, как и вы, перейдут в вашу, так сказать, шасовскую партию, веру ортодоксальную? Тут же некому будет это...

А он говорит:

– Ничего, мы молитвами победим.

Ну, все. И он убежден, он фанатик, понимаете? Вот.

Среди прочих выпадов против эмигрантов из бывшего СССР, часто можно услышать обвинения в свиноедстве. Как уже говорилось в главе 2, нарушения правил кашрута не мешают иммигрантам чувствовать себя евреями, но делают их маргиналами в глазах многих израильтян, придерживающихся традиции. Иммигранты видят в этом проявление нетерпимости к своему образу жизни. С их точки зрения, честная работа и особенно защита отечества, гораздо красноречивее свидетельствуют об их верности Израилю и еврейскому народу, нежели традиционный образ жизни. Наблюдения, подобные нашим, можно найти в книге английского политолога Джонса, изучавшего проблемы интеграции эмигрантов из бывшего СССР в начале 1990-х. Он обращает внимание на то, что те, кто считают себя евреями, определяют это понятие в рамках еврейских «ценностей», близких европейским, а не в терминах религиозных понятий (Джонс 2001). Об этом же пишет и Гительман, который в отличие от Джонса, не просто констатирует факт, а встревоженно размышляет о том, что восприятие еврейства, бытующее среди русских и украинских евреев, настолько отличается от принятого в Израиле и других странах диаспоры, что неминуемо возникает неловкий вопрос: а существует ли основа для взаимного признания общности? Критерии, по которым определяется принадлежность к «еврейской компании», не признаются значительной частью пост-советского еврейства (Гительман 2003: 58). Нежелание отказаться от светского образа жизни и приверженность европейской культуре, ассоциирующейся с христианством, зачастую отталкивает от иммигрантов и восточных евреев, презрительно

именующих их уничижительным эпитетом *goi* (неевреи). Многие выходцы из бывшего СССР предпочли бы, чтобы религиозные и светские евреи не мешали друг другу жить в соответствии с избранными обычаями. Образно выразила формулу терпимости Ева Ф.: «У меня на *мехине* (иврит: «подготовительное отделение») есть женщина, с которой мы очень мило общаемся и-и, которая носит парик, то есть..., но ни она на меня, ни я на неё не влияю. Она мне не мешает э-э кушать дома свинину, а я ей не снимаю парик».

Основным обвинением в адрес ультрарелигиозных в дискурсе русскоязычных израильтян является получение ими армейских льгот и государственных пособий. В противовес, пресса часто пишет о русскоговорящих солдатах армии Оборона Израиля. Журналисты ведут репортажи из частей, интервьюируют семьи раненых и погибших в военных операциях и пограничных столкновениях. Каждый материал, рассказывающий о дискриминации солдат-неевреев или членов их семей, вызывает возмущение членов иммигрантской общины и закрепляет противопоставление *они* и *мы* (Мартынова 2002а). Эмоциональные всплески одной этнической или социальной группы против других групп часто являются следствием субъективного восприятия несправедливости при распределении ресурсов и привилегий (Смит 1999: 187).

Взаимные обвинения, звучащие в словах Моисея В., типичны для израильского дискурса. Неслучайно разговор начался у входа в один из многочисленных «русских» продуктовых магазинов, ставших важным звеном иммигрантского сектора в сфере обслуживания (см. Фиалкова 1999). Эти магазины торгуют некошерными продуктами, многие из них открыты в пятницу вечером, в субботу и в дни еврейских праздников, когда не работают остальные израильские магазины за исключением тех, которые принадлежат арабам. В еврейском секторе «русские» магазины не любят не только за то, что они являются конкурентами на рынке потребительских товаров, но и за то, что они нарушают еврейский образ жизни. Эти магазины представляются очередным проявлением нежелания выходцев из бывшего

СССР расстаться с созданной ими социально-культурной автономией. В центральной ивритоязычной газете *Йедиот Ахронот*, под заглавием «Вся Москва на одной полке» опубликована статья, в которой любимые иммигрантами магазины названы «потребительским и кулинарным гетто» (Хен 2002).

Что в имени тебе моем

Оказавшись в инокультурном окружении, мигранты начинают осознавать, что важной частью их я является имя. Семиотическая природа имени хорошо известна. При переходе в другую религию и при вступлении в христианский монастырь значимость события маркируется сменой имени. У некоторых народов, включая евреев, было принято менять имя в случае тяжелой болезни с тем, чтобы защитить человека от сил зла. Во многих культурах детей называют в честь членов семьи. По русскому обычаю детям часто дают имена живущих родственников, что символизирует установление духовной связи между носителями одного и того же имени, а евреи называют детей в честь умерших членов семьи, чтобы увековечить их лучшие черты в памяти следующего поколения. Еще один пример семиотики имен – использование кличек у детей и подростков, а также в преступном мире. Клички часто являются частью кодовой системы: их смысл намеренно скрыт от тех, кто не является членом группы.

Как правило, в ассимилированных семьях советских евреев дети носили русские имена. Традиционные еврейские имена, такие как Сарра и Абрам, используемые в народе тысячелетиями, в годы Советской власти стали объектом насмешек и получили отрицательные коннотативные значения¹³. Именно эти два имени часто фигурировали в антисемитских анекдотах, и в результате мало кто отваживался давать их своим детям. Приведем пример табуирования этих имен из очерка, который россиянин Александр Бизяк

посвятил своему другу детства, ныне израильскому музыканту, Абраму Розенблиту. До эмиграции герой очерка был известен друзьям и знакомым как Бумка.

...только его родители знали, что их сына зовут Абрам. Сам же Бумка об этом не догадывался. Родители ревностно оберегали сына от этой травмы. И когда ватага местной ребятни гонялась за каким-нибудь курчавым очкариком в стоптанных сандалиях, то Бумка горланил громче всех:

– Абрашка, Абрашка, жидовская какашка!

Шло время... юный неказистый «антисемит» превратился в настоящего колоритного еврея. Потом музыкант уехал в Израиль. Встретились друзья через много лет в Тель-Авиве. Отыскал филармонию. Назвал привратнику фамилию друга-оркестранта. Тот по громкой связи объявил:

– Абрам, к тебе.

«Абрам... Абрам... Абрам...». – гулким эхом прокатилось по коридорам филармонии. Я вздрогнул.

– Что-нибудь не так? – забеспокоился привратник, перехватив мой взгляд. Я попросил привратника:

– Если можно, повторите снова.

Тот подозрительно покосился на меня. Нажал на кнопку микрофона. Филармония вновь огласилась именем моего старинного товарища. Впервые в жизни вот так отчетливо я услышал непривычное, режущее слух «Абрам» (Бизяк 2001: 30).

Подлинное имя ребенка скрывается не только от окружающих, но и от самого обладателя. Нейтральный звукоряд приобретает оценочные коннотации, и само звучание имени, подобно некоторым звукоподражаниям, вызывает отрицательные эмоции. Особая ирония эпизода состоит в том, что такую реакцию некогда «запретное» имя вызывает в Израиле, где оно широко распространено, как и другие библейские имена.

Еврейская семья в СССР была свободна в выборе этнически немаркированного имени, труднее обстояло с фамилией. В главе 2

мы уже приводили примеры анекдотов, иллюстрирующих отрицательные коннотации еврейских фамилий. Вот что рассказала нам о своих детских переживаниях, связанных с «не такой как у всех» фамилией, одна из информанток (для сохранения полной анонимности мы меняем фамилии и не приводим ее псевдоним):

Примерно до 12 лет я не знала вообще, что такое евреи, кто такие. Единственное, что меня очень интересовало, у меня была подружка, у нее была фамилия Звягина, а у меня фамилия Мандельблатт. Я никак не могла понять, почему... вот, ну, не нравилось мне, что, например, Звягина, Звягиной, она склоняется по падежам, а вот Мандельблатт никак. Вот она Мандельблатт и Мандельблатт, и никак. Мне это ужасно не нравилось.

Дети тоньше, чем взрослые, чувствуют отношение к себе других. Кроме того, конформизм и боязнь выделиться из группы у них сильнее, чем у взрослых. Может быть, поэтому самые пронзительные рассказы об антисемитизме и авто-антисемитизме в нашем материале – это детские воспоминания.

Отказ от традиционных имен у советских евреев был все же неполным, так как русские имена часто подбирались таким образом, чтобы сохранялась этимологическая или фонетическая связь с еврейским именем, например, Борис заменил Баруха, Рита Ривку, Миша напоминал о Моше и т.д. (Файнберг 2003: 28). Такое кодирование оставляло тонкую связующую нить с культурой отцов, но не преуменьшало желание быть, «как все», и свести на нет различия между собой и окружающими. Приведем два примера, в которых намеренно не указываем псевдонимы и возраст, чтобы не обнаружить личность интервьюируемых.

Анна: Её (родственницу рассказчицы) звали Одосо. (...) Все были из религиозной семьи, все были именно из *Танаха*

выписаны. Ривка, Одосо, а потом Нумиё, Нафтали, Сефер-
ньё – все было из Библии.

Интервьюер: Но вы были Аня или...?

Анна: А я Ханна.

Интервьюер: Ханна? По документам изначально Ханна?

Анна: Ханна изначально по документам. Потом мама
сделала «Анна». Но Ханна и Анна – это одно.

Интервьюер: А дома вас звали Ханной или Аней?

Анна: Нет, Анной называли. Анна. Аней называли, Ан-
нушкой называли, когда как. Но, в основном, Анной и все –
Анна, Аннушка, Анна, ну...

Фаина: У меня имя такое – Сура-Фрейд. Это о чем-то го-
ворит?

Интервьюер: Да. И так в паспорте было записано?

Фаина: Нет. Спасибо, что записали меня Фаня. Потому
что, если б я в Н. была записана Сура-Фрейд, на работе мне
было бы... На работе меня звали Фаина. Но по-настоящему,
в синагоге, все, я там была Сура-Фрейд. Ясно?

Прагматические мотивы такого поведения были понятны самим
евреям. Тем не менее, многие анекдоты высмеивали его, играя
роль социального механизма контроля. Это была своеобразная
попытка моральной саморегуляции группового поведения:

Три еврея: Йоханан, Пинкус и Сруль решили перейти в
христианство. Священник, крестивший их, говорит: «Был ты
Йоханан, а стал Иваном. Это и похоже, и одно и то же». По-
вернулся к другому: «Был ты Пинкусом, а стал Петром. Это
и похоже, и одно и то же». Посмотрел на Сруля, подумал и
сказал: «Был ты Срулем, а стал Аккакием. Это не похоже, но
одно и то же».

Среди евреев старших поколений, как и среди представителей
других этносов, населявших СССР, встречались люди, носившие
имена, указывающие на политические симпатии их родителей:

Октябрина, Ленина, Сталина. В последние десятилетия модными стали имена звезд эстрады и кино. Так у еврейских детей появилось имя Кристина, в честь Кристины Орбакайте. При этом на связь имени с христианством внимания не обращали.

Оказавшись в Израиле, выходцы из бывшего СССР опять почувствовали, что имена выдают в них чужаков. Реакция на это двойственная. В некоторых случаях механизм ассимиляционных процессов был запущен вновь. Получить в Израиле новое имя оказалось нетрудно, особенно, если оно переделывалось на ивритский манер. И опять стали меняться имена, особенно часто у детей и подростков, причем, как и прежде, были задействованы ассоциации. Светлана становилась Лиорой или Орой, так как оба имени обозначают «свет». Используя фонетическую близость, Галина превращалась в Гали, Галит или Галью, а Елена в Илану и т.д. (Котик-Фридгут 2000: 201–202)¹⁴. Новое имя не всегда полностью вытесняет старое. Иммигранты часто продолжают пользоваться им дома и в общении со старыми русскоговорящими друзьями. В наших дневниках есть записи о возврате подростков к своим первоначальным именам. Приведем один пример. Двухлетняя Галина (Галя), попав в израильский детский сад, стала Галит, потому что дети в группе стали называть ее именно так. Дома она оставалась Галей. Когда в 7-м классе она перешла в новую школу, учителя стали сначала называть ее Галиной, как и было записано в документах. Девочка поправляла их и очень нервничала. Она оставалась Галит три года учебы в этой школе и для учителей, и для своих русскоязычных подруг. В возрасте 15 лет она вместе с группой одноклассников опять сменила школу. Все лето перед этим она обсуждала с подругами, как быть с именем. На первой встрече нового класса каждый должен был представиться. У нее это получилось так: «Меня зовут Галит, ой, Галина». Раздался смех. И тогда она рассказала о том, когда и как стала Галит. Заканчивая объяснение, Галина сказала: «А теперь я вернулась к самой себе».

Лотман и Успенский указывают на то, что подсистема собственных имен в языке образует специальный пласт, который может быть подвержен изменению и сознательному регулированию со стороны носителей языка. В то время как семантическое движение в языке носит характер постепенного развития внутренних сдвигов, то «язык собственных имен» движется как цепь сознательных и резко отграниченных друг от друга факторов наименования и переименования. Новому состоянию соответствует и новое имя. С мифологической точки зрения, переход от одного состояния к другому мыслится в формуле «и увидел я новое небо и новую землю» (Апокалипсис 21:1), и одновременно как акт полной смены всех имен собственных (Лотман и Успенский 1992:69–70). Мифологическим сознанием объясняется и некоторый страх перед актом изменения имени. Так, Элла О. свой рассказ об изменении имени завершает словами: «Меняешь имя – меняешь судьбу».

В нашем материале есть также много примеров того, что иммигранты проявляют преданность своим «неправильно» звучащим имени и фамилии. Иногда их решение оставить старое имя воспринимается как вызов обществу.

Анастасия Ф., 43

Когда я преподавала в колледже, один из представителей администрации как-то сказал мне:

«Если бы вы сменили имя Анастасия, скажем, на Брурию, у Вас было бы больше студентов. Их отпугивает русское имя». Я ответила, что, если причина в этом, пусть лучше не приходят.

Две наши информантки, чье имя Мария, рассказали о неприязни их имени израильянами, для которых Мария связана с христианством. Одна из них в течение многих лет поправляла коллег, пытавшихся поменять её имя на «Мириам», другая была готова поставить на карту предстоящее замужество:

...когда я выходила замуж и пришла в *рабанут*, меня пытались заставить изменить имя. С Марии на Мирьям. И я сказала *раву* (русифицированный иврит, «раввину»), мы общались на английском, я сказала, что я предпочитаю не выходить замуж, если Вас это не устраивает, но имя, данное мне матерью, я менять не буду. Так я везде и записана Марией.

Ивритское имя *Мириам* истолковывается как «горечь» или «море горечи». Израильтянам, которых коробит русское «Мария», невдомек, что оно было принято русскими евреями и давалось по ассоциации и с *Мириам*, и с *Малкой*, на иврите «королева», и с *Мафрат*, этимологическое происхождение которого не установлено (Лосон и Глушковская 1994:175).

Известны нам также случаи, когда иммигранты по несколько раз обращались в Министерство Внутренних Дел, требуя исправить правописание их фамилий, с тем, чтобы оно максимально отражало русское звучание.

Описывая свою борьбу за собственное имя или за имена своих детей, иммигранты часто говорят об их символическом значении.

София Ш., 31 (ИАФР 22143)

София: Ой, это было смешно. Вот, это было смешно. То есть, опять-таки, когда я была беременна дочкой старшей, меня спросили: «Как ты назовёшь ребёнка?» Я сказала, что я назову её Натальей. «Софа, о чём ты говоришь?! Как так можно? Это же ребёнок, который родится в Израиле».

– Ну и что?

– Он должен носить израильское имя.

– Кому он должен?

– Ну, девочка же будет мучиться.

– Если она будет мучиться, в восемнадцать лет пусть она сменит это имя. Но до восемнадцати лет это моя отрада, я её родила для себя. Она будет называться так, как мне приятно её называть. Как у неё будут проблемы, пусть она сменяет имя.

И тогда мне стали давать всякие предложения, красивые женские имена. Я помню два: Мор и Нога. Не спрашивая, что означают, – обычно я всегда спрашиваю, – но тут я, значит, сразу покатила со смеху. Меня начали спрашивать: «Что ты смеёшься?» Я говорю: «Ну, представьте себе, я пишу своему папе: 'Папа, твоя первая внучка, её зовут Мор'. Папа получит инфаркт. Почему? Потому что «мор» по-русски, ну, много людей умирают. Чисто по звучанию. Нога (ударение на о)! Он подумает, что я перепутала её с рукой (ударение на у) и опять-таки будет очень сильно смеяться. Никаких добрых чувств это не вызовет. Наташа – это у меня была с детства мечта, так звали мою бабушку. Я хотела, чтобы у меня, все мои куклы были Наташами. Я хотела, чтобы мою дочку звали Наташа, я её так назвала. Вот, это я помню. Вот, эта первая стычка в этом плане, что нужно так, а не иначе, которую я выдержала. Девочку зовут Наталья, её только так воспринимают, никто не называет её иначе. В шутку люди, знающие, что я зову её Наташа дома, называют её Наташенькой. И опять-таки это всё, всё очень по-доброму.

София – член киббуца, и, покинув СССР в юности, впитала многие элементы израильского образа жизни, в частности, принципы воспитания детей. В приведенном нами отрывке доброхоты высказывали опасение, что непривычно звучащее имя будет отпугивать от девочки сверстников. Пытаясь убедить будущую мать отказаться от «чужого» имени, они искренне верили, что это будет во благо ребенку. Вопрос оказался для Софии принципиальным. Она защищала свое право на привязанность к воспоминаниям детства и, хотя она и не говорит об этом прямо, к культуре, усвоенной с детства. Интересен этот нарратив и с языковой точки зрения. Пересказывая свои аргументы в защиту выбранного для дочери имени, София играет на омонимии глагола «должен». Вряд ли именно так происходил этот разговор на иврите, в силу отсутствия в нем параллельной игры значений. Хотя София живет в ивритоязычном окружении

киббуца и с детьми говорит на иврите, именно полисемантичность русского слова структурирует её аргументацию. Обратим внимание и на культурно-обусловленное восприятие имен. Как указывают Лотман и Успенский, существует связь между именем и мифом. В именах собственных слово сливается со своим денотативным значением. Это характерно для мифологического восприятия реальности, проявляющегося в возникновении различных табу и в ритуальных изменениях имени (Лотман и Успенский 1992: 62). Оба ивритских имени, предложенные Софии в качестве альтернативы Наталье, представляются носителям иврита и красивыми, и поэтичными. *Hóga* – это Венера или звездный свет, а *Mor* означает мирт, растение, чей аромат используется как благовоние. Интерференция с родным языком столь сильна, что рассказчица восприняла предложенные имена как абсурд, а рассказ ее приобретает сходство с анекдотом. Как и в анекдоте о переименовании трёх евреев, в основе комического эффекта лежит паронимия: сходство на фонетическом уровне и окказиональный контраст на семантическом¹⁵.

От крыши над головой до дома

В иммигрантских рассказах индивидуальный и коллективный взгляд на *своих* и *чужих* постоянно переплетаются. Некоторые сюжеты путешествуют из одного интервью в другое. Одним из наиболее популярных при этом остается рассказ о поиске первого прибежища в новой стране. Образ репатрианта из СССР, созданный официальной израильской пропагандой, сродни образу блудного сына, возвращающегося в гостеприимный родительский дом. Программа интеграции, предложенная киббуцным движением, называлась «Первый дом на Родине», а в материалах Еврейского Агентства (Сохнут) саму репатриацию именовали «Возвращением на историческую Родину»¹⁶. Использование затертого в советские времена слова и пафос самой формулы не остались без ответа: и

в русскоязычной прессе, и в иммигрантской речи страны бывшего СССР стали называть «доисторической родиной».

Само понятие репатриации связывается с домом, и многие наши информанты говорят о том, что, отчасти, дальнейшие успехи или провалы в новой стране были связаны с тем, насколько гостеприимным или неласковым оказался их первый кров.

Евгений Г., 30 (ИАФР 21875)

...вот, и отвезли нас в Хайфу, тут у нас бабушка жила, и они приехали на месяц раньше, вот... вот, мы поселились, значит, здесь, в Хайфе. Поселились у них и начали искать квартиру. Через день прибежала хозяйка квартиры, где мы поселились, в бабушкиной, и сказала, чтобы мы все убрались на улицу, потому что она... в договоре было написано, что только бабушке и ее дочке можно жить, а не нам. Ну, чтобы мы уматывали, есть гостиницы и всё, идите, идите в гостиницу и живите. Где хотите. Вот... значит, потом удалось её уговорить, у неё сын. Потом удалось позвонить её сыну, короче, он нас, согласился, что мы останемся до следующей пятницы, то есть ещё неделю, что мы останемся и за это время, пока найдем квартиру. Ну, и в это время мы начали искать квартиру. Естественно, за неделю квартиру мы не нашли, потому что тогда было очень много приезжих. А в следующую же пятницу она прибежала и устроила ещё больший скандал и вообще выгнала нас. Сказала, чтобы мы убрались на улицу и всё, что она нас больше вообще видеть не хочет. Вот... ну и потом опять пришлось звонить её сыну и опять упросить его, и он, в общем, согласился нас оставить... оставить нас ещё на неделю. За эту неделю мы, наконец-то, нашли квартиру, тоже в Хайфе. Переехали. Через неделю переехали и начали обустраиваться.

В подобных ситуациях проявляется столкновение закона и моральных норм, о котором мы писали в главе 1. Предыдущие волны иммигрантов по приезде в Израиль попадали в так называемые «центры абсорбции», в которых им предоставляли жилье и кон-

сультировали по вопросам социальной и профессиональной интеграции. В 1990-е годы государство стало практиковать так называемую «прямую абсорбцию», вынуждавшую людей с первых дней самим устраивать быт и жилье (Рубинчик 2002: 216–217). Привыкшие опираться на помощь родственников и друзей, иммигранты и в этой ситуации активизировали привычные механизмы взаимовыручки. Во многих случаях семьи выбирали город или поселок только потому, что там уже жили их друзья или знакомые, даже если те приехали несколькими месяцами или неделями раньше. Некоторых уже ждали снятые их близкими квартиры, другим предлагался кров до тех пор, пока они не найдут подходящее жилье. Не зная иврита, многие не могли подробно ознакомиться с договором о съеме квартиры и поэтому невольно нарушали его, когда снимали на свое имя квартиру для родственников или временно поселяли у себя целые семьи. Протест хозяев квартир против таких нарушений считался проявлением равнодушия и недоброжелательства. Так возник в иммигрантских рассказах образ домовладельца-врага, который вторгается в привычный образ жизни, готов выгнать бездомных на улицу и унижает квартиросъемщиков мелочными проверками:

Татьяна Д., 27 (ИАФР 21750)

Вначале мы вообще приехали на квартиру, где не должны были находиться. Там был договор только на четверых. И хозяйка как-то была очень сурова, приходила и считала, сколько стоит обуви у входа, чтобы проверить нужное ли число человек. Мы хотели даже доплатить, но, к счастью, мы, на самом деле, не доплатили. Мы жили там две недели.

Беспомощность, вызванная незнанием языка и законов новой страны, так называемая статусная неполноценность, вызывали страх и даже спустя десятилетие рассказы эти полны драматизма:

Ася Ш., 56

Ася: Мы, когда приехали, и вот такой ужас, не к кому было вообще обратиться. Мы себя чувствовали очень плохо. Но тут случилась такая картина: мы должны были переехать с одной квартиры на другую, потому что моя сватья сняла квартиру на свое имя. Для нас. Ну, мы же имели *ментали-ут* (иврит: «ментальность») советскую. Потому что там не имело значения. То есть я сняла квартиру, я могу туда пустить свою мать, свою дочь. А тут уже это нельзя. Просто очень грубое нарушение. В общем, короче, она нам сняла, а тут приехал хозяин, нарисовался случайно. И нам пришлось оттуда съезжать. Причем ему нужна была квартира, он вернулся с Германии с поломанной ногой. А поэтому мы, конечно, ну, как вам сказать, должны были иметь штраф. За то, что мы вселились по чужому договору. Это тут очень, очень большое преступление, да. Мы должны были заплатить, наверное, какую-то большую сумму, которой у нас отродясь и не бывало. У нас вообще ничего не было. Но все обошлось благополучно, потому что он нарушил договор.

Интервьюер: Сам?

Ася: Сам. Он хочет въехать в эту квартиру, а мы...

Интервьюер: Со своей стороны тоже нарушили договор.

Ася: Ну, мы нарушили. И – баш на баш.

Ася явно сгущает краски, квалифицируя свой проступок как «очень большое преступление». Страх вызывало у нее и чувство бездомности, и боязнь столкновения с судебной системой. Обращение в суд – дело привычное для израильтян при решении многих спорных вопросов, пугает бывших граждан СССР, помнящих, что судимость могла стать несмываемым пятном в биографии. Велик был также страх перед денежными штрафами, которые грозили семье финансовой катастрофой.

Необходимость жить на съемной квартире, которую часто приходилось менять, и которая принадлежала не государству или кооперативу, а частному лицу, воспринималась выходцами из бывшего СССР как испытание. Временный дом для многих так и не стал настоящим домом, более того, он символизирует зави-

симось от других. Интересное сравнение в этой связи проводит американский фольклорист Натали Мойль. Она пишет о том, что в то время как русская культура ценит привязанность к корням, к родному городу или селу¹⁷, американцы ценят мобильность и возможность пересекать границы. Для них съемная квартира является домом, который сохраняет свободу выбора и не привязывает к месту (Мойль 1989).

С историями о «коварных» домовладельцах соседствуют в нашем материале рассказы о доброте и гостеприимстве старожил. Иногда в этих рассказах звучит осуждение того, что оказываемая приезжим помощь принимается как должное, а доброта и бескорыстие встречают лишь недоброжелательность и зависть соплеменников.

Анастасия Ц., 48 (фрагмент рассказа зарегистрирован в ИАФР 22125)

Анастасия: Значит, любой человек, приехавший из какой угодно точки земного шара, он понимает: если у него нет денег, он ни на что претендовать не может. Пока он в этой новой стране, в этой новой жизни не докажет, не научится зарабатывать, по принципу: «Если ты такой умный, почему же ты такой бедный?», то ничего не получится. Человек, приехавший из Союза, этого не понимает. Он уже пуп земли сам по себе. Почему он решил, что ему должны? Его звали. Ему должны. Его здесь приютили. Значит, он не может, очень долго не может понять, что он все для себя должен сделать сам. И начать с начала. Начать, начать. То есть, если у него ничего нет, он должен понимать, что он живет на той квартире, на которую у него хватает денег, ест так, сколько у него есть. Он не может понять, почему приехавший там и считавшийся там, так сказать, не из самых бедных, здесь он опускается на дно. Ну, а всплывает каждый, как у него получается. Люди, которые это понимают, вот за эти вот девять лет, что я знаю, многие люди поменяли уже по две–три квартиры. Продают–покупают. Зарабатывают, устраиваются все лучше и лучше. Значит, работают. Учатся на каких-то курсах, меняют специальности, стараются по-

пасть в струю, где-то что-то. У тех все в порядке. Но их не видно. Потому что они не ляпают языками, они не ходят. Не плачутся. Они молчат. Они тихо, молча работают. А вот та часть, которая приехала, которой, как им кажется, мало дали и дали не столько, сколько им надо, и вообще их встретили не так, как они... и никто не оказывает им почести, и никто не встречает их с распростертыми объятиями, они не понимают, что они должны сами все с начала взять, и сами все себе заработать. Этим людям очень плохо. Вот они ходят, ноют, плачут, надоедают всем.

Интервьюер: Среди твоих покупателей их много?

Анастасия: Навалом! Очень много, причем у меня типа клуба такого. Человек может прийти, мне рассказать, я его выслушаю, мы можем поговорить о планах. (...) Многие ходят. Еще человек, приехавший из Союза, это русская привычка, вот, обожают разговаривать. Причем это говорить, изливать свои чувства, ощущения без дела. На Западе и в Израиле это не принято. Каждый живет. Его мысли – это только его мысли, он считает это неприличным вешать это на другого человека. Наш человек этого не понимает. И считает, что его должны все выслушать. Пожалеть, посочувствовать, ну, а если уж у человека есть, – он ему просто обязан дать! Как это так! Расскажу. Значит, есть Валентина Ефимовна. Она приходит, и она все рассказывает. Значит, ей крупно повезло. Её взяла на квартиру одна израильтянка, которая тяжело живет, ей нужны деньги на лечение. У нее трехкомнатная *амидаровская* квартира (русифицированный иврит: имеются в виду квартиры компании «Амидар», распределяемые на съем по льготной цене среди социально незащищенных слоев населения»), дети разъехались, а она в ней доживает. Она ей сдала одну комнату, и Валентина Ефимовна приходит ко мне и жалуется, ругает, топчет её последними словами. Я говорю: «Валентина Ефимовна, ну, почему Вы так? Она же так к Вам хорошо относится!»

«Что хорошо? Да, она дает чай, бутерброды, она мне там кое-что из вещей подарила, мебель дала, но, если она такая хорошая, то почему же она берет с меня за квартиру?»

Вот Валентина Ефимовна никак не может понять, что опять же, нельзя садиться на шею другому человеку как бы тебе ни было плохо. Или, когда я ей, например, говорю:

«Валентина Ефимовна, почему она должна терпеть Вас, чужого человека в своем доме и ничего за это не брать? Почему?»

Она говорит:

«Тогда не нужно притворяться хорошей».

Подобную историю мы слышали и от Исанны Л. Пожилую пару, приехавшую на пике иммиграции в начале 90-х, когда было чрезвычайно сложно найти квартиру, приютила незнакомая женщина. Они бесплатно прожили в ее доме более года и при этом постоянно жаловались на плохие условия. В наших этнографических дневниках есть записи, показывающие убежденность некоторых иммигрантов в том, что они оказали израильтянам услугу тем, что решили поселиться в Израиле. Привычка жить в стране постоянно провозглашаемого равенства приводит к ожиданию равного распределения ресурсов и в новом окружении. Наш анализ

подтверждается статистическими данными, приведенными Фельдманом: 25% респондентов ответили, что их интеграцию затруднила привычная установка на социальное равенство (Фельдман 2003: 77).

Анастасия Ц. не зря называет свой магазин клубом. Завсегда-таи русских магазинов, особенно книжных, часто заходят поболтать с продавцами и поделиться своими печальми, что вызывает у Анастасии раздражение. Она не учитывает, что жители западных стран, чью сдержанность она приводит в пример, привыкли обсуждать свои невзгоды с психологами и психоаналитиками, в то время как в СССР подобная служба практически не существовала, а профессиональных консультантов заменяли родственники и друзья. Райс посвящает жалобам и сетованиям на жизнь целую главу книги о современной русской речи. Она приходит к выводу, что это один из самых распространенных жанров и указывает на его связь с традицией литания и плача. Как и у его исторических предшественников, в основе современного «плача» лежит конфликт власти и бесправия, а «злодеи» и их «жертвы» кажутся навсегда соединенными вместе (Райс 1997:83–125).

Мы показали, как складывается стереотип израильтян в группе выходцев из бывшего СССР. Со своей стороны, и израильский обыватель создал свои стереотипы различных иммигрантских групп. Такие ярлыки, как марокканцы—«ножи», румыны—«воры», педантичные и негибкие немцы—«екки», русские—«алкоголики», «проститутки» и «мафиози» (см. Гольден 1999) часто употребляются в неформальном дискурсе израильтян и мало способствуют взаимопониманию в полиэтническом обществе¹⁸.

Анастасия Ц., 48 (ИАФР 22126)

Интервьюер: Анастасия, а как, каковы твои первые впечатления от знакомства с местным населением?

Анастасия: Ну...как... я ходила, улыбалась. Я улыбалась всем, все улыбались мне. Честно говоря, вот за все это время я... или мне так кажется... или может быть, я фильт-

рую свои ощущения... я не встречалась с плохим отношением к себе. Ни разу. Однажды я ехала в автобусе, там сзади какой-то мужик местный сидел и гудел там что-то такое, чего-то заигрывал, он говорил... они имеют такую привычку. Причем мне это очень нравится. Ничего, мужчина должен заигрывать, мужчина должен женщине уделять внимание. Если он ей не... значит у женщины что-то не в порядке. Или у мужчины что-то не в порядке. Не знаю. И женщина, которая сидела рядом, она стала говорить: Вот, приехали... *кулам ми Руссия зонот* (иврит: «все, кто из России – шлюхи») и прочее и прочее. Значит, я повернулась к ней и сказала так... *бэтах*, ну, я по-русски, так как иврит у меня по сей день не очень хороший. Значит, я к ней повернулась и сказала: *бэтах ше кулам ми Руссия зонот*. Я, *ани йафа, цаира, хахама – кулам оғавим оти. Ат лё йафа, лё цаира, лё хахама – аф эхад лё оғев лах ве ат коль йом ғав ғав кмо кэлев* (Неграмотный иврит: «Конечно, все, кто из России – шлюхи. Я – красивая, молодая и умная, и все меня любят. Ты – некрасивая, немолодая и неумная. Никто тебя не любит и ты каждый день, гав-гав, лаешь, как собака»). Короче. Я её вежливо оскорбила, можно сказать. Она закрыла рот, вот, но пока мы приехали до Хайфы из Кирыят-Моцкина (пригород Хайфы), мы с ней подружились. И она мне стала рассказывать, значит, как они приехали, не они, а приехал её папа, как им было тяжело всё. Ну, мы посочувствовали друг другу и очень хорошо разошлись.

Рассказ Анастасии типичен с двух точек зрения. Во-первых, ярлык проститутки, кажется, прирос к «русским» женщинам и навешивается независимо от возраста и поведения (о гендерных проблемах см. подробнее Фиалкова 2005а). Во-вторых, обратим внимание на реакцию мигрантов в конфликтных ситуациях: они переходят в наступление и либо хвалятся собственными положительными качествами, реальными или придуманными, либо хвастаются достижениями иммигрантской группы в целом. Более того, они любят грозить израильтянам-старожилам, что «русские» скоро

установят свои порядки по всей стране. Иногда такое поведение ведет к эскалации конфликта, а иногда, как это ни парадоксально, помогает мирному разрешению ситуации, особенно в тех случаях, когда конфликт не затрагивает коренных интересов враждующих сторон как, например, было в рассказе Анастасии. Когда стереотипный взгляд на иммигрантов столкнулся с необычной реакцией, враждебность улетучилась. Общий иммигрантский опыт и, в особенности, общие переживания оказались благодатной почвой для примирения.

Эпизоды, проанализированные в этом и предыдущих разделах главы, связаны с межкультурным общением и образованием стереотипов. Межкультурная коммуникация – идеальный пример того, что общее представление о ситуации, являющееся основой успешной коммуникации, является спорным и по-разному видится участниками ситуации (Форгас 1988: 187). Именно поэтому мы часто наблюдаем конфликты и взаимное непонимание, являющиеся результатом ложных ожиданий. Реальность оказывается более многообразной и менее предсказуемой, чем представляющие её схемы. Интересны в этом смысле рассуждения Гиренко, который считает, что отличие собственно межэтнического конфликта от других форм общественного конфликта состоит в том, что критерии для определения «свой» – «чужой» при этническом конфликте наиболее расплывчаты, несмотря на кажущуюся очевидность. Даже, если этническая общность воспринимается самими ее членами как монолитное целое, практически в ней сложно определить основной и исчерпывающий набор культурных или иных признаков, единых для всех носителей данной этничности (Гиренко 2001: 104).

Риторический вопрос задает лингвист Чейф: «Почему ксенофобия доставляет нам такое удовольствие?» Он полагает, что причиной тому механизм адаптации к сложностям бытия и к миру, который не отвечает нашим ожиданиям. Непредсказуемое угрожает привычным для нас моделям мира, и в качестве первой реакции мы отвергаем его, пытаясь ликвидировать сам источник нежиз-

данного. Возбуждение, гнев и агрессия – сопутствующие элементы этого процесса. Именно в такой реакции кроются причины удовлетворения, которое приносит ксенофобия и каждодневные жалобы на все то непривычное и незнакомое, что входит в нашу жизнь (Чейф 1990: 82–83).

Образ врага: корни и составляющие¹⁹

Тема взаимоотношений арабов и евреев остается одной из самых злободневных в израильском дискурсе со дня образования государства. Как группа, выходцы из бывшего СССР известны своими непримиримыми анти-арабскими настроениями²⁰. В этом и следующих разделах главы мы попытаемся объяснить причины сложившейся ситуации.

Основной корпус интервью был собран в 1999–2000 гг., т.е. в относительно спокойный период, предшествовавший интифаде Аль-Акса. Только 13 информантов беседовали с нами в самом начале интифады, в сентябре 2000 г. Наблюдения за русскоязычной прессой Израиля, дискуссии в интернет-форумах и наши дневниковые записи показывают, что отношение русскоязычных израильтян к палестинцам и израильским арабам резко ухудшилось за годы интифады, однако, так как мы не проводили повторные интервью, в материале, собранном в ходе полевой работы, такой динамики нет²¹.

Тема отношения к палестинцам и израильским арабам возникла в интервью спонтанно; в наши первоначальные планы обсуждение этой темы не входило. В некоторых случаях информанты давали свою оценку конфликту, в других рассказывали о своих личных контактах с арабами. Всего в интервью зафиксированы 33 нарратива и 25 высказываний, содержащих мнения о конфликте и его эксплицитную оценку. Из 39 информантов, высказавшихся по обсуждаемой теме, 15 человек подняли этот вопрос сами, осталь-

ные отвечали на вопросы интервьюеров. Характерно, что в интервью, проводившихся студентами и до интифады, и после ее начала только в одном из 22 была затронута тема взаимоотношений с арабами. Лишь в трех записанных нами рассказах говорилось о контактах с палестинцами, живущими за «зеленой чертой», остальные информанты рассказывали о контактах с арабами-гражданами Израиля.

По мнению израильского антрополога, Дана Рабиновица, предпочтительно говорить о палестинских гражданах Израиля, нежели об израильских арабах или просто арабах (Рабиновиц 1997: 12–13), но именно арабами называют эту группу населения наши информанты, участники интернет-форумов и большинство журналистов. Поэтому, хотя мы и согласны с тем, что этот термин может показаться амбивалентным, мы тоже будем пользоваться им.

В начале этой главы мы показали, как иммигрантский дискурс воспроизводит анималистские образы *другого*, продолжая, таким образом, фольклорную традицию. Наши информанты, хотя и не прибегают к подобным метафорам, но в размышлениях и рассказах об арабах пользуются фразеологией, которая встречается в разговорах о животных и рабах. Зато в популярном интернет-форуме «Израиль и мы» (<http://souz.co.il>) широко представлены и анималистские метафоры, и фразеология²². Так предлагается «размножаться и травить их (палестинцев) ... как бешеных псов». Документы, подписанные в Осло, переименованы в «ослиные соглашения», политиков упрекают в бездействии и в том, что, несмотря на террористические акты, они продолжают «сидеть спокойно как мышь в норе». Обратим внимание на то, что участники интернет-дискуссий убеждены, что только израильяне-старожилы способны на подобную левацкую «слабость», поэтому помимо противопоставления «мы», израильяне, – «они», арабы, постоянно встречается и другое: «мы», «русские», – «они», израильяне-старожилы. Действия израильской армии и полиции, часто обвиняемых мировой прессой в излишней жестокости, квалифицируют-

ся участниками форума как попустительство бандитам или мало эффективное «щелканье клювом». Почти единогласно участники форума согласны с тем, что территориальные уступки опасны, а обострение конфликта вызвано усилиями миротворцев: «Все просто – и причина, и следствие: летел голубь мира и накакал всем на голову. Вот и ходим теперь» (Асса, 28.08.2002, дискуссия «Не будет здесь мира», <http://souz.co.il>) (Здесь и далее мы сохраняем интернет-имена, «ники» участников, а также орфографию и синтаксис интернет-сообщений). Переговоры считаются бесполезными, а международное общественное мнение не заслуживающим никакого уважения:

У меня не возникает желания заглядывать им в глазки и выяснять не обидел ли я их чем. кроме БРЫСЬ ничего мне им сказать не хочется... и если брысь не понял, то и пинка дать, чтоб не подходил близко. (...) а цивилизованные народы «(блин... этих цивилизаций как сорняков...) пусть собой занимаются. с какой стати перед ними отчитываться все обязаны. каждый люмпен на любом материке себя оплотом цивилизации» считает... ну и хрен с ним, собака лает – ветер носит. (Glaz, 04.01.2002, дискуссия «Арабы и евреи – заложники политических игр», <http://souz.co.il>).

Как отголоски ностальгических разговоров о «сильной руке», которые велись в России в эпоху перестройки и во времена ельцинского президентства, звучат рассуждения о том, что арабы не способны понять ничего, кроме грубой силы. Ими пытаются оправдать инциденты, в которых израильтяне проявляют жестокость и насилие по отношению к палестинцам:

«Мы имеем дело не с цивилизованным врагом, когда применимы такие понятия как демократия, справедливость. А с фашиствующим и беснующимся фанатиком, который хочет нас уничтожить любой ценой. Только если противостоять арабской угрозе, а не поддаваться иллюзиям, что

враждебность арабов может как-то исчезнуть, только тогда Израиль будет спасен (Irena-Linda, 30.12.2001, дискуссия «Арабы и евреи — заложники политических игр», <http://souz.co.il>).

В подтверждение своей позиции иммигранты часто опираются на литературные аллюзии и библейские тексты. Так, призывая к возмездию после очередного террористического акта, участник дискуссии «Терроризм и возмездие» интернет-форума вызывает: «Кровь за кровь!», в котором легко узнать библейское «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал. Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб...» (Исход 21:24) Критикуя Израиль за «излишнюю» мягкость, наша информантка Анастасия Л. ссылается на толстовскую цитату из Евангелия от Матфея (5:39) и перефразирует ставшую клишированной фразу М. Горбачева о социализме с человеческим лицом:

Анастасия Л., 50

...какая-то, вот, демократия странная, которая сама себя защитить не может. Вот что мне кажется, что это... Мне бы хотелось, чтобы она была с более таким суровым лицом, эта демократия, сама могла за себя постоять, понимаешь, то есть не то, что, вот, такое толстовство: вас ударили, а вы подставили другую щеку.

Много пишет о звериной ненависти арабов к Израилю и евреям и русскоязычная пресса. Количество материалов, посвященных палестино-израильскому конфликту, резко увеличивается после каждого террористического акта и после каждой военной операции, в которой гибнут израильские солдаты. Сами за себя говорят заголовки статей: «Любовники смерти», «Лицо ненависти», «Крысиная тропа», «Философия рожденных ползать» и т.д. Антиарабские настроения подогреваются регулярной перепечаткой отрывков из антиизраильских статей, появляющихся в газетах арабских стран и

их комментариями. При этом некоторые журналисты обвиняют своих коллег в том, что делается это недостаточно жестко и не дает израильской публике истинного представления о силе не только ненависти, но и презрения к Израилю и израильтянам: «...мы подсознательно пытаемся не воспринимать то, что особенно травмирует. Слишком страшно увидеть себя такими, какими нас видит враг. Еврей – хорошо бы запомнить, не вытеснить из сознания – это не просто «неверный» (не подчиняющийся Аллаху), это помесь свиньи с обезьяной» (Добрович 2002: 6). Звериные аналогии на этом не кончаются. Говоря, что террористов не интересует, кто их жертвы, автор статьи задает риторический вопрос: «Интересует ли вас пол уничтожаемого таракана?» Далее, объясняя, почему не поднимается национальный флаг Израиля во время визита главы государства в не называемую арабскую страну, Добрович иронизирует: «Приходится, конечно, вести переговоры с крысами, но поднимать крысиный флаг?» Как видим для того, чтобы расшевелить читателя, журналист использует те же самые образы, унижающие достоинство изображаемого человека, что и традиционный славянский фольклор в изображении чужака. Такие риторические приемы весьма успешны, так как презрение вызывает еще больший гнев, чем ненависть.

Интересно отметить, что, если судить по выборке, представленной израильской прессой, риторика, тропы и образы анти-израильской пропаганды в арабских странах и анти-арабской пропаганды в Израиле весьма схожи. Так, Палестинская автономия называется «чудищем» и «монстром» под руководством «старого бандита Арафата и его коррумпированной клики» (Брискин 2002), а на плакатах демонстрантов правого крыла Арафат называется убийцей и изображается со свастикой на рукаве. А вот как описывается «антиеврейский пиар» в арабских странах в русскоязычной газете: «В 2002 году в Палестинской автономии по телевидению демонстрировался клип с участием «Ариэля Шарона» и «Ясера Арафата». Актер, исполняющий роль израильского премьера, был

наряжен в фашистскую форму, он держал в руках топор и замахивался на палестинского мальчика» (Сидорова 2004). На сходство риторических приемов дискурса по обе стороны конфликта указывает израильская фольклористка Хазан-Рокем. В качестве примера она приводит диалогическое построение понятия «мученичества». Мучениками называют в Израиле жертв террористических атак, совершенных *шахидами*, в переводе с арабского «мучениками». Ввиду того, какую эволюцию прошло понятие мученичества в иудаизме и христианстве, учитывая влияние народов, проживающих на Ближнем Востоке, на религиозную историю Европы, а также, принимая во внимание значение «летального диалога» этих понятий сегодня, Хазан-Рокем убеждена в необходимости тщательного этнографического исследования использования этих понятий в СМИ (Хазан-Рокем 2003:102). Интересно в этом смысле наблюдение Игоря Плугатарева, который отметил, что, используя ставшие клишированными определения «шахиды», «шахидки», «воины ислама», «черные вдовы», «жертвенный терроризм», журналисты вольно или невольно романтизируют образ боевика-террориста (Плугатарев 2004: 3).

После каждого террористического акта и в случае гибели солдат и полицейских израильские СМИ не только публикуют цифры погибших, но и называют их имена, помещают в газетах их фотографии, берут интервью у родственников и готовят биографические очерки для радио и телевидения. Естественно, эта информация персонифицирует трагедию и усиливает связанные с ней эмоции населения. Одновременно с этим Израиль не использует наиболее кровавые кадры, такие как линчевание солдат и надругательство над телами погибших, в целях анти-арабской пропаганды, чтобы дополнительно не травмировать семьи погибших. Русскоязычные СМИ видят в этом слабость израильской пропаганды и компенсируют «недостаток» визуальной информации словесными описаниями зверств. Не желая скрывать своих чувств «Здесь я не способен понимать, рассуждать, полемизировать – только ненави-

деть» (Балцан 2004), авторы репортажей и комментариев распространяют свое негодование на всех палестинцев – «нам не только не с кем разговаривать, но и некого жалеть. Мы снова и снова платим за наш гуманизм, за добросердечие и сердобольность» – (Ганор 2004).

Не могут не действовать на сознание русскоязычных израильтян и статьи о репатриантах-жертвах терактов и попытки показать, что террористические акты специально нацелены на эмигрантов из СНГ (Мартынова 2003)²³. Сама ситуация конфликта часто интерпретируется с опорой на опыт эмигрантов, приехавших из мусульманских стран бывшего СССР, а также ветеранов вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе и войн в Афганистане и Чечне (Шрайман 2001: 21). Тенденция проводить параллели между конфликтами в странах бывшего СССР, в особенности с событиями и обстановкой в Чечне и ситуацией в Израиле, усилилась за годы интифады (см., например, статьи Бримана: «Палестино-Чеченский конкурс неудачников» 2001; Солганик и Гольдштейн: «Батальон Алия», 2002; Фальков: «Год террора, год надежд» 2004). Этнические стереотипы, сформировавшиеся до эмиграции, не исчезают, а усиливаются под влиянием информации о постсоветских этнических конфликтах и ростом анти-мусульманских настроений в России. Эти стереотипы становятся для иммигрантов концептуальной основой интерпретации событий и поведения людей в принимающем обществе. Мы потому обращаем особое внимание на освещение темы арабо-израильского конфликта в прессе, что по наблюдениям социологов, выходцы из бывшего СССР, несмотря на достаточно высокий образовательный уровень, оказались едва ли не наиболее восприимчивой к всевозможным массовым манипуляциям политтехнологов группой израильского общества. Именно русскоязычные СМИ во многом определяют позицию русскоязычных израильтян по арабо-израильскому конфликту, а, принимая во внимание правый уклон русскоязычной прессы,

правые тенденции, преобладающие среди иммигрантов, нетрудно объяснить (Эпштейн и др. 2004).

Помимо традиционного фольклора, на эмигрантский дискурс по теме арабо-израильских отношений сильное влияние оказывает советская и постсоветская мифология, ядро которой – представления об исторической миссии России и самобытности ее культуры, делающей ее непохожей на весь остальной мир. Российский социолог Дубин выделяет три основных компонента советского мифологического комплекса: миф о западе, миф об угрозе и миф об особом человеке (Дубин 2001: 150). По нашим наблюдениям, все три компонента сохранились в эмигрантском дискурсе. О неоднозначности отношения к западу в СССР, в постсоветской России и у русскоязычных израильтян подробно будет говориться в главе 4. Хотя дискредитация буржуазного запада была одной из главных целей советской пропаганды, результат часто оказывался обратным желаемому (см., например, Шлапентох 1989: 142–145; Гудзенко 2001: 133). Понятие эмиграции из СССР предполагало перемещение на запад, и даже те, кто уезжали в Израиль, надеялись найти на Ближнем Востоке запад в миниатюре (Рубинчик 2002: 212). Как следствие этого, осознание восточного характера Израиля оказалось для многих настоящим ударом и обострило неприятие восточных этносов, будь то бухарские или горские евреи, выходцы из Марокко, и, в особенности, арабы. Необходимо отметить, что тема взаимоотношений с арабами часто возникала в интервью именно тогда, когда наши информанты размышляли о месте Израиля на оси восток–запад.

Второй компонент советской мифологии, миф об угрозе, непосредственно связан с пространством и его размерами. Как справедливо отмечает Каганский, размер – это не только главная категория советского ландшафта; в идеолого-символической сфере все значимые концепты – ценность, героичность, единство, новизна, (псевдо)сакральность – выражались непременно и непосредственно размером (Каганский 2001: 139). Парадоксально, что разме-

ры страны не создавали чувства безопасности, так как советского человека приучали постоянно быть готовым дать отпор внешним и внутренним врагам. Мифология имперской миссии и враждебного окружения была унаследована советской идеологией у царской России 70-х–80-х годов XIX века. (Дубин 2001: 155). Миф о постоянной угрозе отечеству приводил к уверенности в том, что все неурядицы в жизни общества – результат «темных сил», разнообразных и менявшихся со временем «врагов народа» (Бочаров 2001: 71).

В Израиле многие наши соотечественники испытывают страх малого пространства. Это проявляется, например, в читательских письмах в газеты, в которых резко высказывается неприятие территориальных уступок, и в неформальном дискурсе: «... сам Израиль – маленькая европейская страна, со всех сторон зажатая морем варваров. Как государства крестоносцев. Как первые колонии в Америке» (Бурундук, 02.01.2002, дискуссия «Арабы и евреи – заложники политических игр», <http://souz.co.il>). Образ крохотной страны, узкой полоски земли, со всех сторон окруженной враждебными соседями, – частотная метафора израильского дискурса и симптом блокадной ментальности (см. Бар-Таль и Антеби 1992: 251). Подобные мотивы звучат и в аллюзиях на лермонтовское «Бородино», послужившее источником крылатой фразы, приписываемой генералу Панфилову: «Отступить некуда, за нами Москва!» В Израиле этот призыв к защите каждой пяди земли превратился в «Отступить некуда – позади Афула²⁴» (Green A., 13.08.2002, дискуссия «Не будет здесь мира», <http://souz.co.il>) и в «Отступить есть куда – позади Москва» (Бесэдер 38(584) 19.9.2002), высмеивающее тех, кто подумывает вернуться в СНГ.

Третий компонент советской мифологии – миф о советском человеке: это особый тип личности, не имеющий аналогов в мире, по готовности к героизму и самопожертвованию. Уникальность личностных характеристик «простого советского человека» и особая миссия России и СССР, всячески поддерживаемая официальной

идеологией и проявляющаяся в идеологемах, ставших крылатыми выражениями, явилась благодатной почвой для перенесения убежденности в своей исключительности как народа и государства и в условиях иммиграции. Так, в статье «Нам нельзя быть такими, как все» автор утверждает, что «Израиль не может жить в соответствии с нормами, навязанными ему государствами западного образца. Отстаивая самобытность страны, мобилизуя историю и цитируя основателей еврейского государства, он приходит к выводу о том, что Израиль может выжить, преуспеть, достичь мира и процветания, только осознав свою историческую миссию – носителя духовного знания человечества, и только в этом случае у государства появится стратегия, у страны – национальная идея, а у нас с вами – шанс выжить. Хочется верить, что для осознания этого нам не придется пережить вторую Катастрофу» (Манн 2003).

И в российском, и в израильском контекстах миф о собственном величии имеет компенсаторный характер, призванный сплотить и поддержать граждан в период социальной нестабильности и политической напряженности.

Обратим внимание на то, что образ советского человека – героя-освободителя Европы, возобладавший после второй мировой войны, обычно отождествлялся с этническими русскими, а бытовой антисемитизм в послевоенные годы в значительной степени строился на утверждении о том, что евреи – трусы, которые уклонялись от службы в армии и отсиживались в тылу²⁵. В результате, многие советские евреи воспринимали военные победы молодого государства Израиль как доказательство несостоятельности этих клеветнических нападок. Победа в Шестидневной войне за неделю разрушила созданный советской пропагандой образ еврей-труса. Еврей-израильтянин, представленный СМИ как захватчик и свирепый агрессор, показался советским евреям гораздо более привлекательным, чем дореволюционный образ забитого местечкового еврея, или образ жулика и хитреца, бытовавший в советские времена (см. об этом у Нахимовски 1992: 35). Хотя новый

стереотип вызывал тревожное ожидание того, что антисемитизм будет усиливаться, он в то же время служил своеобразной компенсацией за многолетние унижения и социальное неравенство. Эти чувства запечатлелись в анекдотах 70-х–80-х годов. Приведем один пример:

Один еврей, приехавший в Израиль из СССР, читает только советские газеты и категорически отказывается читать израильские. Его спросили:

– Почему вы так относитесь к советской прессе?

– Потому что, когда я читаю здешние газеты, я вижу, что попал в маленькую, окруженную врагами страну, что у нас тут полный развал, что нет внутри никакого согласия и что мы тут все обречены. Когда я читаю советскую прессу, то вижу, что попал в могучую сверхдержаву, подчинившую своему влиянию половину мира и угрожающую его другой половине (1980-е годы).

(Штурман и Тиктин 1987: 536).

Как уже указывалось, среди излюбленных тем израильских СМИ и бытовых разговоров – нееврейский характер иммигрантов 1990-х, иллюстрируемый обилием смешанных браков, отрицательным отношением к религии и приверженностью к языку и культуре страны исхода. Эти факторы выдвигаются как основные причины нежелания «русских» ассимилироваться. Ранее в нежелании ассимилироваться упрекали в основном арабов (Смуха 1988: 206–211). Но в отличие от арабов, выходцы из бывшего СССР не воспринимаются как враждебное меньшинство. С начала интифады Аль-Акса иммигрантское сообщество подчеркивает роль русскоязычных израильтян – и евреев, и неевреев – в защите страны от соседей. Такое видение своей роли также унаследовано из прошлого. Каждый выпускник советской школы, даже забыв даты и факты из учебника истории, наверняка сохранил убежденность в том, что Россия защитила Европу от монголо-татарского

ига, наполеоновского нашествия и коричневой чумы. Сегодня русскоязычные иммигранты видят себя защитниками Израиля от мусульманской угрозы и терроризма. Параллели с Великой Отечественной войной усиливаются благодаря русскоязычным СМИ, которые широко используют аллюзии на советскую военную поэзию, песни и афоризмы той поры в материалах, посвященных событиям в Палестинской автономии и будням израильской армии.

**Мой бедный брат, мой страшный враг:
амбивалентность образа араба**

Изучению стереотипов евреев и арабов в израильском обществе посвящено большое количество работ в области социологии, психологии, антропологии и фольклористики (см., например, Бар-Ицхак 1998; Рабиновиц 1997; Смуха 1988; Стайнберг и Бар-Он 2002; Цемах 1980 и т.д.). Исследования проводились с привлечением как количественных, так и качественных методов, большей частью в формальной обстановке. Так, фольклорист и педагог Маркус применил комбинацию обоих подходов (Маркус 1977). Психологи Махамид и Готтман, изучая гетеро- и авто-стереотипы арабских и еврейских подростков, обучающихся в одной школе, использовали вопросники с множественным выбором и классифицировали отношение к себе и другому на основе 23 личностных категорий (Махамид и Готтман 1983). Маоз исследовала структуру межгрупповых отношений во время дискуссий арабских и еврейских учителей по политическим и профессиональным вопросам. Эти встречи регулярно проводились с 1983 по 1993 гг. под эгидой института социальных исследований им. Ван Лиры в Иерусалиме в рамках программы, направленной на расширение контактов и улучшение взаимопонимания между еврейской и арабской интеллигенцией (Маоз 2000). В отличие от количественных исследований, показавших отношение к другой группе лишь в рамках категорий, выбранных исследователями, Маоз позволяет читателю ознакомиться со спонтанными высказываниями участников, прозвуч-

чавшими в ходе дискуссий, не выходящих, однако, за рамки публичного дискурса благодаря самому контексту ситуации общения.

Отношение эмигрантов из бывшего СССР к арабским гражданам Израиля и к палестинцам, жителям автономии, затрагивается Аль-Хаджем и Лэшемом (2000), Кенигштейном (2000) и Фельдманом (2003), но и они опираются на данные опросов и структурированных интервью. В этом контексте особо отметим проведенное израильскими социологами в 1996 г. исследование с целью представить ценностные ориентации и установки «русских» израильтян, зафиксировать их обыденное сознание, язык и стереотипы. Методом простой случайной выборки было опрошено около 1200 человек. В качестве методологической основы был использован этнометодологический подход Гарольда Гарфинкеля, в соответствии с которым вербальные, т.е. высказываемые людьми, определения и интерпретации реальности можно рассматривать как уникальный феномен обыденного сознания. Вот как представлено в высказываниях опрошенных отношение к арабам:

1. Арабы – угроза Израилю, всем евреям (21% ответов): арабы – это война, террор, ненависть и страх.

2. Арабы – плохие люди (13% ответов): арабы – антисемиты, агрессивные и воинственные, опасные и беспощадные.

3. Арабы – наши соседи, возможные партнеры и друзья (13% ответов): арабы еще долго не будут друзьями, но могут не быть врагами.

4. Арабы – обычные, нормальные, разные люди (8% ответов): среди них есть хорошие и плохие, богатые и бедные, дружелюбные и агрессивные, террористы и мирные жители, наши враги и сторонники.

5. Арабы – хорошие люди (6% ответов): арабы – те же евреи, братья евреев. (Кенигштейн 2000: 11–12). Как видим, ответы респондентов, коснувшихся темы отношения к арабам, представляют

весь спектр мнений, при этом существенно преобладает отрицательная оценка.

Интересующий нас дискурс неформального общения анализировался в книге антрополога Дана Рабиновича (1997), посвященной Верхнему Назарету и в более ранних работах американского журналиста Дэвида Шиплера (1986), а также американского политолога египетского происхождения Саны Хасан (1986). В две последние книги включено большое количество личных рассказов, в которых звучат голоса израильтян-старожилов, арабов и иммигрантов, покинувших СССР в 70-е годы. Более чем десятилетие отделяет полевую работу этих авторов от нашей, и сопоставление рассказов позволяет увидеть стабильность образа араба в сознании израильтян.

В предыдущих разделах мы показали, что отрицательные стереотипы, формирующие образ другого этноса, во многом воспроизводят фольклорную традицию, часто нерациональны и оторваны от житейского опыта наших современников. В авторитетном исследовании природы возникновения предрассудков психолог Альпорт утверждает, что в процессе формирования категорий нам не свойственно делить их на рациональные и нерациональные: и те, и другие возникают в сознании человека с одинаковой легкостью (Альпорт 1979: 22). Это положение получает подтверждение в нашем материале. Никто из наших информантов не встречался с арабами до эмиграции; более того, у многих не было личных контактов с ними и в Израиле. И, несмотря на это, отрицательный стереотип арабов в дискурсе эмигрантов из СССР возник очень быстро и стабилизировался в условиях эскалации конфликта. Этот стереотип отчасти питается отрицательным отношением к востоку, сформированным до эмиграции, и отчасти анти-арабскими настроениями, звучащими в официальном и неофициальном израильском дискурсе, и как уже было указано, в русскоязычных СМИ. В отличие от выходцев из СССР, евреи из Марокко, Сирии, Ирака

и Йемена жили бок о бок с арабами, и в их традиционном фольклоре в качестве чужаков выступают арабы. Рассказы евреев, эмигрировавших в Израиль из арабских стран, были проанализированы и классифицированы в диссертации фольклориста Элизаера Маркуса (1977). Собранный Маркусом материал дает представление о личностных и групповых стереотипах арабов, сформированных в сознании евреев, выходцев из арабских стран. В отличие от фольклора европейских евреев, фольклор евреев из арабских стран изображает не только победу евреев над неевреями, но и акцентирует элемент наказания: враги и обидчики евреев в большинстве рассказов караются смертью.

В фольклоре советских евреев арабы появились сравнительно недавно – в анекдотах 1960-х годов как реакция на шестидневную войну, а позднее на войны Судного дня и войну в Ливане. Многие анекдоты строятся на том, что показывают трусость, некомпетентность и глупость арабов, противопоставляемых победителям-израильтянам. Темой других стала военная и экономическая помощь СССР арабским странам и осмеяние советских стратегических ошибок в выборе политических союзников (см. Штурман и Тиктин 1987: 528–538; Евплов: 2000). Таким образом, арабы вошли в фольклор советских евреев как враждебные чужаки, несмотря на полное отсутствие контактов, а часто и незнание их истории и культуры.

В социальной психологии не существует единства мнений по поводу роли личных контактов в формировании групповых стереотипов. По мнению Адорно, стереотипы упрощают взгляд на мир. Они возникают с опорой на подсознание, а образуемые в результате искажения не ликвидируются реальным взглядом на реальный мир с его сложностями и противоречиями. Напротив, сам жизненный опыт воспринимается и оценивается в рамках существующих стереотипов (Адорно 1950: 617). В то время, как подобно Адорно, некоторые исследователи считают стереотипы жесткими образованиями, не корригирующимися под влиянием изменившей-

ся ситуации, другие утверждают, что личный опыт может привести к изменению гетеростереотипов (см., например, Хогг и Абрамс 1988: 87; Оукс и др. 1999: 71–72; Таджфель 1981: 238). К противоречащим друг другу результатам приходят и исследователи, рассматривающие эту проблему на примерах отдельных групп. Так, Г. Денисова показала, что народы, живущие далеко друг от друга и не имеющие контактов, сформировали положительный образ друг друга, в то время, как отрицательные стереотипы возникали у активно взаимодействующих народов (Денисова 2000: 207). Уже упомянутые ранее Махамид и Готтман в начале исследования, проведенного среди еврейских и арабских учеников израильской школы, предполагали, что усиление личных контактов испытуемых приведет к ослаблению отрицательного стереотипа арабов. Однако эта гипотеза в их случае не подтвердилась (Махамид и Готтман 1983: 95, 97).

Наш материал показывает, что отсутствие контактов, а еще более отсутствие достоверных фактов об истории и культуре арабов, привело к образованию иррациональных отрицательных стереотипов. По словам многих информантов, до приезда в Израиль их знания об арабах ограничивались информацией, почерпнутой из советских СМИ. В интерпретации арабо-израильского конфликта симпатии советской прессы неизменно были на стороне арабских государств, а израильтяне представляли агрессорами и захватчиками. В результате такой интерпретации событий в представлении советских евреев арабы, «друзья СССР», не только представляли угрозу существованию еврейского государства, но и косвенно были виновны в росте антисемитизма в СССР. До эмиграции все наши информанты знали об арабо-израильском конфликте, но далеко не все знали об арабских гражданах Израиля, составляющих приблизительно одну шестую населения страны. Проиллюстрируем это тремя отрывками из интервью:

Лаура М., 55

Интервьюер: А что вы знали об Израиле?

Лаура: Ничего.

Интервьюер: До отъезда?

Интервьюер: НИ-ЧЕ-ГО. И вообще это трудно сейчас понять и представить себе. Вплоть до курьёза. Значит, ходило по рукам рукописное сочинение о том, как один путешествовал здесь, в Израиле. Вот он разговаривал с арабами. И, когда я читала, у меня волосы дыбом становились. Как же это он разговаривал с арабами? То есть тот минимум, который был известен, что арабы – это смерть.

Юлия Н., 63

Юлия: Ну, так я считаю, что, в общем, все нормально. Был бы мир на этой земле.

Интервьюер: А скажите, Вам с арабами приходилось сталкиваться?

Юлия: Никогда. Я их панически боюсь.

Интервьюер: Вы же с ними не сталкивались, что же вы их боитесь?

Юлия: Вот они в парке у нас гуляют. Вы знаете, я не знаю почему, но у них какие-то агрессивные лица. Мне так кажется. Не знаю.

Интервьюер: Они вас обижали?

Юлия: Нет, нет, никогда. Я даже двух слов с ними не сказала. Я, вы знаете, иной... Первое время я не умела даже различать. Но теперь по одежде, по облику я уже иной раз понимаю, что это араб. Вот они приезжают к нам в парк сюда, здесь гуляют. Но я иной раз смотрю, мне кажется... или, может быть, это уже предвзятое какое-то, вот именно наслоение. Мне кажется, что у них агрессивные лица. Возможно, я заблуждаюсь.

Юлия М., 70

Юлия: Так что я считаю, что Израиль – это более европейская страна среди арабов.

Интервьюер: С арабами вы не сталкивались?

Юлия: Нет, мы не сталкивались с арабами. Наши столкновения даже с...

Интервьюер: Я имею в виду «сталкивались» – просто встречались, в этом смысле.

Юлия: А, нет, нет. И не встречались. У нас (*пауза*) в Рамат-Гане, когда мы жили, практически, их и не было. Вот в Хайфе ещё там есть, но там культурные арабы, мне кажется. Я не знаю... Я знаю, что некоторые...

Интервьюер: Вы знаете, как и все есть. Как и евреи. Есть культурные, а есть некультурные (наложение голосов).

Юлия: Ну вот, но всё равно, видите, вот, когда слушаешь последнее, эту неделю, что случилось, то очень жалко, что это пятая колонна...

Интервьюер: Пятая колонна? Вы имеете в виду...

Юлия: В Израиле. Арабы всё-таки пятая колонна. Они сразу поддержали Арафата, палестинцев. Все. Это, в общем, единственное, что, это (*пауза*). К Израилю я привыкла и довольна, что мои дети считают это (*пауза*) своей страной. Например, моя внучка, когда я предлагала, ну, их семье уехать, она сказала, что: «Израиль – самая лучшая страна». Она не хочет никуда ехать. Вот. Так что э... Но..., но жить здесь очень опасно. К СОЖАЛЕНИЮ. К сожалению. Будем надеяться, что здесь будет лучше. Понимаете, когда мы ехали, вот, мы этого не знали и об этом не думали.

Интервьюер: Не думали?

Юлия: Нет. Нет.

Интервьюер: Несмотря на советскую прессу?

Юлия: Несмотря на советскую прессу. Но вы знаете, как доверяли советской прессе? (*обе смеются*). Понимаете, если сионизм – это был наш враг...

Важно отметить, что обе Юлии – пенсионерки, а значит, возможность интеграции в израильское общество у них минимальна. Они не владеют ивритом, их личные контакты и источники информации не выходят за рамки русскоязычной общины. В отличие от них, Лаура работает с израильтянами-старожилами и живет в го-

роде с большим арабским населением. Очевидно, что она преодолела свой первоначальный страх и относится к нему с самоиронией. Интервью с Юлией Н. и Юлией М. проходили в самом начале интифады, когда антиарабские настроения в стране стали усиливаться. Как видим, Юлия Н. не в состоянии рационально объяснить свое отрицательное отношение к арабам. В отсутствие личных контактов она опирается на фоновую информацию из газет и частных разговоров и боится даже случайных встреч с арабами, так как ожидает проявлений враждебности. В такой ситуации ей важно уметь опознать «врага». Как мы уже указывали, именно фенотип является для наших информантов критерием выделения «чужаков». Ненадежность критерия и вызванные этим ошибки еще больше усиливают неуверенность и тревожность новых репатриантов. Юлия убеждена, что все разделяют ее страхи, и попытка интервьюера разобраться, чем они вызваны, озадачивает ее. Натолкнувшись на такие вопросы, она начинает сомневаться в надежности своих представлений и готова признать, что идет на поводу у разыгравшегося воображения.

Юлия М. также убеждена во враждебности арабов. Интересно, что в контексте беседы, Юлия сразу же предположила, что многозначный глагол «столкнуться» употреблен в значении «вступить в конфликт, во враждебные отношения». Она показала это жестами, и интервьюеру пришлось уточнить, что имеется в виду всего лишь нейтральное значение «встретиться, познакомиться». В представлении Юлии Израиль – это, прежде всего, осажденная страна, постоянно подвергающаяся опасности со стороны внешних и внутренних врагов. Арабских граждан Израиля она считает предателями. Напомним, что это все тот же синдром поиска внутреннего врага, импортированный из советской жизни. Пятой колонной называли в СССР и евреев, и немцев, и крымских татар, и другие меньшинства. Причем во времена сталинских репрессий навешивание этого ярлыка имело ритуальный характер, так как за ним часто следовало выселение народа в отдаленные районы Сибири и

Средней Азии. Юлия одна из многих, использующих это определение в адрес израильских арабов; он звучит и в русскоязычной прессе, и в неформальном дискурсе.

В записанных нами рассказах контакты с арабами происходят в рамках трех ситуаций:

- Случайные встречи в общественных местах
- Контакты с соседями
- Контакты по работе

По результатам социологических опросов и по данным антропологов, израильтяне–евреи не любят селиться в тех же районах, что и арабы, причем выходцы из СНГ особенно непреклонны в своем стремлении держать дистанцию (см. Аль-Хадж и Лешем 2000: 39; Рабиновиц 1997: 8; Смуха 1988: 191–192). Однако, социально-экономическое положение многих иммигрантов не позволяет им выбирать район проживания по своему вкусу, и они зачастую оказываются соседями восточных евреев и арабов. В первом случае соседство считается неприятным, а во втором – еще и опасным.

Особенно резкие высказывания об арабах прозвучали во время нашей полевой работы в Верхнем Назарете и Акко, где еврейские и арабские районы тесно соприкасаются. Верхний Назарет начал застраиваться в 50-е годы прошлого столетия для расселения эмигрантов из Польши. Вслед за этим, в 60-е годы там разместили приехавших из Северной Африки. Это было частью проекта освоения евреями Галилеи, где до этого преобладало арабское население (Рабиновиц 1997: 6–7). По мере того, как молодой город отстраивался и появлялись новые промышленные предприятия, арабы из Назарета все чаще стали искать там работу и покупать квартиры. Но интеграция проходила непросто. Пришельцам ясно давали понять, что их присутствие нежелательно. С настороженностью относились к «проникновению на чужую территорию» и арабы, остающиеся в Назарете (о сложных отношениях взрослых

и о часто непримиримой межэтнической детской вражде в Верхнем Назарете подробно рассказал Шиплер 1986: 278–288).

В 1990-е годы Верхний Назарет разрастается снова, на сей раз за счет выходцев из бывшего СССР. С тем, чтобы привлечь новых израильтян в города развития, одним из которых считается и Верхний Назарет, государство предоставило иммигрантам льготы на покупку жилья, недоступные в других районах страны (Гонен 1998: 252–253). Немаловажно и то, что здесь легче получить недорогое «социальное жилье», предоставляемое малоимущим семьям. Изменился не только внешний, но и языковой облик города: на улицах стала доминировать русская речь, появилось обилие русских вывесок. До начала интифады Аль-Акса русскоязычные жители города часто посещали магазины «нижнего» Назарета, приглашали на прогулки по христианским местам своих гостей из СНГ и других городов Израиля. Обострение конфликта, в котором арабские граждане Израиля оказались в болезненной ситуации выбора между лояльностью к государству или к своим соплеменникам из Палестинской автономии, изменило социальный пейзаж и разделило город символической границей, пересечение которой представляется многим жителям Верхнего Назарета опасным²⁶. Проиллюстрируем это примерами из интервью.

Екатерина С., 61

Екатерина: ...честно говоря, мне не нравится, что в нашем городе сейчас очень много появилось арабов, постоянных жителей.

Интервьюер: А чем вам это не нравится?

Екатерина: Ну, во-первых, во-первых, я поняла, недавно где-то я прочла или услышала по радио, что выходцы из России, СССР, СНГ в массе своей шовинисты.

Интервьюер: Вы это слышали в русской программе?

Екатерина: Да, в русской, конечно. И мне кажется, что это справедливо. Я это в себе ощущаю. Я не могу спокойно наблюдать арабизацию нашего города. Во-первых, может быть еще потому, что там мы все-таки натерпелись за свое

еврейство (неразборчиво). И какие-то... я, когда я приехала, почувствовала, расслабилась здесь. Какие здесь ни другие евреи, все-таки это евреи, и я себя чувствовала среди своих. Появление арабов уже меняет вот это состояние. Три года я бываю в парке с ребенком. И наблюдаю: когда появляются семьи, арабские семьи с детьми, или привозят автобус школьников арабских... Это нередко, привозят большой автобус или два автобуса больших. Набегает арабская детвора. Наши все – няни, бабушки, мамы – жмутся, жмутся, жмутся, и со своими детьми уходят с площадок, уступают территорию арабским детям и тем, кто с ними. Они себя чувствуют совершенно свободно и спокойно. Они располагаются, они начинают, там, зелень чистить, готовить что-то, кормить детей, дети на всех этих площадках. А мы начинаем искать уголок, где мы можем спокойно с детьми посидеть. Что это? Мы не чувствуем себя хозяевами в собственном городе. Это настолько в нас сидит! Правда, я должна сказать, что, в основном, в парке бывают все-таки выходцы из России, ну, не из России, из СССР. Коренные израильтяне бывают там, но это не так регулярно и не так часто, как наши. И вот в нас этот страх перед чужим, по-видимому, укоренился. И арабы для нас – чужие.

Интервьюер: Может быть, это еще от того, что ребята – шумные и это все больше...

Екатерина: Наши дети тоже шумные.

Интервьюер: Тоже шумные?

Екатерина: Ну, это же дети, которые тоже родились здесь. И под этим натиском наши дети отступают.

Интервьюер: То есть не только взрослые, но и дети?

Екатерина: Хотя, хотя, так говорят, что дети у них, вроде, тоже воспитанные. Между прочим, они очень даже стремятся к нашим детям. Часто за щечку хватают, заговаривают. Правда, многие там маленькие, они иврита не знают обычно.

Интервьюер: Не знают иврита...

Екатерина: Арабские дети.

Интервьюер: Арабские дети.

Екатерина: Арабские дети. И они...

Интервьюер: А русские?

Екатерина: Ну, русские есть разного возраста дети. Есть такие, которые уже немножко (неразборчиво). Много ли нужно, если он там подошел, предположим, сказал, что ты приятный ребенок и взял тебя за щечку. Ну, они говорят на арабском, предположим, но главное – они ведут себя. И... то есть не агрессивно, скорее наоборот. Но наши дети все равно жмутся к взрослым.

Противоречия, звучащие в этом отрывке, можно найти во многих интервью. С одной стороны, Екатерина готова признать собственный шовинизм, с другой стороны, она находит ему оправдание в том, что в диаспоре евреям пришлось страдать от антисемитизма (еще один пример использования формулы «Мне бы не следовало так говорить, но...», обсуждавшейся ранее в этой главе). Право ставить в положение жертвы другого как компенсация за перенесенные страдания и лишения часто появляется в дискурсе об отношениях между евреями и арабами. Вот как пародирует такую позицию публицист Александр Этерман, выступающий против попыток узаконить строительство населенных пунктов, в которых разрешено проживание одних лишь евреев: «Мы не расисты. Расисты не мы. Расизм – это когда бьют еврея. Когда еврей бьет своего соседа – это лишь возврат долга. Восстановление справедливости» (Этерман 2002: 10). Перефразирование лозунга советских лет: «Мы не рабы. Рабы не мы!» ставит в один ряд рабское и расистское в психологии.

Для нашей информантки Екатерины арабы – не единственные чужаки в Израиле. Недолгоблывает она и евреев, выходцев из восточных стран, но готова сосуществовать с ними, так как они, хоть и другие по духу, свои по крови. В арабах же она видит не только носителей чуждой ей культуры, но и прямую угрозу жизни, а потому не готова смириться с их соседством. Желание жить в моноэтничном окружении – еще один признак блокадного синдрома, про-

являющегося в поведении иммигрантов. Екатерина исключает возможность равенства между евреями и арабами. Она настолько привыкла к неравенству этнических групп в СССР, что убеждена в том, что титульная национальность должна быть привилегированной группой в полиэтническом обществе, а, значит, «хозяевами» в Израиле должны быть евреи. Как и другие наши информанты, Екатерина убеждена в том, что право на землю принадлежит в Израиле евреям как представителям коренного этноса. Наши наблюдения совпадают с выводами израильского историка Дмитрия Шумского. Он отмечает, что советские евреи усвоили и восприняли советскую идею о врожденной этнической принадлежности и о врожденном праве коренного этноса на землю, равно как и представление о дискриминационном положении национальных меньшинств. Заметили они и сходство советской и израильской национальной политики. Претендуя на роль элитарной группы среди еврейского большинства, мигранты изначально отрицают права арабов на получение полных гражданских прав (Шумский 2001). О том, что идея приоритета этничности над гражданством была сформирована в сознании советских евреев в СССР и еще глубже утвердилась в Израиле, пишут также социологи Рывкина (1996: 160–163) и Смуха (1988). В межэтнических конфликтах часто встает вопрос о том, что определяет право народа на землю. Хасан приводит слова израильского политика Геулы Коэн: «У той горстки арабов, которые проживали здесь, прав на Палестину ничуть не больше, чем у польских евреев на Польшу» (Хасан 1986: 267). Та же позиция лежит в основе лозунга ксенофобов всех мастей «Россия для русских», а также в криках антисемитов: «Евреи, убирайтесь в свой Израиль», которые часто можно было слышать в уличных перебранках, надолго запомнившихся нашим информантам. А сегодня в неофициальном дискурсе русскоязычных израильтян нередко звучат призывы «очистить» Израиль от арабов, навсегда выслав их в Сирию, Иорданию и другие страны арабского мира²⁷.

Подобно другим информантам, Екатерина подозрительно относится ко всему, что делают арабы. Можно ли представить себе более мирную картину, чем играющие в парке дети? Но даже в раскованности и приветливости арабских детей Екатерине чудится опасность и угроза. Описывая встречи с арабами, она использует военную терминологию: «наступление, отступить под натиском, уступить территорию», и т.д. Отметим, что и в публичном дискурсе об арабо-израильских отношениях преобладают военные метафоры и метафоры болезни (см. также Рабиновиц 1997: 59–60).

Нина К., 60+

Интервьюер: А то, что вот вы живете в Нацерете, здесь рядом сосуществуют две культуры: еврейская и арабская христианская. Какое у вас вообще отношение, вот, к нашим согражданам?

Нина: К нашим согражданам? К нашим двоюродным, да?

Интервьюер: Да, к нашим согражданам, говорящим по-арабски.

Нина: Говорящим по-арабски. Ну, что я могу сказать в этом плане? Ну, я не знаю. Э-э просто я получила интернациональное образование. Были бы они ко мне хорошоотно... то есть я к ним отношусь нормально, а э-э просто немножко, как э-э сказать, э-э иногда возникают некоторые неприятности. Если мой сосед напротив, держащий лавку, мне говорит: «Так ты вот не у меня покупаешь, а вот, когда (пауза) Хамас придет, кто тебя будет защищать? Я тебя защищать не буду». Вот. Так что приблизительно так. Это, знаете, пока это носит такой юмористический характер. Конечно, когда я задумываюсь о том, что э-э вот я здесь живу. В принципе, я б не хотела, чтоб мои дети жили здесь.

Интервьюер: Нет?

Нина: Нет.

Интервьюер: А почему?

Нина: Ну, э-э. А почему? Я просто не знаю, какова судьба будет нашего города. Не окажемся ли мы вообще отрезанными от (пауза) всей страны в какой-нибудь один мо-

мент. Но я так просчитала, что на мою жизнь мне хватит, а уже за детей — я не знаю, как будет с нашим *Нацрат-Илитом*, потому что сейчас ведь многие арабы перебираются к нам, но это, в основном, конечно, христиане, вероятно. Потому что они уже начинают как-то и потом вот эта история. Там ведь действительно э-э с построением э-э, с постройкой мечети рядом с христианским храмом. Это мне кажется тоже вот (*пауза*) не совсем приятная вещь. Правда, по этому поводу есть разные точки зрения.

Хотя Нина и не столь агрессивна, как другие информанты из Верхнего Назарета, она также отказывает арабам в праве быть равными с евреями. Обратим внимание на то, как удивило ее, что интервьюер назвал их «нашими согражданами». Манера переспрашивать, повторяя последние слова интервьюера, использовалась Ниной как стратегия, позволяющая оттянуть время и собраться с мыслями для ответа. В данном случае она не только переспрашивает, но уточняет, кто имеется в виду под согражданами, чтобы не попасть впросак. При этом она называет арабов «нашими двоюродными». Это библейская аллюзия, объясняющая происхождение арабов (Генезис: 16), часто с иронией используется в израильском дискурсе.

Примечательно, что еще сравнительно недавно, в середине 1980-х годов, далеко не все израильтяне знали о том, что арабы, живущие в Израиле, имеют израильское гражданство²⁸. Как и Екатерина С., Нина признает, что ее отношение к арабам отдает шовинизмом. Она мотивирует свое желание изолировать арабов страхом за жизнь детей и внуков. Особенно волнует ее приток арабов-мусульман в Назарет. В целом, отношение наших информантов к арабам-христианам было лучше, чем к арабам-мусульманам, так как христианство ассоциируется с европейской культурой, а арабы-христиане считаются более «цивилизованной» и мирной группой. Только те, кто выросли в мусульманских республиках Кавказа и Средней Азии, не высказывали такого пред-

почтения. Нина боится оказаться в городе, отрезанном от остальной страны, где евреи, а не арабы будут в меньшинстве (см. дискуссию на эту тему в книге Рабиновица 1997: 33). Несмотря на свои страхи, Нина не может не заметить юмористическую сторону в целом мрачной ситуации. Как и другие арабы, занятые в сфере обслуживания, ее сосед, владелец магазина, страдает от недостатка клиентов, наступившего после начала интифады. Скорей всего он прав, и дело не только в наступившем экономическом упадке, но и в том, что его лавку намеренно избегают. Поэтому, чтобы привлечь клиентов, он пытается обещать им защиту от хамасовских боевиков, если они сохранят верность его магазину.

До начала интифады, не соблюдающие еврейскую традицию израильтяне часто навещали в арабские торговые кварталы, особенно во вторую половину дня в пятницу и в субботу, когда большая часть магазинов и ресторанов в еврейском секторе закрыты. За последние годы эти кварталы заметно опустели. Надо отметить, что это оказалось на руку развивающейся сети «русских» магазинов, в которых именно в выходные дни чаще, чем на протяжении рабочей недели, слышна ивритская речь. Бойкот арабских предприятий, как средство задушить непокорное меньшинство, обсуждался на интернет-форумах:

Считайте, что Вам, Е., дано, партийное задание. Объяснять это всем и каждому и самому стараться так поступать. НИКОГДА, даже когда наступит мир, НЕ ПОКУПАТЬ У АРАБА НИЧЕГО! Ни веревочки, ни ленточки. Даже не обязательно обливать их презрением, не говорить им ничего, чтобы у него не было повода для ответной реакции. БОЙКОТ! Зашел в магазин, увидел араба продавца – тебя не интересует – его это магазин или его хозяин взял его на работу. Повернулся и вышел, рядом другой магазин наверняка есть. Даже если хозяин этого не видит, неважно, через неделю его касса ему расскажет. Остановил маршрутку – *монит* (иврит, «такси»), сначала посмотри – есть внутри араб, Даже если водитель еврей, вы отказываетесь входить – по-

езжай, я пять минут еще постою. Через неделю водители сами перестанут сажать арабов, они просто не будут останавливаться. Научите своих близких тому же самому. Научите своих детей – не бить арабов, а просто держаться от них подальше. Зашел араб на дискотеку – сразу вокруг него – мертвая зона. А вдруг он камикадзе? Мы не хотим идти на минимальные неудобства – пройти лишние 100 метров, подождать лишние пять минут. Посидите полчаса, вспомните, ЧТО ВЫ ЕЩЕ МОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ САМИ, не беря в руки автомат? И вы наверняка придумаете. С уважением Холмс. (03.06.2001, дискуссия «Русская молодежь в Израиле – взрыв на дискотеке», www.souz.co.il)

Это сообщение появилось в дискуссии, развернувшейся в интернете сразу же после террористического акта в дискотеке Дольфинариум на набережной в Тель-Авиве. Взрыв унес жизни 22 подростков, и все они, за исключением одной девушки, были выходцами из СНГ. Эта трагедия оказалась переломной в отношении русскоязычных израильтян к арабам. В газетах появились сообщения о том, что накануне взрыва террорист, проникший в Израиль с территории автономии, прятался в мечети и поэтому гнев обратился не только против самого террориста-самоубийцы, но и против его пособников. В отличие от многих других «Холмс» не призывает к ответному кровопролитию, но предлагаемые им меры списаны с политики сегрегации, ранее проводившейся в США, ЮАР и Южной Родезии и всегда осуждавшейся в советской печати. То, что воспринималось как расизм в поведении другого, становится чуть ли не гуманностью по отношению к «врагу», когда затрагиваются собственные интересы. Причем гнев против одной личности распространяется на всю группу. Обратим внимание на употребляемое без иронии советское идеологическое клише: «вам дано партийное задание» – еще один пример переработки в новых условиях ранее усвоенных фразеологических единиц (см. также Еленевская 2004).

Симона К., 23 ИАФР 22152

Интервьюер: А с арабами, вот отношение к арабам за это время?

Симона: Отрицательное просто.

Интервьюер: Отрицательное?

Симона: Из-за армии. Просто я работала в армии социальным работником, можно так сказать. Мы работали с семьями, в которых погибли кто-то, мы им давали условия там, например, для следующих сыновей, служащих в армии, мы там им помогали. Я видела всю эту боль в семьях, я видела все это. Я при всем моем желании, мне на работе, я работаю в ресторане официанткой, мне на работе...

Интервьюер: Вы учитесь на вторую степень и работаете?

Симона: Да, я уже два года, и чем искать другой ресторан или быть какой-то секретаршей, а там я уже все знаю, я уже, я комментирую, когда я буду работать, что. Так вот, там прекрасных два человека, арабы, и дай бог, чтоб все евреи такие были, но...

Интервьюер: Мусульмане?

Симона: Один – мусульманин, другой – христианин. Но в общей массе, не то, что, я не могу сказать, что я их ненавижу. У меня нет какого-то активного к ним чувства. Я хочу, чтобы они жили отдельно, чтобы мои пути с ихними не пересекались. То есть, если бы мне дали выбирать, где жить, например, в Акко, или в том районе, где абсолютно нет арабов, и только это, ни хуже, ни лучше, ничего другого, только вот населенность арабов, я бы выбрала там, где их нет вообще.

Интервьюер: То есть вам мешает их пребывание в Акко рядом с Вами?

Симона: Вы знаете, активно я не могу сказать, что мне мешает, что в соседнем доме живет араб, пусть себе живет. Но когда что-то случается, на уровне драки, там, порезали ножом кого-то, вы знаете, в Акко криминал, в общем-то, да там такие же марокканцы живут, я не знаю, первое, о чем я

думаю, это арабы. Не знаю, когда я вот вижу по телевизору, кто-то погиб, у меня с новой силой все это вот. Вот был день поминаения, и мы ехали в такси. Была сирена, 11 часов дня. И какой-то араб продолжал идти по улице. Все встали, мы вышли из такси, стояли, а он продолжал идти по обочине. То есть возненавидела активно, то есть мне в тот момент захотелось отпрыгнуть и дать по башке просто этому сволочи, гаду, потому что я лично знаю тех людей, которые погибли.

Интервьюер: А вы уверены, что он араб? *(длительная пауза)* Может быть, он не араб? *(пауза)* Откуда у вас уверенность? Я много раз видела людей, которые выглядели, как арабы, а они оказывались русскими или из Азербайджана. Откуда у вас такая уверенность, что он араб?

Симона: Я не знаю, опять же, видите, что это подсознательно. (...) Я вам говорю, что у меня подсознательно, может быть, что только араб может идти.

Вопреки своей воле Симона вынуждена часто вступать в контакты с арабами. Их много среди ее соучеников в университете, сослуживцев и соседей. Тяжелая миссия сообщать родственникам погибших солдат о постигшей их потере травмировала девушку и определила ее отношение к арабам как носителям смерти. Историк по образованию, она понимает, что огульное осуждение всей группы – признак ксенофобии. Поэтому и делает оговорку, признавая, что встречала «хороших людей» среди арабов-сослуживцев. И тут же уточняет, что это не более чем исключение. Такой подход напоминает позицию антисемитов, часто высмеивавшуюся советскими евреями: у каждого антисемита есть друг-еврей, но он составляет исключение, лишь подтверждающее правило. Как и многие израильтяне, Симона хочет полного отделения от арабов, плохих и хороших. Интервью с ней проводилось до начала строительства в Израиле стены, отделяющей страну от палестинцев. Симона хочет разделения и в пределах Израиля, в частности, в городе,

где она живет. Даже если эта граница эфемерна, она становится для нее важнейшим критерием оценки качества жизни в городе.

Поделив общество на плохих и хороших, Симона ожидает, что все представители многочисленных этнических групп будут поступать в соответствии с предписанной им ролью: «русские» образованны и с ними интересно; израильтян-старожилов можно терпеть, если они уважают «наши» ценности, например, интересуются русской культурой; «марокканцы» – возмутители спокойствия, но подлинное зло исходит от арабов. Любое отклонение от этой схемы усложняет и без того непростой мир, поэтому ей хочется думать, что арабы всегда неправы.

Эпизод, произошедший в День Поминовения, выбран ею неслучайно. Газеты сообщали о случаях, когда израильские арабы игнорировали минуту молчания. Так же, как когда-то в СССР, а теперь в России, в Израиле глубоко чтят память павших солдат. В этот день в школах, университетах и на городских площадях проводятся траурные митинги, а в 10 утра звучит сирена, оповещающая о минуте молчания. В этот момент замирает вся страна, и на улицах останавливается движение. Нарушение ритуала – явление чрезвычайно редкое, воспринимаемое как неуважение к базовым ценностям общества.

Поведение незнакомца становится для рассказчицы единственным критерием определения его этнической принадлежности. Как и многие другие информанты, Симона не сомневается, что интервьюер полностью разделяет ее возмущение, и, когда под сомнение ставится идентичность нарушителя традиции, она смущена и озадачена. Вопрос интервьюера вызвал растерянность, проявившуюся и на вербальном, и на невербальном уровне. Показательна стилистическая и эмоциональная маркированность данного рассказа. Грамотная речь нарушается, нейтральная лексика сменяется сниженной, вплоть до употребления просторечия «дать по башке» и оскорбительных характеристик «гад», «сволочь». Глаголы «отпрыгнуть», «возненавидеть» указывают на интенсивность

эмоций. Привычно опасаясь стать жертвой насилия, Симона сама готова к агрессии.

Как уже указывалось ранее, страх и настороженность преобладают у наших информантов даже во время мирных встреч с арабами.

Игорь К., 59 (ИАФР 22056)

Интервьюер: У тебя бывают какие-то контакты с арабами?

Игорь: *(смеется)* Ну, история, значит. Один контакт. Приехала моя сестра. Родная сестра из Америки. Она преподает английский там. И у нее группа арабов. И какой-то Ахмет или кто-то ей, ее очень просил, что, когда она будет в Израиле, чтобы она подошла, чтобы она подошла к арабу и пожала ему руку. Я говорю: «Юль, иди ты на фиг», – говорю. Она говорит: «Нет, я так не могу. Я Ахмету или кому, обещала. Дай мне араба, чтобы я ему пожала руку». Ну, елки-палки, я э-э. Мы ехали по дороге. Вдруг она э-э, в сторону Кармиеля мы ехали. Есть такое боковое шоссе, оно проходит через арабские поля. Они там продают, магазинчики. Заехали в самый э-э какой-то арабского типа магазин. Ну, значит, я прихожу. Я говорю: «Вот, – это явный араб». Моя Юлька, значит, подходит. Ну, вот тоже по-английски она говорит, что так и так: «Я преподаю в группе арабских студентов, и вот там Ахмет такой-то просил меня пожать руку». И тянет ему руку. Этот ошолбенел. Он не знает, что делать. Я говорю: «Юлька, пойдем отсюда. Убьют и все». Ну, потом вышел какой-то мужик, пожал ей руку. Я ее взял, и мы уехали. Все, у меня больше контактов нету. И то это было через сестру. В институте ни одного.

Этот эпизод показывает влияние вторичной социализации на сознание эмигрантов, вследствие которой брат и сестра, израильтянин и американка, демонстрируют разное отношение к арабам. Юлия привыкла к контактам с ними по работе и во время визита в Израиль ожидала такого же дружелюбия. Мы не знаем, была ли

она всего лишь связана обещанием, данным студенту-арабу, или рукопожатие было и для нее самой жестом солидарности. Игорь, со своей стороны, считает решимость сестры выполнить данное ею обещание капризом, из-за которого оба подвергаются опасности. И все же законы гостеприимства заставляют его пренебречь опасениями и организовать ритуальное рукопожатие. По прошествии времени эпизод представляется ему юмористическим. Особенно от того, что по его наблюдениям, араб, Юлин партнер по рукопожатию, был так же насторожен, как и он сам. Кроме недоверия, а возможно и страха, вызванного непривычным поведением незнакомцев, хозяин магазина мог быть также смущен нарушением гендерных кодов (физический контакт с незнакомой женщиной) или обращением к нему на незнакомом языке.

Нам бы не хотелось, чтобы у читателя возникло превратное представление о том, что неприятие арабов разделяют все члены русскоговорящей общины. И среди проинтервьюированных нами эмигрантов, и среди участников Интернет-форумов, и среди русскоязычных журналистов есть люди, пытающиеся непредвзято взглянуть на арабо-израильский конфликт и проявляющие сочувствие к сложной ситуации, в которой оказались и палестинцы, живущие в автономии, и арабские граждане Израиля. Особо надо отметить, что русскоязычная пресса является своеобразным барометром политической обстановки: стоит правительству изменить курс влево, как в газетах появляются статьи журналистов и публицистов, поддерживающих политику уступок и переговоров. Однако очередной виток эскалации напряженности вновь выводит на передний край журналистов правых взглядов.

Следующие два отрывка – рассказы о встречах с палестинцами, живущими в автономии и приезжающими на работу в Израиль. В обоих случаях рассказчикам ясно, что палестинцы – жертвы политической и экономической ситуации, но их оценка поведения палестинцев различна.

Моисей В., 74

Интервьюер: Скажите, а вам тут с арабами приходилось общаться?

Моисей: С арабами? Да, приходилось. Я работал с арабами.

Интервьюер: В Эйлате?

Моисей: Да. На автостанции, да. Причем с арабами с территорий. Работал один, их было пятеро. Ничего, все обошлось.

Интервьюер: Работали они хорошо?

Моисей: Они работали, честно говоря, с ленцой, могу сказать. Я у них спросил как-то: «А почему, вот, вы не учитесь никто нигде?»

Интервьюер: Молодые были?

Моисей: Молодые, да. А они мне так ответили: «У нас власти там нет никакой. Никакой власти ведь нет. Если учиться, – это значит, это надо куда-то ехать. А у нас нет денег. И поэтому, – говорят, – мы вынуждены или, это, работать на всех тяжелых работах...» Я им хотел заикнуться, я говорю: «А почему вы не на сельском хозяйстве там, у себя, на землях?» Это они отмечают полностью. Значит, я, из чего я сделал вывод, что все-таки они ленивые люди, не хотят они заниматься. Вот лучше пойти в Израиль на заработки, чем начинать хотя бы устраивать свою страну.

Моисей думает, что интерес интервьюера связан, прежде всего, с вопросами безопасности и подчеркивает, что оказался один среди палестинцев, да еще и приехавших с территорий. Мы не знаем, насколько подробно Моисей расспрашивал своих сослуживцев о жизни в автономии. Судя по информации, которую он поведал интервьюеру, его представления о жизни палестинцев весьма ограничены. Однако ни скудость фактов, ни малое число знакомых палестинцев не мешают Моисею сделать вывод обо всем народе, упрекнув его в лени и нежелании наладить жизнь в своей стране. При этом он забывает о том, что государства Палестина, как такового, не существует, и даже статус автономии до

конца не определен. За годы жизни в Израиле Моисею пришлось сменить несколько рабочих мест, и везде он сталкивался с непривычной для него, инженера, эксплуатацией неквалифицированной рабочей силы. Но те условия труда, которые представляются ему несправедливыми в применении к иммигрантам, он считает синекурой для палестинцев.

Владимир К., 73 и Алла К., 65+

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, еще я не задала вам один вопрос: вы здесь, в Ашкелоне, с арабами сталкивались или нет?

Алла: С арабами нет.

Интервьюер: Вообще?

Алла: Только вот с теми, которые там что-то такое покупают здесь, ходят. А так – нет.

Интервьюер: Спасибо.

Алла: Наверное, иначе бы, может быть, и не было бы этой пятой колонны. Естественно то, что к ним относятся не как к таким же гражданам Израиля, как к евреям. Это вызывает их, вот, недовольство.

Интервьюер: Раздражение.

Владимир: Да. При въезде в Ашкелон слева, сразу же в начале улицы Бен-Гурион находится огромная площадка, которая является, ну, накопителем рабочей арабской силы для Ашкелона и, может быть, там, окружающих каких-то районов. Арабы туда скапливаются правдами и неправдами. И, наверное, во многом неправдами, скапливаются еще с вечера. Потому что рано утром начинается разбор или покупка рабочей силы *кабланами* (русифицированный иврит, «подрядчиками»), хозяевами строительства и так далее. Там жгут костры – ночью довольно холодно. Они пекут лепешки. Пытались даже меня угостить. Должен сказать, что среди них много пожилых людей. И мне где-то даже жалко стало. Я посмотрел и думал, что, вот, такие пожилые люди должны «стрелять» работу, чтобы прокормить семью. Они даже как-то во многом, ну, не то, чтобы напуганы, но преду-

предительны, как перед хозяином. Вот. И многие, которые не разобраны работодателями, они в большом унынии. Чувствуется, что для них это, в общем-то, ниточка жизни, короче говоря. И если даже приходилось, а мне приходилось как рабочему там подметать, они с готовностью поднимаются и снимаются, возле, вот, этого кострища, уходят в сторону. Ну, еще одна встреча была малюсенькая. Ходит по району *шикунов* (русифицированный иврит, здесь «жилых кварталов») в Ашкелоне, видимо, это ежегодная, такая, по весне ходит команда из нескольких человек. Во главе с таким самостоятельным бригадиром-арабом, а это команда из арабов. Несколько человек. Они нанимаются в отдельные частные домики на работу всяческую, там, строительную, ремонтные работы. Они тоже очень любезны, очень предупредительны. Спрашивают о вещах: «может быть, есть какие-то вещи?». Я даже несколько раз приносил им какие-то вещи. И если я находил, я им отдавал, вот, как дворник. Ну, вот, это мои непосредственные контакты.

Интервьюер: Изменилось как-то Ваше представление об арабах по сравнению с тем, что было в Москве?

Владимир: Ну, оно просто конкретней, ближе стало. Какое оно было? Оно абстрактное было представление и, ну, ближе стало. Я отдаю себе отчет, что, в общем-то, народ безработный, обездоленный там. Все эти исторические перипетии они в стороне, а народ-то страдает, народ-то страдает.

Владимир приехал в Израиль в пенсионном возрасте, но продолжал работать как неквалифицированный рабочий, чтобы увеличить скромный доход семьи. Возраст и незнание иврита ограничивали выбор рабочих мест. До волны иммиграции 1990-х дворники, уборщицы, обслуживающий персонал бензозаправочных станций и кассиры продовольственных магазинов в большинстве своем были арабы. Выходцы из СНГ почти целиком вытеснили арабов с этих рабочих мест. Для многих успех в этом соревновании означал не победу, а крушение надежд на лучшее будущее,

связанное с эмиграцией, в особенности для людей с дипломами высших и средних специальных учебных заведений. Но даже выполняя ту же работу, которую прежде делали арабы, иммигранты имеют более высокий социальный статус, чем их предшественники. В разговоре, продолжавшемся и после того, как запись интервью закончилась, Владимир назвал рынок найма на работу невольничьим рынком²⁹. Его сочувствие бедствующим палестинцам проявляется не только на словах. В Израиле принято помогать вновь прибывшим и нуждающимся, передавая им бывшую в употреблении одежду, мебель и кухонную утварь. Неожиданно для себя Владимир оказался не получателем помощи, а благотворителем, помогающим нуждающимся палестинцам, – роль непривычная для иммигрантов. Как и другие информанты, уже процитированные ранее, жена Владимира, Алла, называет арабов «пятой колонной», но в отличие от них, она приписывает недостаток лояльности арабов к Израилю эксплуатации и несправедливому обращению с ними со стороны израильтян.

Двойственность отношения к арабам, которая сквозит в рассказе Владимира, частое явление среди иммигрантов. Спокойно разговаривая друг с другом по-русски в присутствии носителей других языков, многие настораживаются, когда также поступают арабы. Не раз наблюдали мы и отрицательную реакцию на смех, воспринимаемый как насмешка чужаков с целью унижить. Известно, что смех может быть и средством сближения, и отталкивания. В условиях постоянного социального напряжения и подозрительности по отношению к арабам все чаще преобладает последнее.

В русскоязычных газетах часто появляются репортажи штатных и внештатных корреспондентов по впечатлениям резервистской службы на территориях. В большинстве своем авторы этих публикаций преследуют цель показать профессионализм и гуманность израильских военных, наносящих ответные удары по террористам. Попадают, однако, и статьи, пронизанные амбивалентностью в оценке действий израильской армии, поведения солдат и пале-

стинцев. Приведем в качестве примера две журналистские зарисовки.

Солдаты досматривают старенький «Фиат–127» голубого цвета. Двое палестинцев угодливо улыбаются на каждое оброненное ими слово. Палестинцам разрешили ехать. Но машина не заводится. Те же солдаты, что обыскивали «Фиат», толкают его сзади, помогают водителю завести машину...

Палестинский мальчик стоит у дороги и протягивает к подъезжающему джипу ЦАХАЛА горсть земли с проросшей из нее яркой зеленой травой. На губах мальчика полуулыбка. То ли он приветствует солдат, то ли собирается запустить землей в стекло машины... (Давидзон 2004: 7)

Как и израильтяне-старожилы, иммигранты часто сталкиваются на почве отношения к арабам. В приведенном ниже отрывке разногласия по этому поводу возникают между случайными знакомыми, однако нередки случаи, когда это становится причиной конфликта между друзьями или членами семьи.

Зина Б., 53 ИАФР 22110

Однажды мне было очень, очень **СТЫДНО**. Я вам сейчас расскажу этот случай, если... Стояла я в очереди в *Битуах Леуми* (отдел социального страхования). Впереди меня стояла женщина, позади стоял мужчина, и мы все очень активно общались на русском языке. Выяснилось, что мы все коллеги. Женщина, которая стояла впереди, учитель русского языка; я – учитель и журналист, а мужчина, который стоял позади – он немножко говорил с акцентом, я не поняла, с каким, – мне показалось, что это акцент кавказский, и (пауза), и я ошиблась. Он оказался тоже журналистом и учился в Ленинграде... И у нас нашлось с ним общего много очень, мы активно и интересно беседовали, пока не вышел вопрос... (пауза) Не так я высказалась. Пока не коснулись

арабского вопроса. И, когда стоящая впереди меня **ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ** женщина сказала:

– Лучший араб – это мертвый араб.

А стоящий позади мужчина сказал:

– А что же я вам плохого сделал? Я ведь араб.

Мне было **ТАК СТЫДНО** за эту женщину, что мне пришлось перед ним извиняться и объяснять ему, что не все так думают: «Поверьте, вы мне, что вот я думаю совершенно по-другому»³⁰.

Зина явно опасалась, что интервьюер не одобрит ее доброжелательности к арабам. В ее представлении именно враждебность по отношению к ним является нормой, поэтому она колебалась, стоит ли рассказывать эту историю. В начале повествования она объединяет всех участников эпизода в одну группу. Основанием для этого являются общий язык и подразумеваемая общность страны исхода. В дополнение к этому она указывает общность профессий и вытекающую из этого общность интересов, а также имплицитно социального положения – все участники стояли в очереди за пособием по обеспечению прожиточного минимума. На фоне этого сходства единственным элементом противопоставления, предвещающим конфликт, был легкий акцент мужчины. Перелом наступает при смене темы разговора, и группа раскалывается. Рассказчица моментально отмежевывается от соплеменницы и пытается убедить оскорбленного собеседника, что такая позиция нехарактерна для ее соотечественников. Особенно смущает Зину, что шовинизм выражает человек, принадлежащий к той социальной группе, которую она привычно ассоциирует с интеллигентностью. А это, по ее мнению, несовместимо с шовинизмом. Как уже указывалось в главе 2, советские евреи намного терпимее относились к проявлению антисемитизма со стороны представителей рабочего класса, чем со стороны интеллигенции. Как видим, в ситуации другого межэтнического конфликта усвоенная шкала оценки социальных групп сохраняется.

Экстремистская сентенция «Лучший араб – мертвый араб» – это перефразированное высказывание «Хороший индеец – мертвый индеец», приписываемое американскому генералу Филиппу Шеридану (1861). Высказывание это получило статус пословицы в

английском языке и постепенно проникло в другие языки. История ее использования подробно проанализирована немецким фольклористом Вольфгангом Мидером, который указывает на то, что она стала продуктивной моделью оскорбления *другого* и дает список лексических инноваций, строящихся по модели: «Единственный хороший X – мертвый X» (Мидер 1997: 154)³¹.

Как и Зина, следующая рассказчица, Роза, не испытывает ни страха, ни враждебности по отношению к арабам. Она с теплотой отзывалась о своих соучениках-арабах. В отличие от многих соотечественников, она увлечена востоком и экзотикой соприкосновения с другой культурой.

Роза Ч. 27 (ИАФР 22146)

Роза: Ну, вот, на второй или третий день я попросила: «Можно ли мне помыться?» «Да, – говорит, – вот подожди, вот сейчас этот помоеется, тот...». Что такое солнечный бойлер, что такое электрический бойлер, – я не знала. Что нужно, когда заходишь в ванную, включить вот эту вот штуку, которая греет.

Интервьюер: *Атмор*? (имеется в виду электрическая колонка для нагревания воды)

Роза: Нет, не *атмор*, а вот этот вот нагревательный прибор, чтоб не холодно было.

Интервьюер: междометие со значением понимания.

Роза: И закрыть форточку. Ну, я не знала, я была только два дня в стране. Вот. И я, значит, холодной водой и с открытым окошком я помылась. Ну, и результаты не заставили себя долго ждать. Я тогда попала в больницу, это был еще один для меня *этгар* (иврит, «испытание») такой. То есть иврит у меня был какой-то, и я пыталась там говорить. И кстати, вот об отношении местного населения, не разделяя на израильтян и неизраильтян. Со мной лежала женщина. Я не знаю, она была арабка или дружка, я не берусь говорить. Но я пришла туда с ужасной температурой, и мне очень плохо было. Первый день, когда у меня большая температура была, я пыталась причесаться, у меня не было сил

поднять расческу. И она пришла, значит, ко мне... Она на иврите вообще не говорила. Если у меня еще какие-то слова там были, – она вообще не говорила. Но она, значит, взяла расческу, она меня причесала, заплела мне косичку, значит, два таких синяка от температуры, вся такая желтая, с косичкой. Ей так понравилась ее работа, она меня погладила по голове, поцеловала, потом, к ним же приходят, *хамула* (иврит, заимствование из арабского, «клан»), вот она мне показывает бутылку с водой, значит, что не распечатано, никто не пил. Или еще там конфеты, или еще что. Возьми, мол, это никто не трогал. И это происходило на пальцах. Вот такое вот...

Мы уже говорили о том, что первые встречи с членами принимающего общества не просто даются мигрантам. Чувство социальной незащищенности и дезориентации обостряет реакции на восприятие себя другими. Успех или неудача первых контактов может надолго определить отношение иммигранта и к индивидам, и к обществу в целом. Роза вспоминает дни, проведенные в больнице, как проверку своих знаний иврита, который она старательно учила до отъезда из СССР, но в еще большей степени проверку умения справляться в незнакомом окружении. Характерно, что и арабов, и друзей она включает в группу «местных», но отделяет их от остальных старожилов-израильтян. Одним из критериев такого разделения становится язык. Роза находит забавным то, что ее рудиментарный иврит был лучше, чем уровень владения языком соседки по палате, и что самым надежным способом общения оказался язык жестов. Мы не можем утверждать, что Розина интерпретация знаков, подаваемых соседкой, была правильной, но заслуживает внимания то, какие из них она сохранила в памяти и описала в интервью. Одним из наиболее распространенных способов унижения членов неуютной этнической группы является утверждение об их нечистоплотности. Роза пересказывает эпизод, в котором женщина не только предлагает ей угощение, но и стара-

ется показать, что к еде никто не притрагивался, что воспринимается информанткой и как отношение к гигиене, и как особая щепетильность.

По нашим наблюдениям, положительное отношение к арабам, как индивидам и как к группе, встречается в основном у тех, кто видит в них какую-либо общность с собой, будь то учеба в СССР, знание русского языка, сходные личностные или профессиональные ценности (см. например, Хейфец 2005 о встрече русскоязычной интеллигенции с израильскими арабами, получившими высшее образование в СССР). Особо отмечают некоторые информанты сходство между арабами в Израиле и евреями в СССР в том, что и те, и другие вынуждены выдерживать жестокую конкуренцию в условиях декларируемого равенства и реальной дискриминации. Мы разделяем позицию Стайнберг и Бар-Он, которые рассматривали личные рассказы, вызывающие симпатию и сострадание, как попытки понять и приблизиться к *другому* (Стайнберг и Бар-Он 2002: 211).

Анастасия Н., 61 (ИАФР 22139)

То есть то, что я здесь увидела и встретила, не укладывается у меня ни в какое... До сих пор. Десять лет прошло, а я привыкнуть не могу. Безусловно, нет. Я считала, что они... Ну, значит, ошиблась. Я так понимаю, что *в галуте* (русифицированный иврит, «в диаспоре») был стимул. Ну, собственно, я так понимаю, – это все так понимают. И так оно и есть. Был стимул. Точно также рассказывал мой муж, как он наблюдал, как занимаются арабы здесь в медицинском, и как евреи. Ну, он там... Им поручали проследить, как ведется вскрытие. Ну, ему там доставался какой-то стол со студентами и с трупом. Так он говорит: «Я всегда старался попать там, где евреи. Они стоят, курят, что-то им рассказываешь, они слушают. Не слушают, слушают. Эти арабы вынимают душу: «А что это? А что это? А вот это покажи. А вот это покажи». То есть точно так, как занимались евреи в Союзе, в массе своей. Вот. Так что это, безусловно, как какой, так

сказать, стимул. Стимул, потому что иначе, как говорится, не будешь лучше, значит, не будешь никаким. Ну, и там были, конечно, бездельники, и всякие, кто говорит. Но все-таки там это были единицы, а здесь их просто...

Дана Л., 23

Дана: Я думаю, так же, как евреи в России были меньшинством, и поэтому еврей должен был учиться не на 5, а на 6. И он знал, что, если он хочет чего-то добиться, то он должен гораздо больше усилий прилагать, потому что на него смотрят ещё как на еврея. Тут этого нет. Тут израильтяне – они спокойны. Это их страна. И вот тут арабы, они понимают, что они чувствуют на себе, к себе какое-то отношение как к меньшинству, и поэтому они стараются не сто, а на двести. И они действительно очень достигают многого. Я просто смотрю на факультеты э-э, не знаю, адвокаты, врачи и всё. Очень много есть арабов среди них. Они даже вот, когда мы учимся, я вижу, что арабы эти – они более старательные. Для них – это важнее. Они тут как меньшинство – они хватаются. Это в итоге евреям не на пользу идёт, в итоге вот. Меньшинство – оно в итоге, оно не то, что в выигрышной ситуации. Это даёт что-то. Когда ты чувствуешь себя меньшинством, ты... И то же самое бывает с некоторыми русскими, которые чувствуют, что вот они – *олимы*, они – русские, они – в стороне. Так вот они всем докажут, что они могут. Это (*пауза*) какой-то катализатор, в принципе.

Частью бытующего в Израиле отрицательного стереотипа арабов стало изображение их ленивыми и неумелыми. Это предубеждение отражается и в языке: работу, не требующую никакой квалификации или сделанную неряшливо и некачественно, называют *авода аравит*, арабская работа³². В применении к медикам и юристам – студентам самых престижных в израильских университетах факультетов, этот компонент стереотипа разрушается. Хотя ни Анастасия, ни Дана не называют арабов дискриминируемым меньшинством, само сравнение их ситуации с положением совет-

ских евреев указывает на это. Обе информантки приходят к парадоксальному для себя выводу: неравенство положения может оказать положительный эффект на личность, так как заставляет ее мобилизовать все усилия на достижение цели. Примечательно, что, ругая израильтян за отсутствие усидчивости и интереса к будущей профессии, которое Анастасия приписывает самоуспокоенности этнического большинства, Анастасия не замечает, что подобным образом ведет себя и ее муж, стараясь держаться подальше от дотошных студентов.

Даже в тех случаях, когда известно, что арабы хорошо делают свое дело, многие израильтяне-старожилы, а также иммигранты предпочитают не обращаться к их услугам только по причине их этнической принадлежности. Селекция эта может проявляться в выборе бригады строителей или ремонтников, в которой нет арабов, нежелание покупать продукты в магазине, в котором доставка осуществляется бригадой арабов, или в выборе врача.

Татьяна Ж., 70

Интервьюер: А вам, вообще, приходилось здесь общаться с арабами?

Татьяна: Разговаривать? А почему нет?

Интервьюер: Нет, я спрашиваю. Мне просто интересно, насколько вы хорошо знаете.

Татьяна: Конечно, они мне очень нравятся даже. Симпатичные люди. Ну, с одним арабом, это вообще, прелестный человек. Он учился у нас в Москве. И он врач. Культурный человек, и он внешне хорошо выглядит. Хорошо говорит по-русски, правда с акцентом (рассказывает о своей болезни). А в России мне говорили: «Надо оперировать, надо оперировать! Срочно удалять, срочно удалять!» А я приехала сюда. А здесь жара, естественно. А тут много наших студентов. И, в частности, тут живет девочка. Она уже далеко не девочка, дочка нашего профессора. Она уже была кандидат наук, там еще. И я ей перезвонила, говорю: «Вика, ты мне скажи, к какому врачу?» (...) Она говорит: «Я вам найду хо-

рошего врача, чтобы проконсультироваться. Хорошего врача». И она мне сказала: «Но он», – говорит, – араб. Так что не пугайтесь». А чего мне пугаться? Он обследовал так хорошо. Он делал обследование не так, как смотрят наши врачи. Он по-другому это делал. Он... я не знаю. По-моему, он талантливый человек. Или здесь такая методика. Но он мне очень понравился. Я имею в виду, не внешне, естественно. Вот, это у меня столкновение с двумя такими. А на пляже... Я не знаю, араб это или еврей, я не могу отличить, где он. Там действительно, был один араб. У него дочка учится в университете. Он сидел прямо на пляже и разговаривал со мной. Ну, я-то использую возможность поговорить на языке. Вот. И он... На первом курсе. И он ездит все время ее встречает, каждый раз, потому что он волнуется, мало ли что будет с девочкой. И вот каждый раз в машине ездит. Оттуда ее забирает (неразборчиво) «...хотите войну?»

« Конечно, не хотим». Поэтому я не знаю.

Интервьюер: Они так же, как мы, хотят покоя.

Татьяна: Они хотят жить, они хотят жить.

Интервьюер: И учить детей.

Татьяна: Конечно, рожать, жить. Я вообще поняла, что жизнь-то все-таки заключается в чем... Когда я ехала сюда, я так себе представляла, я думаю... Говорят: «Не хлебом единым жив человек». Однако я понимаю теперь, что самое важное иметь... быть сытым, иметь крышу над головой, а внутренний мир заполняешь сам, по мере своих творческих возможностей. Есть у тебя – заполнил. Нету – ходи в тоске.

Восприятие *другого* и интерпретация его поведения во многом зависит от опыта, приобретенного в СССР. В нашем материале те информанты, которые выросли на Кавказе или в Средней Азии и тесно общались с представителями титульных национальностей, оказались более терпимыми и легче идут на дружеские контакты с арабами, чем выходцы из европейской части бывшего СССР (ср. Махамид и Готтман 1983: 101).

Екатерина Н., 46 (ИАФР 22141)

Екатерина: Есть здесь – Вы, наверное, слышали, вы наверняка слышали, – большая деревня, Шфарам.

Интервьюер: Да, слышала.

Екатерина: Так. Там живут все. Там живут и христиане, и друзья. Причем друзья и христиане рядышком, мусульмане – отдельно. И я хочу сказать, что христиане с ужасом говорили о мусульманах. Я не знаю, мы были на той территории, нам что-то надо было, какие-то детали купить, что-то. Я такого ужаса не испытывала, потому что, в принципе, я выросла среди мусульман. А как-то мне здесь пришлось убирать у одной женщины. Ну, частный *никайон* (иврит, «уборка»). Она оказалась мусульманка. И когда я помогала ей мыть стены... Я не знаю, что такое... Я, может, не знаю язык, но я знаю, что такое Коран. Я знаю, что это обозначает, я знаю эту религию.

Интервьюер: Ну, понятно.

Екатерина: Вот. И она мне вдруг начала... А на иврите мы с ней обе говорили не «ах», поэтому и поняли друг друга. Вот. И она меня начала уверять, что это – Коран, и смотрит на мою реакцию. Я говорю: «Я знаю». Она на меня смотрит, как «Как?». Я ей, в общем, кое-как объяснила, что я жила там, в общем, то же самое, что Турция. Потому что, что такое Азербайджан, конечно, она не понимает. Но как Турция она знает. Вот. Батюшки, как она меня целовала! Ой! Я для нее была самым-самым хорошим человеком. Она убирала вместе со мной, она заплатила мне в два раза больше, чем должна была. Она мне дала столько продуктов! Дело в том, что у них свой магазин овощной там, я знаю, сколько продуктов она мне дала. И она была в таком шоке, что я, еврейка, не испугалась и знаю, что такое Коран. Все родственники, которые заходили, она говорила, что я жила там, где Турция. У меня нет страха к этому. Я вообще не понимаю... Я считаю, что везде есть люди нормальные. Когда, вот, мне говорят, что, вот, араб такой, такой и сякой, я не понимаю этого.

Екатерина выросла в Азербайджане, и в ее интервью большое место занимают рассуждения о взаимоотношениях людей на востоке и о восточном гостеприимстве. По-видимому, поэтому Екатерина и не побоялась поехать на работу в арабскую деревню. В ее рассказе есть несколько типических черт, встречавшихся и в других интервью. Во-первых, это дружеские и уважительные отношения, установившиеся у иммигрантки с ее работодательницей. Для многих обладательниц вузовского диплома, вынужденных хотя бы на первых порах зарабатывать на жизнь уборкой в частных домах, это чрезвычайно важно, так как почти все они страдают от потери социального статуса и необходимости работать не в учреждении, а у частных «хозяев». Во-вторых, это признание того, что плохо владеющие ивритом иммигранты легче находят язык с арабами, также испытывающими трудности с языком, чем с евреями. Несомненно, наши информанты ошибаются, и причина взаимопонимания не в том, что и те, и другие с трудом говорят на неродном языке, а в том, что действует солидарность людей, имеющих низкий социальный статус.

В этом эпизоде мы наблюдаем разрушение двух стереотипов, порожденных израильской реальностью. До 1990-х годов трудно было представить, что не арабка убирает в еврейском доме, а наоборот. Для евреев-израильтян Екатерина – «русская», а для арабки, в доме которой работала Екатерина, она прежде всего – еврейка. Работодательница тоже оказывается в плену стереотипов и убеждена, что одно только упоминание о Коране вызовет у еврейки страх и неприязнь. Когда же та с гордостью показывает свою осведомленность, хозяйка-мусульманка не только проявляет бурную радость, но и задаривает Екатерину в знак признательности за уважительное отношение к исламу. Обратим внимание еще на одну деталь: притом, что в целом тон рассказа доброжелателен, Екатерина не упускает случая показать свое интеллектуальное превосходство над работодательницей: она даже не пытается

объяснить, что ее родина – Азербайджан, будучи уверена в отсутствии географических познаний у собеседницы.

Выделение эмигрантов из СНГ в отдельную группу проявляется не только в восприятии еврейского сектора израильского общества, но и в отношении арабов к «русским». Здесь также наблюдается амбивалентность. Одни связывают с прибытием волны 90-х ухудшение своего социального и экономического положения, другие надеются на то, что наличие большого процента неевреев среди эмигрантов из СНГ способствует эрозии еврейского характера государства и усилению позиции этнических меньшинств.

Дана Л., 23

Дана: Есть арабы, в глазах которых мы – русские, а не евреи, и из-за этого они к нам хорошо относятся. Это я тоже почувствовала. Или действительно приехали, прямо с крестиком ходят. У меня в семье там, жена моего дяди – она русская. Она ходит с крестиком и (пауза) нормально себя чувствует. А у меня, вот, был случай. У меня подружка, она общалась, дружила с арабами. Не дружила-дружила, просто общалась по-соседски. И этот араб, вот, говорил, что «я (пауза) ненавижу всех евреев, но ты для меня – русская, я к тебе хорошо отношусь». А она вообще даже не задумывалась об этом. Она, с виду она не похожа на еврейку: такая беленькая девочка, курносенькая, которой вообще, ей вообще всё равно. Вообще всё равно, где жить и с кем общаться. И за счёт этого происходит часто между, именно между русскими и арабами, очень хорошие отношения, лучше, чем между арабами и евреями или русскими и евреями. Я, вот, дружу с арабскими девочками и вижу, что они, как бы я для них (пауза) другая, я не такая, как израильтяне, со мной можно скорее подружиться. Я скорее помогу, чем они. И у нас обоих – другой язык (как и у других информантов, в речи Даны часто встречаются несогласования в роде, числе и падеже), то есть она понимает, когда я, скажем, по телефону, там, на русском, она – с кем-то на арабском. У нас это всё как-то понятнее. Вот так. Не знаю.

Обратим внимание на то, что Дана никак не выражает свое отношение к тому, что приятель ее подруги открыто признается в своей ненависти к евреям. Для нее важно не выражение ксенофобии, а признание особого характера своей группы и отличия русскоязычных от остальных израильтян. Дана упоминает, что некоторые иммигранты носят кресты, и уверяет, что это рядовое явление. Представляется, что это не совсем так. Так же, как маркированы длинные платья и платки мусульманок или парики ортодоксальных евреек, не могут быть нейтральными и атрибуты христианской веры, когда их носят люди, имеющие статус репатриантов. Евреи-израильтяне воспринимают это как вызов и еще одно подтверждение чужеродности эмигрантов из СНГ. В то же время ношение крестов арабами-христианами считается нормой, не обсуждается и не осуждается. Как и другие информанты, дружески расположенные к арабам, Дана подчеркивает взаимовыручку, солидарность, простоту в общении и толерантность представителей этнических меньшинств в отношении использования родного языка, а не иврита.

Как указывалось ранее, многие города Израиля делятся на арабские и еврейские кварталы, и эмигранты из СНГ не хотят видеть арабов в качестве своих соседей. Об этом говорили и процитированные в этой главе наши информанты. Но есть в нашем материале и рассказы о взаимной симпатии и возникновении дружеских отношений с соседями-арабами. В этих случаях на первый план выходит общий возраст, сходство социального положения и общие интересы, а не замкнутость этнических групп, негласно соблюдаемая обществом.

Дана Л., 23

Дана: А у меня в доме живут разные: у меня и арабы, и эфиопы, и евреи, у меня такой.

Интервьюер: С кем вы в лучших отношениях, или ни с кем?

Дана: (пауза) Вы знаете, у нас такой дом. Это (пауза) Халиса. У нас такой район м-м, такой...

Интервьюер: Я знаю.

Дана: Арабский. У нас так. Евреи у нас – это старички. Старенькие. Они в принципе, они приехали из Польши, они плохо говорят на иврите. Арабы, они тоже плохо говорят. И эфиопы плохо говорят на иврите. Ещё есть одна русская семья, то есть у нас такой вот дом, и (пауза) я со всеми здороваюсь. Мне, как ни странно, мне понятней всего арабы, потому что те уж очень пожилые люди. Эфиопы – они совершенно для меня непонятные. А арабы – молодая семья. Там девушка моего возраста, молодая. У неё – ребёнок. Она тоже уже там. И (пауза) они, просто образ жизни их мне более понятен. Как я там. Они нас приглашают. У меня до этого была семья. Они меня приглашали, там, кофе с ними попить. Но я как-то к ним зашла раз, но я их, не стала злоупотреблять гостеприимством, потому что я их пригласить не могу, – я ведь не живу одна. Если бы жила одна, я бы приглашала людей спокойно, но мои родители...

Эмма Р., 56 (ИАФР 22060)

Интервьюер: А вы помните свои первые контакты с израильянами? Когда они начались?

Эмма: Ну, э-м. Да-да, я помню. Это (*смеётся*) как это ни странно, этими израильянами оказались арабы. Мы э-э снимали квартиру. Нам помогали те люди, у которых мы остановились. Она владела английским, э, это давало возможность спокойней общаться. Пришли в назначенное время в указанную квартиру. Там никто нам не открыл. Тогда мы позвонили в квартиру напротив. Ну, вот. И там жила молодёжь. Молодые девочки-арабки, э, которые учились, кто-то в *михлале* (русифицированный иврит, «колледж»), кто-то в университете. Э-э она с ними очень хорошо поговорила. Вот. И они сразу сказали. Они говорят: «Ничего вы, вы знаете, – мы арабы». Она нам переводит. «Ничего, вот, ваши соседи – арабы». А мы: «Нет, нам все равно, лишь бы люди хорошие были». И надо сказать, что мы с этими девочками

так подружились. Особенно одна из них – Суха. Она изучала э-э английскую литературу. Вот. У нас были такие теплые отношения. Она приходила к нам в гости, и-и как-то мы умудрялись объясняться. А потом она мне «сосватала» своего племянника. У неё сестра учительница была. Интеллигентная семья. У них родился ребёнок, было ему месяца три. И она мне «сосватала» его в качестве э подопечного. Я его *метапелила* (русифицированный иврит, «нянчила»). Мне его приносили домой. Общалась, вот, с той семьей. Самые тёплые, хорошие отношения. Вот это были самые первые, самые хорошие контакты с израильянами.

Интервьюер: А скажите, вот, по прошествии этих лет, вообще, как Вы видите эту проблему? Э-э евреев и арабов?

Эмма: Э-э проблему их взаимоотношений?

Интервьюер: Проблема, ну, вот, эта проблема, конфликт, который мучает страну.

Эмма: Вы знаете, я вообще человек настолько далекий от политики, но, конечно, меня ранит всё, вся эта ситуация тяжёлая. Но, наверное, тьфу-тьфу, конечно, но мы сильно от этого противостояния не пострадали. Я не испытываю к ним никакой ненависти и враждебности. Нет. Э-э по-своему, в общем, они правы. Есть две правды: их и наша. Я человек, в принципе не склонный к антагонизму, э-э резким таким отношениям. Но мне их жаль, потому что и у них нет своего угла на планете, и у нас нету.

Характерно, что и Дана, и Эмма рассматривают свои добрые отношения с соседями-арабами как нечто необычное, вызывающее если не осуждение, то удивление окружающих. Дана явно сожалеет, что из-за трудных бытовых условий дома не может завязать более тесные отношения с молодой арабской парой, а Эмма сохранила добрую память о своих первых контактах с израильянами-арабами, которые оказались отзывчивее, чем многие израильяне, с которыми ей приходилось общаться впоследствии. В отличие от Нины К., которая называет себя интернационалисткой, но при этом избегает арабов, Эмму, прежде всего, волнует, чтобы

вокруг нее были «хорошие люди», независимо от того, к какой этнической группе они относятся. И встретившаяся ей арабская семья полностью отвечала этим требованиям. Эмму поразило, что девушки-арабки не только знали, что их присутствие может отпугнуть новых соседей, но открыто говорили об этом, как об обычном явлении. Как высшая похвала звучат ее слова: «интеллигентная семья». На просьбу интервьюера дать оценку арабо-израильскому конфликту, Эмма пытается занижить значимость своего мнения, говоря об отсутствии интереса к политике. Однако в таком политизированном обществе, как Израиль, практически невозможно оставаться нейтральным. Привыкшая к отрицательному отношению окружающих к арабам, Эмма противопоставляет свое мнение предполагаемому большинству и говорит не о симпатии, а об отсутствии ненависти. Ее слова о том, что существуют «две правды» являются признанием того, что нельзя игнорировать права арабов – мнение, которое считается крамольным многими ее соплеменниками. Как и в предыдущих отрывках, симпатия и сочувствие арабам строятся на проведении параллели с собственной группой. Особо отметим, что, даже поселившись в Израиле, Эмма продолжает считать евреев бездомными. Дом, в котором нет мира – это не дом, и по ее мнению, оба народа обречены оставаться бесприютными.

Незаписанные истории

В первой главе мы говорили о важности включенного наблюдения при проведении фольклорного исследования. По мере того, как пополнялся архив наших интервью, росло и количество дневниковых записей о жизни наших соотечественников, расширявших репертуар иммигрантских историй. В этом разделе мы приведем три эпизода, свидетельствующих о напряжении, в котором живут

израильтяне, постоянно стараясь поделить окружающих на друзей и врагов.

Излюбленный отдых израильтян – выезд на пикники. Весной в День Независимости весь Израиль превращается в страну «Мангалию», собравшись на шашлыки в лесу, на берегу моря и просто на обочинах дорог. Русскоязычные израильтяне любят таким образом отмечать и другие праздники. В сентябре 2002 г. одна из нас оказалась на пикнике, затеянном в честь празднования еврейского Нового года. Обычно переполненные народом площадки для пикников в лесу в пригороде Хайфы были почти пусты, за исключением еще одной группы, собравшейся вокруг праздничного стола. Оттуда раздавались восточные мелодии, и можно было видеть танцующих.

Передаем записанный по памяти разговор:

Ирина (4-я группа, русская): Господи, да это же арабы! Вот только этого нам и не хватало на *Рош ха-Шану*! (русифицированный иврит, «Новый год»)

Юлия: Ну, может быть, они бухарские евреи.

Вероника: А меня так не волнует, даже если это арабы.

Ирина: Ну, конечно. Ты же дома сидишь, а я вот, работаю вместе с ними. Посмотри-ка, а женщины там есть?

Юлия: И женщины, и дети.

Ирина: Но все черные. Наверное, все-таки арабы, светленьких не видно.

Анастасия и Юлия (почти хором). Среди арабов тоже есть блондины.

Юлия: Многие привезли жен из Белоруссии и Украины.

Ирина: Нет, женщины курят, значит, не арабы.

Через несколько минут со стороны подозрительного стола слышались звуки знакомой русской песни. Все вздохнули с облегчением.

Ирина – врач, кандидат наук. Не сдав квалификационный экзамен, дающий право на работу врачом, окончила курсы переквали-

фикации и стала медсестрой. В отделении много сестер-арабок, которые, по признанию Ирины, хорошо к ней относятся: «Я им нравлюсь». Однако она жалуется, что после террористических актов разговаривать с ними невозможно. Они не спорят, не выдвигают какие-то свои аргументы, они просто молчат. «И тут же становится ясно, что они по другую сторону баррикад». Одна из участниц разговора подтвердила: «Да, мы с ними по разные стороны баррикад».

Следующий разговор происходил в салоне косметолога. Одна из клиенток рассказала о молодом выходце из СНГ, которого полицейский принял за араба, остановил без видимого повода на улице и потребовал предъявить содержимое сумки. Молодой человек выказал неудовольствие, в результате чего был препровожден в полицейский участок, несмотря на протесты его русскоговорящей спутницы. Там личность его была установлена, молодого человека отпустили, но вечер был испорчен, и молодые люди чувствовали себя униженными. Косметологу были знакомы такие истории, и в ответ она рассказала одну из них, услышанную от соседа, водителя грузовика. Его тоже все время принимают за араба, и он даже привык к этому. Однажды на бензозаправочной станции он увидел объявление, что клиентам станции положено угощение: чашка кофе, которую можно выпить в кафе. Зная реакцию окружающих на свою внешность, он решил проверить, удастся ли ему воспользоваться гостеприимством владельцев бензоколонки. Он обратился к бармену и получил заработанную чашку кофе, а также краткий приказ: «На улице!» Водитель сказал, что предпочитает выпить свой кофе в помещении, но бармен настаивал на своем. Наигравшись вдоволь, сосед рассказчицы стал громко и витиевато ругаться матом. И только тогда перед ним извинились и разрешили остаться. Заканчивая свой рассказ, косметолог подвела итог: «И совершенно правильно они вели себя, раз уж им показалось, что он араб!»

Нерассказанные истории

В записанных нами интервью полностью отсутствует тема любви между русскоговорящими израильтянами и арабами. Почти не встречались также размышления о смешанных браках между иммигрантами и арабами; исключение составили лишь Симона К., 23, с негодованием говорившая о «русских» девочках, встречавшихся с арабами, как о позоре общины, и Дана Л., вскользь упомянувшая о своей знакомой, у которой приятель – араб (см. выше). Дана, симпатизирующая арабам-соседям и однокурсникам, тем не менее, не скрывает своего удивления и пытается объяснить выбор своей знакомой полной социальной апатией. Третье упоминание о романтических отношениях зафиксировано в наших этнографических дневниках. Девочка-подросток взбунтовалась против попыток родителей оградить дочь от знакомств с «нежелательными» молодыми людьми, не подходившими, по их мнению, девушке из интеллигентной ленинградской семьи. Начались конфликты, когда дочь стала встречаться с учеником *ешивы*, религиозного учебного заведения, а затем ушла из дому, когда у нее завязался роман с палестинцем, живущим за «зеленой чертой». Молодые люди прожили вместе год, и время от времени дочь навещала живущих в Иерусалиме родителей. После одного из таких визитов ее задержали у блокпоста и не пропустили на территорию автономии. Более года девушка не оставляла надежд на воссоединение, но оно так и не произошло. Постепенно беглянка вернулась к израильской жизни, продолжила учебу и возобновила контакты со своими сверстниками в Израиле (см. также Аль-Хадж 2004: 176–177, 203; Фиалкова 2005: 38–39).

В то время, как в фольклоре эмигрантов из СНГ тема любви между арабами и евреями не получила развития, в общине евреев – выходцев из Польши – любовные истории с фиксированным сюжетом и трагическим концом (еврейская девушка гибнет от руки возлюбленного-араба) были чрезвычайно популярны. Социальная

функция этих историй близка священным легендам о божественном наказании вероотступников (Бар-Ицхак 1998: 200–201). Характерно, что эта тема отсутствует не только в нашем материале, но почти не обсуждается ни в русскоязычной прессе, ни на интернет-форумах. По-видимому, мы имеем дело с социальным табу, которое, возможно, усилилось в период интифады и после того, как украденные документы эмигрантки из СНГ были использованы другой русскоязычной женщиной, оказавшейся вместе со своим мужем-палестинцем среди пособников террористов. Случай этот бурно обсуждался и в прессе, и в неформальном дискурсе, причем в русских газетах подчеркивалось, что задержанная полицией женщина не репатриантка, а незаконно приехавшая в Израиль проститутка. Бурную реакцию и осуждение в русскоязычной прессе вызвала и статья журналистки Наташи Мозговой о русских и украинских женщинах, вышедших замуж за палестинцев и проживающих на территории автономии. Мозговая с симпатией пишет об экономических трудностях и моральных проблемах, испытываемых палестинскими семьями, не связанными с террористическими организациями, в условиях интифады. Журналисты, откликнувшиеся на статью Мозговой, дают ответ и журналистке, и проинтервьюированным женщинам, пытаясь показать, что страдания палестинцев, – это миф, и все они так или иначе вовлечены в деятельность террористов (Мозговая 2002; Кочубиевский 2002: 6; Пятигорский 2002).

По нашим наблюдениям, среди израильтян-старожилов бытует мнение о распространенности смешанных браков среди арабов и «русских», что еще раз подтверждает, что в сознании старожилов иммигранты остаются чужаками.

Уроки нетерпимости

Постоянное деление окружающих на арабов и неарабов – одна из основных черт идентичности в израильском обществе, явление,

сравнимое со значением цвета кожи при определении «своих» и «чужих» в Америке (Джессел 1978: 38). В социальной психологии и исследованиях политического дискурса встречается термин «многожественная идентичность». Этот термин подразумевает, что и отдельные личности, и группы, такие как нации, в значительной степени представляют собой гибрид идентичности и таким образом, представление о гомогенной, «чистой» идентичности и на индивидуальном, и на групповом уровне обманчиво и иллюзорно (Водак и др. 1999: 16–17). Особенно отчетливо лабильность идентичности проявляется в иммигрантских сообществах. Многие советские евреи страдали от того, что принадлежат к меньшинству, к которому общество испытывает неприязнь. У многих сохранилось в памяти унижение, испытанное при столкновении с антисемитизмом и на уровне государственной политики, и в межличностных отношениях. Эти воспоминания в значительной степени подогревают националистические тенденции иммигрантского сообщества. Как справедливо указывают Хабибулин и Скворцов, в основе национализма лежит национальная обида. Оскорбленное и униженное самосознание требует сатисфакции (Хабибулин и Скворцов 1993: 67).

Размышляя о своем иммигрантском опыте, многие информанты говорят о том, что в Израиле они снова чувствуют себя людьми второго сорта, на сей раз из-за отсутствия высоко котирующегося в Израиле стажа проживания в стране и из-за того, что стали «русскими», которых можно эксплуатировать. В результате, в большинстве интервью мы сталкиваемся с противопоставлением «мы», русские и «они», израильтяне. Но как только речь заходит об арабах, это противопоставление заменяется другим: «мы», израильтяне и «они», арабы, которых в Израиле считают «вечными чужаками» (этот термин введен в литературу Бломмаертом и Версчуреном 1998: 15–20).

В государстве Израиль, впервые в современной истории, евреи стали доминирующим большинством. Вместе с тем, быстро растущее арабское население ослабляет численный перевес евреев

и вызывает у израильтян тревогу, что недалек тот день, когда арабское население окажется в большинстве. В таких условиях непрекращающаяся иммиграция – это важное средство сохранения демографического статус-кво, и даже ассимилированные светские евреи из СНГ становятся желанным прибавлением к еврейскому сектору. В связи с интифадой иммиграционный поток почти остановился. Можно предположить, что это стало одной из причин, по которой в 2004 г. комиссия Министерства Внутренних Дел разработала ряд документов, регламентирующих юридический статус детей иностранных рабочих. Тем из них, кто прожил в Израиле более 10 лет, будет предоставлен статус постоянных жителей. О том, что мера эта должна отчасти компенсировать падение иммиграции, говорит и репортаж под красноречивым заглавием «Примем детей гастарбайтеров вместо репатриантов» (Вайман 2004). Но даже несмотря на тревоги, связанные с демографической ситуацией, многие израильтяне озабочены количеством неевреев по Галахе среди иммигрантов 1990-х. По их мнению, демографические особенности иммигрантской группы, так же, как и постоянно растущий арабский сектор, подрывают основы государства, созданного евреями для евреев. У «этнической демократии» (Смуха 1990), ранее направленной в основном против арабов, появляется новая мишень. Израильские СМИ пытаются разделить «русскую» общину на «чистых» и «нечистых», и споры об изменении закона о возвращении не прекращаются ни в ивритской, ни в русской прессе. Рассматривая влияние иммиграции неевреев на политические и демографические процессы в израильском обществе, Лустик отмечает, что сегодня деление общества на еврейское большинство и арабское меньшинство правомерно заменить на противопоставление неарабского населения арабскому (Лустик 1999: 418). Наблюдения Лустика и наш материал подтверждают вывод Альпорта о том, что членство в группах не бывает фиксированным. В зависимости от целей и для усиления своей позиции человек мобилизует разные аспекты своей идентичности (Альпорт

1979: 35). В интервью газете «Вести» Арнон Софер, географ, профессор хайфского университета и руководитель центра, изучающего проблемы национальной безопасности, заявил: «Лично я готов заключить всех прибывающих русских (подчеркиваю, речь в данном случае идет именно о русских, а не о русскоязычных евреях) в объятия, при том условии, что они хотят приобщиться к истории и традициям нашей страны. Репатрианты из бывшего СССР, даже, если они не являются галахическими евреями или вообще принадлежат к категориям «сын, внук, родственник еврея», не выступают против еврейского характера Государства Израиль. Они не требуют отказаться от национальных символов – гимна, флага, герба. Арабы и бедуины, напротив, стремятся изменить характер государства, ликвидировав его еврейскую суть. Поэтому для меня нет вопроса – с кем я, коли я хочу жить в еврейском государстве» (Мартынова 2003а: 9). В ответ на подобные высказывания напрашивается печальный вывод, что «русских» принимают как своих лишь до тех пор, пока продолжается арабо-израильский конфликт. Стоит ему утихнуть, как неконформизм группы, проявляющийся в остальных вопросах общественной жизни, снова вернет их в категорию ненужных чужаков.

Русскоязычная пресса воспользовалась обострением конфликта, вызванного интифадой, для легитимации иммигрантов-неевреев. Приведем один пример. Рассказывая одну из многочисленных историй о туристке из СНГ, задержавшейся в Израиле более, чем на пять лет, корреспондент задает риторический вопрос: «А не предположить ли, что на самом-то деле нам выгодно, чтобы в страну прибывало как можно больше новых людей – в условиях нашего противостояния арабскому миру? И уже не столь важно, какая кровь в них течет, а важно знать, что они С НАМИ, а не ПРОТИВ нас. Но тогда будем честными до конца и скажем на весь мир: все, кто хочет разделить тяжелую ношу жителей Израиля, стать с ними плечом к плечу против наших противников, – милости просим!» (Шрайман 2002: 8).

Как мы уже показали в этой главе, в русскоязычной израильской прессе стало обычным называть арабов пятой колонной и врагами. Столь же часто можно услышать эти определения и в частных беседах. Постоянное присутствие «врага» увеличивает социальный престиж армии. И, как уже указывалось ранее, когда дело касается военной службы, роль защитников еврейского государства оказывается к лицу иммигрантам-неевреям. Важно то, что этнические русские, украинцы, молдаване, узбеки, независимо от того, атеисты они, христиане или мусульмане, не являются арабами. Эта тема часто обсуждается в интернет-форумах, многие участники которых прошли или проходят в настоящее время службу в армии. Приведем два примера интернет-дискуссий (напомним, что при цитации интернет-сообщений мы сохраняем орфографию и синтаксис оригинала):

Посторонний: А вы что судьи? Езжайте в СНГ и решайте там межнациональные проблемы. Вы кто такие? Вы что создавали Израиль, решали его проблемы. Просто смешно даже, приехали за колбаской, давайте всех мочить направо налево. Палестинцы может быть сто раз дерьмо, но почему вы считаете, что у них меньше прав на эту землю чем у Васьков из Кацапии или Абрамов с русскими женами? Ответьте на это.

Irena-Linda: Посторонний! Может быть Вы здесь и посторонний! А я гражданка этой страны и выражаю свое мнение. Вы мне разрешите? И я не собираюсь погибать из-за идиотской политики левых. Далеких от жизни и прекраснотушных... Мы не создавали Израиль (вообще-то все евреи и есть Израиль – где бы мы ни жили!), но мы его будущее – и мы и наши дети. И если «Васек из Кацапии» – служит в Израильской армии, то он может поважнее для Израиля, чем притворяющийся религиозным трус, косящий от армии (это не касается действительно верующих людей, изучающих Тору) (31-12-2002, Арабы и евреи – заложники политических игр <http://souz.co.il>)

Защитник Израиля: Я считаю, что израильтянином имеет право стать любой человек независимо от национальности и вероисповедания но позволю себе добавить что ето человек не должен высказывать недовольства и тем более оскарблять весь народ в целом (...) В противном случае он должен ответить в судебном порядке. (ето пишет простой гой который уважает людей живущих в етой стране)

Bugs Life: Absolutely right! (английский, «совершенно верно»)

Gishevt: Ну не позор ли этой стране, если нееврей защищает ее. Ай-йай-йай. Это трагедия. *Сохнут* привез на Святую землю много не евреев и они его защищают сейчас. (13.11.2000, Кого можно назвать израильтянином <http://souz.co.il>)

Возмущаясь поведением тех, кто под прикрытием религиозных убеждений уклоняется от армейской службы, иронизируя по поводу израильтян, сокрушающихся из-за обилия иммигрантов-неевреев, большинство участников цитируемых дискуссий не скрывают гордости за выполняющих свой гражданский долг иммигрантов независимо от того, евреи они или нет. Служба в армии – одно из важнейших условий интеграции в израильское общество, и часто армия рассматривается как эквивалент страны в целом (см., Гарфинкель 1997: 113–114; Шиплер 1986: 441). Уже тот факт, что израильские арабы не служат в армии³³, делает их изгоями и вызывает у иммигрантов чувство превосходства.

Опасность, совсем не являющаяся мифической на фоне продолжающегося конфликта, служит важным фактором, объединяющим израильтян. Каждый террористический акт, в котором гибнут и получают ранения выходцы из бывшего СССР, служит шагом к признанию обществом полноценности «русских» израильтян³⁴. Особой вехой этого союза на крови стал уже упоминавшийся террористический акт в дискотеке Дольфинарий. В то же время, террористические акты, даже когда среди их жертв оказываются из-

раильские арабы, резко обостряют анти-арабские настроения среди русскоговорящих израильтян.

Примечания:

¹ Частично материал данной главы опубликован в следующих работах: Еленевская и Фиалкова 2000, 2004; Фиалкова и Еленевская 2001б.

² Подобную ситуацию можно наблюдать и в Германии, и в Финляндии, где репатриантов из бывшего СССР считают русскими и переносят на них все отрицательные стереотипы, приписываемые русским. Как считает группа исследователей, сравнивавших отношение к репатриантам из бывшего СССР в Израиле, Германии и Финляндии, несмотря на положительное, в целом, отношение к феномену репатриации, отношение к выходцам из СССР преимущественно отрицательное, в особенности среди представителей социально и экономически слабых слоев населения (Ясинская-Лахти и др. 2003). Характерно, что в Германии сами выходцы из бывшего СССР нередко называют представителей своей группы «русаками», неминуемо вызывая ассоциацию с отрицательно окрашенным паронимом «прусаки».

³ Интересны в этом отношении результаты опроса «Культурные особенности русскоязычных израильтян», проведенного в 2001г. по заказу кафедры социологии Университета Бар-Илан. На вопрос «...кем вы себя считаете в наибольшей степени?» 69% ответили «Русским израильтянином/тянкой» и лишь 11% «Обычным израильтянином/тянкой» (Вопросник был составлен Ларисой Ременник, она же курировала ход исследования и анализировала его. Выдержки опроса приводятся Фельдманом, 2003: 486–501)

⁴ Ожидание того, что иммигранты должны ассимилироваться, не распространяется лишь на евреев, выходцев из США. Им легче прощается символическая связь со страной исхода и её ценностями, а также неумение или нежелание общаться на иврите. Такая терпимость непосредственно связана с политической и культурной проамериканской ориентацией Израиля. (О выходцах из США в Израиле см. Блох 1998; Раппорт 1998).

⁵ Отметим, что образ таракана в славянских верованиях неоднозначен. Черные тараканы считались защитниками дома и вестниками богатства. В некоторых районах их ловили и забирали с собой, когда семья переезжала на новое место (Гура 1997: 422–423).

⁶ Песмен обращает внимание на возрождение понятия *душа* в политической риторике эпохи перестройки и использовании его в речах М.С. Горбачева (Песмен 2000: 8).

⁷ Дискриминация евреев – выходцев из Средней Азии и Кавказа выходит за рамки межличностных отношений. Одна из русскоязычных газет поместила статью о том, что многие «русские» дискотеки закрывают свои двери для подростков с неевропейской внешностью. В качестве причины владельцы и сотрудники увеселительных заведений называют склонность этих ребят устраивать драки, которые могут навредить репутации клубов. Но ни самих подростков, ни их родителей не убеждают эти объяснения. Ребята жалуются, что, несмотря на то, что у них есть друзья из всех концов бывшего СССР, все они говорят по-русски и хотят развлекаться со «своими», их называют «черными» и не пускают уже из-за одной их внешности. Корреспондент побеседовал и с родителями, которые знают об отборе и подумывают об обращении в суд (Спивак-Лавров 2004). Подробно ситуация с горскими и бухарскими евреями в Израиле проанализирована Хеном Брамом (Брам 2003).

⁸ Провинциальность как олицетворение посредственности, застоя, отсутствия социальной мобильности, а значит и отсутствия престижа, не раз встречается в нашем материале, причем используется при оценке людей и жизни, как в СССР, так и в Израиле. Аналогичным образом используется это понятие и в русскоязычной прессе. Так, религиозный сионист, журналист правых взглядов, Дов Конторер, являясь ярким противником многокультурного общества, признает, что секулярная израильская культура провинциальна и не может сравниться с русской культурой (Конторер 2004). А ведущая журналистка Анна Исакова обеспокоена усилением признаков того, что в борьбе с элитарностью Израиль теряет свои достижения в области науки и культуры: «Сегодня Израиль – глубокая провинция. Если бы не неугомонные палестинцы и их проклятый террор, мир бы забыл о нашем существовании. Новости нашей культуры, общественной и политической жизни неинтересны даже нам самим. Все у нас вторично, «все как у людей», то есть перепевание того, что где-то кто-то придумал, сказал и сделал. Это и есть определяющая провинции, глаза которой постоянно устремлены вовне, если не «в Москву, в Москву, в Москву!» то «в Нью-Йорк, в Нью-Йорк, в Нью-Йорк!» (Исакова 2003б: 14).

⁹ Презрительное отношение к выходцам из Марокко отражается в уничижительных жаргонизмах «марокосы» и «черножопые». Первый из них является русско-израильским неологизмом, возможно, возникшим по аналогии с «эскимосами» и имплицитно подразумевающим дикость и необразованность, а второй, как указывалось выше, в равной степени применяется к темнокожим жителям Израиля и к ультрарелигиозным. Среди членов русскоязычной общины циркулирует большое количество шуток, высмеивающих глупость и неотесанность марокканских евреев. Приведем одну из них.

Владислав В., 29 (ИАФР 22114)

Вот, буквально, минутный анекдот. Они (марокканцы) рассказывали сами про себя.

«Что общего между марокканцем и артишоком?»

«Девяносто процентов мусора». Вот, и все.

¹⁰ В дискурсе израильтян, Хайфа часто фигурирует то как «северная столица», что воспринимается иммигрантами как параллель с одним из многочисленных наименований С.-Петербурга, то как «Красная Хайфа», – намек на традиционное преимущество Рабочей партии (Авода) в городских властях.

¹¹ Неприятие такого смешения звучит и у других информантов:

София Е., 48

Моя знакомая израильтянка однажды возмущалась тем, что на защиту ее докторской один из экзаменаторов пришел в костюме и галстук (В Израиле докторская степень, Ph.D., присуждается после экзамена, на котором присутствует научный руководитель и рецензенты. – Комментарий Софии).

– «Представляешь», – кипятилась она, – «он француз и явился разряженный, как петух, специально, чтоб унижить меня».

– «Ну а ты», осторожно поинтересовалась я, «во что ты была одета?»

– «Ну, как во что? Естественно, в джинсы и футболку».

Подумайте, ей ведь даже в голову не пришло, что экзаменатор проявил уважение и к присутствующим и к самому собы-

тию, а вот она-то как раз и показала наплевательское отношение к одному из главных событий своей жизни, явившись в своем обычном спортивно-затрапезном виде.

¹² Удивление, смешанное с гордостью, звучало и в выступлении психолога Н. Хрусталевой на заседании круглого стола, посвященном Российской диаспоре. Она описывает поселок недалеко от Мюнхена, в котором живут российские немцы, выехавшие целой деревней из Казахстана. Дома они построили похожие на те, в которых жили раньше, соседствуют с теми же людьми и даже улицам дали такие же имена – улица Ленина и Павлика Морозова. «Они полностью перенесли в Германию свой образ жизни и не ассимилируются», заключает Хрусталева (Маховская и др. 2001:30).

¹³ Дискриминация этнических имен может проявляться в том, что они становятся темой анекдотов или уничижительными заместителями этнонимов. В крайних случаях такая дискриминация может быть узаконена. Так, в социалистической Болгарии этническим туркам не разрешалось носить турецкие имена и фамилии, а только болгарские (Агостон-Николова 2001: 111). Вскоре после образования государства Израиль на иммигрантов, прибывавших в страну в 50-е и 60-е годы, оказывалось давление, принуждавшее их переделать на ивритский лад «галутные» имена, имевшие этимологию, связанную с идишем (Леви 2000: 28).

¹⁴ Среди языковых шуток-курьезов, любимых иммигрантами и основанных на смешении языковых кодов в речи, встречаются и связанные с именами собственными. Так, на странице юмора в газете «Вестник Севера» в рубрике «Олимовские истории» приводится такой эпизод: перескакивая подружке похождения Шерлока Холмса, русскоговорящая израильянка говорит: «И тут в дверь врываются Шерлок Холмс и доктор Вайцман...» (27.11.03: 17). Интерференция Ватсон-Вайцман неслучайна. Хаим Вейцман (в ивритском произношении – Вайцман) – первый президент Израиля, его имя носят многочисленные улицы и школы. В 90-е годы президентом был и его племянник, так что фамилия эта постоянно появлялась и в политических репортажах. Именно частотность употребления и привела к языковой игре.

¹⁵ Паронимия ивритских имен и русских слов обыгрывается и в повести Елены Толстой «Кровавый выкуп ключа», посвященной иммигрантской

жизни. Описываются в ней и настроения героев во время войны в Заливе 1991 года, когда на Израиль падали иракские ракеты Скард. Одна неунывающая пара по фамилии Атасовы решает завести ребенка «назло Саддаму Хуссейну». Их друзья рассуждают по этому поводу: «Если будет мальчик, назовем Гад Атасов, если девочка – Нога Атасова» (Е. Толстая 2000: 13–14).

¹⁶ В иммигрантском дискурсе произошло разделение понятий «Родина» и «историческая Родина», часто обыгрываемое в речи. Так в статье об американском музыканте Бобе Дилане журналист Дмитрий Эпштейн пишет: «Как бы то ни было, на исторической родине Боб чувствовал себя в меньшей безопасности, нежели на родине настоящей, а потому вернулся в Штаты» (Д. Эпштейн 2003: 20).

¹⁷ Как известно, в последние десятилетия Советской эпохи привязанность к родным местам часто противопоставлялась чрезмерно эксплуатировавшейся, а потому обесценившейся любви ко всей стране. Хотя и это чувство стало клишированным, любовь к «Малой Родине», где бы она ни находилась, оказалась более стойкой, и воспроизводится в иммигрантской культуре. Так, на канале «НТВ Интернэшнл» 26 декабря 2003 г. показывали запись игры КВН между командами США и Израиля. В одном из номеров американская команда вопрошала: «А что такое земля обетованная?» Юные участники один за другим отвечали:

– Ташкент, Одесса, Орел, Питер, Кривой Рог, ...Нью-Йорк.

– Как так? «Удивленно» спросили остальные участники команды.

– Да потому что я здесь родился! Зал разразился аплодисментами.

¹⁸ Об устойчивости приведенных здесь этностереотипов говорит тот факт, что многие израильтяне употребляют их в шутку в качестве автостереотипов. Вот одна из записей наших этнографических дневников: положив по ошибке чужую ручку себе в сумку, иммигрантка родом из Румынии с 30-летним стажем жизни в Израиле говорит со смехом: «Ну что ты будешь делать – румынка она и есть румынка!»

¹⁹ Указание на то, что евреи и арабы состоят в кровном родстве, находим в Ветхом Завете, а в израильском дискурсе арабов часто с иронией называют «нашими двоюродными братьями».

²⁰ Примером того, как израильские арабы воспринимают отношение русскоязычных израильтян к палестинцам, является интервью корреспондента агентства Аль-Джазира Валид Аль-Омари, которое он дал газете *Вести*. Аль-Омари считает, что «русские» израильтяне пытаются доказать, что они большие сионисты, чем все остальные, и такое отношение проявляется во всем – от проверок на контрольно-пропускных пунктах на границе до политики партий, во главе которых стоят «русские» (Мартынова 2003б).

²¹ Отметим, что наши наблюдения не подтверждаются данными Фельдмана, свидетельствующими о том, что «расклад политических симпатий в «русской» среде соответствует аналогичной диспозиции, сложившейся в израильском обществе в целом: 25% – слева, 25% – справа, 50% – в центре» (Фельдман 2003: 300).

²² В спонтанной речи в частных беседах также широко используются анималистские метафоры. Вот примеры из наших дневников:

Зина, 65+ : «У нас такие времена, что мы не можем позволить себе быть голубями, мы должны быть ястребами».

Алексей, 28, преподаватель университета, обсуждая с коллегами студентов, сокрушался: «Особенно тяжело, когда в группе есть братья наши меньшие».

²³ Действительно, по ряду объективных причин эмигрантам из бывшего СССР чаще, чем другим, приходится сталкиваться с насилием, принесянным интифадой. Так, по статистике, шанс погибнуть от руки террориста за «зеленой чертой» в 7 раз выше, чем в ее пределах. Среди жертв террора жителей Иудеи, Самарии и поселений вблизи сектора Газы примерно 21,5%, в то время как их доля в населении страны не превышает 3%. Примерно пятую часть населения «территорий» составляют русскоязычные, причем их число постоянно увеличивается. Соответственно, они становятся одной из наиболее вероятных мишеней для террористов. Еще одной категорией жертв террористов становятся мигранты, чье экономическое положение заставляет их пользоваться общественным транспор-

том, а не личными машинами. Так, в начале 2003 года в Тель-Авиве на учете в организации СЕЛА состояла 131 семья новых эмигрантов из бывшего СССР, потерявших родных и близких в террористических актах интифады (Эпштейн и др. 2004: 168).

²⁴ Афула – город на севере Израиля, не раз подвергавшийся атакам террористов.

²⁵ Интересна в этом смысле заметка, появившаяся в одном из номеров *Аргументов и Фактов*. По просьбе читателей там приводятся данные, взятые из энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945» (Москва, 1985) о представителях различных национальностей, награжденных званием Героя Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Евреи оказались в этом списке пятью (108 человек), после русских (8160), украинцев (2069), белорусов (309) и татар (161). (Аргументы и Факты. 2003. № 43. с. 7).

²⁶ Создававшаяся в Назарете ситуация во многом напоминает положение в польско-немецком пограничном городе Губен-Губин (см. Дюршмидт 2002).

²⁷ Примером такого отношения является статья, напечатанная в газете «Новости Недели» под заглавием «Поддерживаю право арабов на возвращение: Обращение ко всем честным правозащитникам». Автор говорит о праве евреев и арабов на возвращение, рассказывает о древней истории обоих народов и о том, как они оказались на территории современного Израиля. И, когда читатель уже полностью убежден, что цель приводимых фактов – доказать право палестинцев на возвращение в Израиль, автор применяет эффект обманутого ожидания: «Ни одна из стран мира, кроме той, которая называется Саудовской Аравией (и возможно, еще какие-то из эмиратов Персидского залива), не является исторической родиной арабов. И никто не оспаривает у арабов права на эту страну, имеющую колоссальную территорию и острый дефицит населения, необходимого для нормального развития большой территории (!) (авторский знак)» В завершение статьи автор говорит, что именно от Саудовской Аравии, а не от Израиля, следует требовать приема палестинцев, раскиданных по миру и желающих вернуться на родину (Кочубиевский 2001).

²⁸ Показателен эпизод, который приводит Шиппер. На уроках в старших классах религиозной школы ученики, обсуждая социальную струк-

туру арабского общества, свысока говорили об арабах, демонстрируя бытующие в еврейском секторе стереотипы: «Что им еще нужно? Посмотрите, сколько они от нас получили. Разве они дали бы столько евреям, живущим на их землях?» Когда же дошли до обсуждения прав арабов, большинство учеников с изумлением и негодованием открыли для себя, что живущие в Израиле арабы, – граждане страны. Они были уверены, что, как и палестинцы с территорий, израильские арабы не имеют права голосовать и пользоваться гражданскими свободами (Шиплер 1986: 533–534).

²⁹ Подобные ассоциации возникли на рынке по найму строительных рабочих в Ашкелоне и у израильского политика Ловаля Элиава в разговоре с Саной Хасан: «Должен признаться, что я очень опасаюсь, что годы оккупации размыли ценности, которые когда-то были в нашей стране. Некоторые стали просто-таки кулаками, а то и хуже того, мелкими работодателями. Каждое утро они едут на рынок дешевой рабочей силы в Ашкелоне, где собираются арабы из окрестных лагерей беженцев. Там все – старики, молодежь, женщины и дети. И я собственными глазами видел, как мои соотечественники осматривают их, трогают детские руки, чтобы убедиться, что в них есть сила; точно так же, как когда-то владельцы плантаций осматривали зубы черных рабов. (...) Много лет назад я довел это до сведения Голды (Израильский премьер министр Голда Меир – 1969–1974). Я сказал ей, что мы тут в Израиле создаем свою Хижину Дяди Тома, – такую хижину братца Мухаммада...» (Хасан 1986: 54–55)

³⁰ Похожий эпизод находим в книге Шиплера: «Множество грустных и комических ситуаций возникает в результате желания с первого взгляда установить, кто еврей, а кто араб. Однажды раввин Брюс Коэн стоял вместе с другим евреем в закусочной на одной из Тель-Авивских улиц. Они спорили по поводу проектов Брюса, целью которых было развитие сотрудничества между арабами и евреями. Собеседник Брюса был настроен скептически. «Нельзя доверять арабам» – сказал он раввину. «Вы согласны?» – обратился он к стоящему за прилавком продавцу. «Нет, я не согласен», – ответил тот, – «потому, что, видите ли, я ведь и сам араб» (Шиплер 1986: 370).

³¹ Сегодня можно говорить о том, что и в русском языке это высказывание распространилось настолько, что стало клишированным. И как любое клише, оно подвергается лексическому и семантическому обнов-

лению. Приведем один пример: «Над стойкой бара висела табличка: «Хороший индеец – мертвый индеец». Под баром лежал индеец, еще не мертвый, но уже хороший».

³² Справедливости ради отметим, что наши соотечественники не слишком хорошего мнения и о профессиональных и деловых качествах евреев-израильтян, что находит отражение в анекдотах. Приведем один пример, который также показывает, что фольклор используется для нейтрализации страхов: «Один наш руководитель заменяет десять их террористов» (Magazine, 8 января 2004: 32).

³³ Уточним, что для друзей служба в армии обязательна, а бедуины вольны сами решать, служить ли им. Имеются отдельные случаи, когда в армию идут арабы-христиане и мусульмане. В отличие от евреек, женщины из названных групп никогда не служат.

³⁴ О союзе между Израилем и Россией, союзе, скрепленном кровью соотечественников, говорится не только в частных беседах, но и в прессе, причем, как и многие аспекты трагических событий интифады, эта тема возникает и в фельетонах, и в разделе юмора: «Произошли большие изменения в израильской жизни. Например, после очередного теракта в одном из городов теледиктор почти безошибочно и быстро прочитал русские фамилии, делая правильные ударения и верно произнося названия не известных никому доселе русских городов – Томск, Краснодар, Свердловск, Магнитогорск. Точно так же правильно стали произносить русские теледикторы, почти всегда, названия ивритских городов, еврейские фамилии.

Все занимает время, все стоит, как это ни ужасно звучит, крови. Нашей с вами крови, господа. Даже правильные ударения в именах собственных» (М.М.З.Л. 2001).